ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ,

ИЛИ

РУССКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть первая.

Соч. М. Н. Загоскина.

МОСКВА.
Въ Типографіи Н. Степанова.
При Императорскомъ Театрѣ.
1829.

Елизавета Иванова.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва. 1829 года, Іюля 19 дня. Цензоръ и Кавалеръ

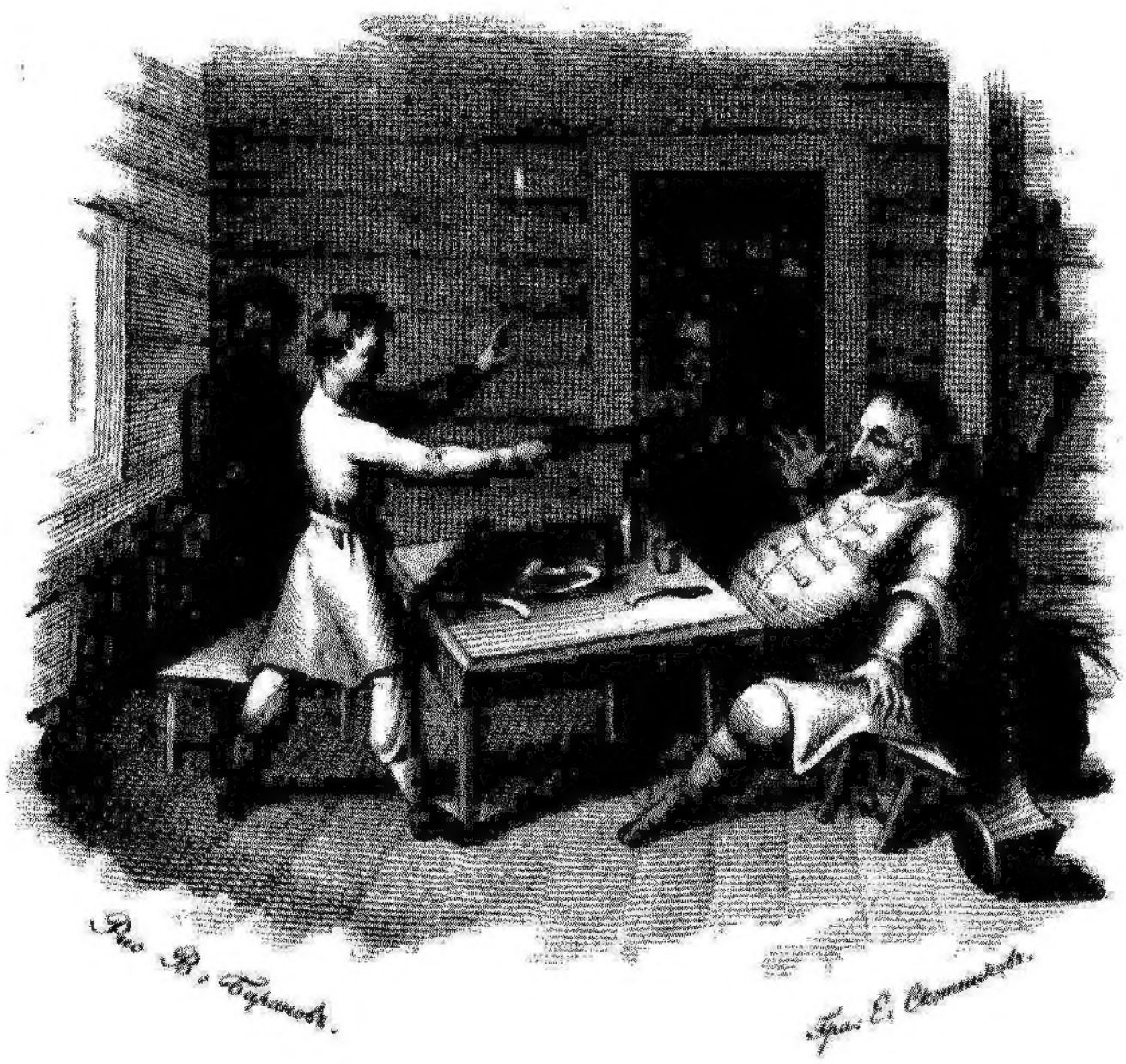
Иванъ Снегиревъ.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ

ИЛИ

РУСКІЕ ВЪ 1612 ГОДУ.

Часть I.



МОСКВА.

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ.

ГЛАВА I.

Никогда Россія не была въ сполъ бѣдспвенномъ положеніи, какъ въ началѣ 17-го сполѣтія; внѣшніе враги, внупренніе раздоры, смупы Бояръ, а болѣе всего совершенное безначаліе — все угрожало неизбѣжной погибелью землѣ Русской. Вѣрный сынъ опечеспва, Бояринъ, Михайло Борисовичь Шеинъ, не смопря на безпримѣрную свою неуспрашимоспь, не могъ спаспи Смоленска. Сей, по погдашнему времени, важный своими укрѣпленіями городъ, былъ уже во власпи Польскаго Короля, Сигизмунда, войска копораго, подъ командою Гепмана Жолкѣвскаго, впущенныя измѣною въ Москву, упѣсняли неечаспныхъ жипелей сей древней Сполицы.

Наглость, своевольство и жестокости сего буйнаго войска превосходили всякое описаніе (1). Имъ не уступали въ звѣрствѣ многолюдныя полпы разбойниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Запорожскихъ Козаковъ, которые занимали, или лучше сказать, опустошали Черниговъ, Брянскъ, Козельскъ, Вязму, Доргобужъ и многіе другіе города. — Въ недальномъ разстояніи отъ Москвы, стояли войска втораго самозванца, прозваннаго Тушинскимъ Воромъ; на сѣверѣ, Шведскій Генералъ, Понтіусъ де ла Гарди свирѣпствовалъ въ Новѣ-городѣ и Псковѣ; однимъ словомъ, изключая нѣкоторые Низовые города, почти вся земля Русская была во власти непріятелей и одна Сергіевская Лавра, осажденная войсками втораго Самозванца, подъ начальствомъ Гетмана Сапѣги и знаменитаго Налепа (*), Пана Лисовска-

---

(*) Такъ назывались въ то время Партизаны.

го, упорно защищалась; малое число воиновъ, слуги монастырскіе и преспарѣлые иноки отстояли святую обитель.—Сей спасительный примѣръ и увѣщательныя грамоты, кои благочестивый Архимандритъ, Діонисій и незабвенный старецъ, Аврамій разсылали повсюду, возбудили наконецъ усыпленный духъ народа Русскаго:—заплились въ сердцахъ искры пламенной любви къ отечеству; всѣ готовы были возстать на супостата, но священныя слова: »умремъ за вѣру православную и святую Русь!«—не раздавались еще на площадяхъ городскихъ; всѣ сердца кипѣли мщеніемъ, но Пожарскій, покрытый ранами, страдалъ на одрѣ болѣзни; а безсмертный Мининъ еще не выступалъ изъ толпы обыкновенныхъ гражданъ.—

Въ сіи-то смутныя времена, въ началѣ Апрѣля 1612-го года, въ одну бурную ночь два всадника медленно пробирались по берегу луговой спо-

роны Волги. Одинъ изъ нихъ, закутанный въ широкій охобень (*), ѣхалъ впереди на борзомъ ворономъ конѣ, и, казалось, совершенно не замѣчалъ, что мятель становилась часъ отъ часу сильнѣе; другой, въ наголъномъ тулупѣ, сверхъ котораго надѣтъ былъ на распашку кафтанъ изъ толстаго бѣлаго сукна, безпрестанно останавливалъ свою усталую лошадь, прислушивался со вниманіемъ, но не различая ничего, кромѣ однообразнаго свиста бури, съ примѣтнымъ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны: — Полегче, Бояринъ! — сказалъ онъ наконецъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ,—твой конь шагаетъ, а мой Сѣрко чудь ноги волочитъ.—

Передній всадникъ приостановилъ свою лошадь; а попъ, который началъ говорить, поровнявшись съ нимъ, продолжалъ:

(*) Верхнее платье, съ длинными рукавами и капишономъ.—

—Прогнѣвили мы Господа Бога, Юрій Дмитричь! Не даетъ намъ весны! Да и впору мы выѣхали! Я говорилъ тебѣ, что будетъ погода. Вчера мы проѣхали верстъ шестьдесятъ, такъ могли бъ сегодня отдохнуть. Вотъ ужъ седьмой день, какъ мы изъ Москвы, а скоро ли доѣдемъ — Богъ вѣсть!—

—Не кручинься, Алексѣй!—отвѣчалъ другой путешественникъ; — завтра мы отдохнемъ вдоволь.—

—Такъ завтра мы доѣдемъ туда, куда послалъ тебя Панъ Гонсѣвской?—

—Я думаю.—

—Дай-то Богъ!... Ну, ну, Сѣрко! спупай!... А что, Бокринъ, назадъ въ Москву мы вернемся, или нѣтъ?—

—Да, и очень скоро.—

—Не прогнѣвайся, Государь, а позволь слово молвить! Не лучше ли намъ переждать, какъ тамъ все угомонится? Теперь въ Москвѣ житье худое: Поляки буянятъ, православные ропчутъ—того и гляди пойдетъ

рѣзня!—Поспой-ка, Бояринъ, поспой!—Сѣрко мой что-то храпитъ, да и твоя лошадь упирается—ужъ не оврагъ ли?«....

Оба путешественника остановились; Алексѣй спрыгнулъ съ лошади, спупилъ нѣсколько шаговъ впередъ и вдругъ остановился, какъ вкопаной.

—Ну, что?—спросилъ другой путешественникъ.

—Охъ, худо, Бояринъ! Мы ѣдемъ цѣликомъ, а вопъ кажется и оврагъ.... Ахъ, батюшки—свѣпы! Какая крупь!—Какъ Богъ помиловалъ!—

—Такъ мы заплупались?—

—Вопъ по-по и бѣда!—Ну, Юрій Дмипричь! что намъ теперь дѣлать?—

—Искать дороги.—

—Да, какъ ее сыщешь, Бояринъ; Смотри, какая мятель—свѣту Божьяго не видно!—

Въ самомъ дѣлѣ вьюга усилилась до такой степени, что въ двухъ ша-

гахъ не возможно было различать предметовъ. Снѣжная равнина, взрываемая порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превратился въ совершенный вихрь. Цѣлыя облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно. Ведя за собою лошадей, которыя на каждомъ шагу оступались и вязнули въ глубокихъ сугробахъ, они прошли версты двѣ, не опыскавъ дороги.

— Я не могу идти далѣе, сказалъ наконецъ тотъ изъ путешественниковъ, который, по видимому, былъ господиномъ; онъ бросилъ повода своей лошади, и въ совершенномъ изнеможеніи упалъ на землю.

— Ужъ не прозябъ ли ты, Боярин? спросилъ другой испуганнымъ голосомъ.

— Да! Я чувствую, кровь засыпаетъ въ моихъ жилахъ. Послушай!...

Если я не смогу идти далѣе, то покинь меня здѣсь на волю Божію, и думай только о себѣ.—

—Что ты, что ты, Бояринъ! Богъ съ тобою!—

—Да, мой добрый Алексѣй! Если мнѣ суждено умереть безъ исповѣди, то да будетъ Его святая воля! Ты устанъ менѣе моего и можешь спасти себя. Когда я совсѣмъ выбьюсь изъ силъ, оставь меня одного, и когда Господь поможетъ тебѣ найдти пріютъ, то ступай завтра въ отчину Бояpина Кручины Шалонскаго— она не далеко отсюда, отдай ему....

—Какъ, Юрій Дмитричь! чтобъ я, твой вѣрный слуга, тебя покинулъ? Да на то ли я вскормленъ отцемъ и матерью? Нѣтъ, родимой! если ты не можешь идти, то и я не тронусь съ мѣста!—

—Алексѣй! ты долженъ исполнить послѣднюю мою волю.—

—Нѣтъ, Бояринъ! и не говори объ этомъ! Умирать, такъ умирать обо-

имъ. Но что это?.... Не послышалось ли мнѣ?

Алексѣй снялъ шапку, наклонилъ голову и сталъ прислушиваться съ большимъ вниманіемъ.—Хотябъ на часокъ запихъ этотъ окаянный вѣтеръ! вскричалъ онъ съ нетерпѣніемъ. Мнѣ показалось, что налѣво отъ насъ... Чу, слышешь, Юрій Дмитричь?—

—Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Юрій, приподнимаясь на ноги; кажется, тамъ лаетъ собака....

—И мнѣ то же сдается. Дай-то Господи! Завтра же отслужу молебенъ святому угоднику, Алексѣю.... поставлю фунтовую свѣчу.... Пойду пѣшкомъ поклонишься Печерскимъ чудотворцамъ.... Чу, опять! Слышешь?—

—Точно, ты не ошибаешься.—

—А гдѣ лаетъ собака, тамъ и жилье. Ободрись, Бояринъ; Господь не совсѣмъ насъ покинулъ.—

Кого среди ночнаго мрака заставала мятель въ открытомъ полѣ; кто

испытать на самомъ себѣ весь ужасъ бурной зимней ночи, попъ поймешъ восторгъ нашихъ путешественниковъ, когда они удостовѣрились, что точно слышатъ лай собаки. Надежда вѣрнаго избавленія оживила сердца ихъ; забывъ всю усталость, они пустились немедленно впередъ. Съ каждымъ шагомъ прибавлялась ихъ надежда; лай становился часъ отъ часу внятнѣе, и хотя буря не уменьшалась; но они не боялись уже сбиться съ своего пути.

—Кажется, не далеко отсюда, сказалъ Юрій; я слышу очень ясно....

—И я слышу, Бояринъ! отвѣчалъ Алексѣй, приостановясь на минуту: да только этотъ лай мнѣ вовсе не по сердцу.—

—А что такое?—

—Ничего, ничего!-Дай-то Богъ, чтобъ тутъ было жильё!—

Они прошли еще нѣсколько шаговъ; вдругъ большая черная собака, съ громкимъ лаемъ, бросилась на

встрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать и потомъ съ воемъ побѣжала назадъ. Алексѣй пошолъ за нею; но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ вскричалъ съ ужасомъ: —Съ нами крестная сила!—Ну, шакъ!... сердце мое чуяло.... посмопри-ка, Бояринъ!—

Человѣкъ въ сѣромъ армякѣ, подпоясанный пестрымъ кушакомъ, изъ за-копораго виднѣлась рукоятка широкаго Турецкаго кинжала, лежалъ на снѣгу; длинная винтовка, въ суконномъ чехлѣ, висѣла у него за спиною; а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая Козацкая плеть.—Татарская шапка, съ густымъ околышемъ, спала съ его головы, и вѣтеръ развѣвалъ черныя его кудри по воздуху.—Собака легла подлѣ его и, глядя пристально на нашихъ путешественниковъ, начала выть жалобнымъ голосомъ.

—Ахъ, Боже мой! сказалъ Юрій, не-

счастный, онъ замерзъ!—Забывъ собственную опасность, Юрій наклонился заботливо надъ прохожимъ и старался привести его въ чувство.

Сей плачевный видъ, предвѣстникъ собственной ихъ участи, усталость, а болѣе всего обманутая надежда—все это вмѣстѣ такъ сильно подѣйствовало на бѣднаго Алексѣя, что вся бодрость его изчезла. Предавшись совершенному отчаянію, онъ началъ называть по именамъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ своихъ;—простите, добрые люди! вопилъ онъ, прости, моя Маринушка! Не въ доброй часъ мы выѣхали изъ дому, пропали наши головы!—

—Полно ревѣть, Алексѣй! сказалъ Юрій, поди сюда. Этотъ бѣднякъ еще живъ, онъ спитъ, и если намъ удастся разбудить его....

—Эхъ, родной! и мы скоро заснемъ, чтобъ вѣкъ не просыпаться!—

—Не грѣши, Алексѣй! Богъ милостивъ! Посмотри хорошенько, развѣ

ипы не видишь, что здѣсь снѣгъ ука-
ланъ и наши лошади не вязнутъ—
вѣдь это дорога.—

—Дорога? поспой, Бояринъ.... въ
самомъ дѣлѣ! Слава Богу! Ну, Юрій
Дмипричь, сядемъ на коней, мѣшкать
нечего!—

—А этотъ бѣдный прохожій?—

—Дай Богъ ему царспво небесное!
ужъ видно ему такъ на роду написа-
но. Поѣдемъ, Бояринъ.—

—Нѣтъ, я попытаюсь спасти его,
сказалъ Юрій, спараясь привести въ
чувспво полузамерзшаго незнакомца.
Нѣсколько минутъ прошло въ безплод-
ныхъ спараніяхъ; наконецъ прохожій
очнулся, приподнялъ голову, и ска-
залъ нѣсколько невняшныхъ словъ.
Юрій, при помощи Алексѣя, посгавилъ
его на ноги, но онъ не могъ на нихъ
держаться.—Ну, видишь, Юрій Дмип-
ричь, сказалъ Алексѣй, намъ съ нимъ
дѣлать нечего; поѣдемъ! Изъ первой
деревни мы вышлемъ за нимъ сани!—

—А пока мы доѣдемъ до жилья, онъ усиѣетъ совсѣмъ замерзнуть.—

—Чтожъ дѣлать, Бояринъ! своя рубашка къ тѣлу ближе!—

—Алексѣй, побойся Бога! Развѣ ты не крещеной?—

—Да послушай, Юрій Дмитричъ! за тебя я готовъ въ огонь и воду: ты мой Бояринъ, а умирать за всякаго прохожаго не хочу; дѣло другое отслужить по немъ панихиду, пожалуй....

—Молчи! и пособи мнѣ посадить его на твою лошадь!—

Алексѣй замолчалъ и принялся помогать своему господину. Они не безъ труда подвели прохожаго къ лошади; онъ переступалъ машинально, и, казалось, не слышалъ и не видѣлъ ничего; но когда надобно было садиться на коня, то вдругъ оживился, и, какъ будто бы по какому-то инстинкту, вскочилъ безъ ихъ помощи на сѣдло, взялъ въ руки повода, и неподвижные глаза его вспыхнули жиз-

нію, а на безчувственномъ лицѣ изобразилась живая радость. — Черная собака, съ громкимъ лаемъ, побѣжала впередъ.

— Посмотри, Бояринъ! сказалъ Алексѣй; онъ чудь живъ, а какимъ молодцомъ сидитъ на конѣ: видно, что ѣздокъ!.... Ого! да онъ началъ пошевеливаться! Тише, братъ, тише! Мой Сѣрко и такъ устамъ. Однакожъ, Юрій Дмитричь, или мы поразогрѣлись, или погода становится теплѣе.—

— И мнѣ то же кажется.—

— Какъ бы снѣгъ не такъ валилъ, то намъ бы и думать нечего. Ей ты, мерзлой!—Полно, братъ, гарцовать, сиди смирнѣе! — Ну, теперь отлегло отъ сердца; а давича пришлось-было такъ жутко, хоть тутъ же ложись, да умирай!—Ахти! постой-ка! ни какъ дорога пошла направо? Мы опять ѣдемъ цѣликомъ.—

Тутъ налѣво отъ нихъ послышался лай собаки, незнакомый поворотилъ въ ту сторону.—Куда ты, зем-

лякъ! Постой, вскричалъ Алексѣй, схвативъ за поводъ лошадь, иль хочешь опять замерзнуть?—Но незнакомый махнулъ плетью и, пропащивъ нѣсколько шаговъ за собою Алексѣя, выѣхалъ на большую дорогу.—Видишь ли, прошепталъ онъ едва внятнымъ голосомъ, что моя собака лучше твоего знаетъ дорогу.—

—Ге! да ты спалъ поговаривать! Ну, что, братъ, ожилъ?—

Незнакомый не отвѣчалъ ничего, и, продолжая ѣхать молча, старался безпрестаннымъ движеніемъ разогрѣть свои оледенѣвшіе члены; онъ приподнимался на стременахъ, гнулся на ту и другую сторону, махалъ плетью и спустя нѣсколько минутъ запѣлъ потихоньку, но довольно твердымъ голосомъ:

Гой ты, море, море синее!
Ты разгулье молодецкое!

* * *

Ты прости, моя любимая,
Красна дѣвица—душа!

Не трепать рукою ласковой
Щеки алыя твои;
А трепать ли молодцу
Мнѣ широкимъ весломъ
Волгу матушку. . . .

—Ого, товарищъ! сказалъ Алексѣй, да ты никакъ совсѣмъ оппаялъ— пѣсенки попѣваешь!—

—Да, добрые люди, спасибо вамъ! долго бы мнѣ спать, если бы вы меня не разбудили.—

—Откуда ты? спросилъ Юрій, и куда пробираешься?—

—Изъ-подъ Москвы! А куда иду, и самъ еще путёмъ незнаю. Верстахъ въ пяти отсюда, неизмѣнный мой товарищъ, добрый конь, выбился изъ силъ и палъ; я хотѣлъ кой-какъ добресть до первой деревни....

—А кто ты таковъ?—

—Кто я? Какъ бы вамъ сказать.... зовутъ меня Киршею; родомъ я изъ Царицына; служилъ Козакомъ въ Батуринѣ, а теперь Запорожецъ.—

—Запорожецъ?—вскричалъ Алексѣй, отскочивъ въ сторону.

—Да!—продолжалъ спокойно прохожій.—Я приписанъ къ Запорожской Сѣчѣ, къ Незамановскому куреню и, безъ хвастовства скажу, не изъ послѣднихъ Козаковъ. Мой родной братъ Куренной Атаманъ, а дядя былъ Кошевымъ.—

—Помилуй Господи! сказалъ Алексѣй.—Запорожской Козакъ и вѣрно разбойникъ!—

—Нѣтъ, товарищъ, напрасно! Въ удальствѣ я отъ другихъ не отставалъ, а гайдамакомъ никогда не былъ.—

—Какъ же ты попалъ въ здѣшнюю сторону? — спросилъ съ любопытствомъ Юрій.

—А вотъ какъ: я года два шатаюсь по бѣлу—свѣту, и тамъ и сямъ; да что-то въ руку не идетъ. До меня дошолъ слухъ, что въ Нижнемъ-Новъ-Городѣ набираютъ впихомолку войско; такъ я хотѣлъ попытать счастья, и пристать къ здѣшнимъ.—

—Пропивъ кого?—

—А мнѣ что за дѣло? Про то Панство знаетъ;—была бы только пожива; вѣдь стыдно будетъ вернуться въ мой курень съ пустыми руками. Другіе выставятъ на улицу чаны съ виномъ и станутъ подчивать всѣхъ прохожихъ, а мнѣ и Кошевому нечего будетъ поднести.—

—За чѣмъ же ты не присталъ къ войску Гетмана, Жолкѣвскаго?

—Спроси лучше, за чѣмъ опоздалъ?—

—Такъ ты бѣглецъ?—

—Кто? я бѣглецъ? сказалъ прохожій, приостановя свою лошадь. Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ такимъ голосомъ, что Алексѣй невольно схватился за рукоятку своего охотничьяго ножа.—Добро, добро! такъ и быть!—продолжалъ онъ,—мнѣ грѣшно на тебя сердиться. Бѣглецъ!—Нѣтъ, господинъ честный! Запорожцы, люди вольные и служатъ тому, кому хотятъ.—

—Но развѣ вы не должны служить Королю, Сигизмунду?—

—Должны, такъ говорятъ и спар-

шіе; только врядъ ли когда Запорожской Козакъ будетъ братомъ Поляку. Нечего сказать, и мы купили порядкомъ въ Черниговѣ: все Божье, да наше! Но жгли ли мы храмы Господни? ругались ли вѣрою православною?—А эти окаянные Ляхи—для забавы спрѣляютъ въ святыя иконы. Какъ Богъ еще терпитъ!—

—Но всѣ эти безпорядки скоро прекратятся; Московскіе жители добровольно избрали на Царство сына Короля Польскаго.—

—Добровольно! Хороша воля, когда надъ тобой стоятъ съ дубиною—не хотя закричишь: давай намъ Королевича, Владислава!—Нѣтъ, господинъ честной!—не панувать надъ Москвою этому иновѣрцу. Дай только Русскимъ опериться.—

—Но кажется дѣло кончено, и когда вся Москва присягнула Польскому Королевичу....

—Мало ли что кажется! Вотъ и мнѣ нѣсколько разъ казалось, что шапъ

направо свѣтитъ огонекъ, а теперь ничего не вижу.—

—Огонь! гдѣ ты видишь?—вскричалъ Алексѣй.

—А, вонъ, посмотри! опять показался; видишь, тамъ! какъ свѣчька трепещется!—

Путешественники остановились. Направо, съ полверсты отъ дороги, мелькалъ огонекъ; они поворотили въ ту сторону, и черезъ нѣсколько минутъ, Алексѣй, который шолъ впереди съ собакою, закричалъ радостнымъ голосомъ:—сюда, Юрій Дмитричь! сюда! Вотъ и плетень! Тише, Бояринъ, тише! Околица должна быть лѣвѣе, здѣсь! Ну, слава тебѣ, Господи! продолжалъ онъ, отворяя ворота; доѣхали—и вóвремя! Слышишь ли, какъ опять завылъ вѣтеръ? Да пусть теперь бушуетъ, какъ хочетъ;—намъ и горюшки мало: въ избѣ не озябнемъ.—

—А развѣ мы одни теперь въ дорогѣ?—сказалъ Юрій, глядя съ безпо-

койствомъ на ужасный вихрь, который снова свирѣпствовалъ въ полѣ.

—Кому быть убиту, тотъ не замерзнетъ, прошепталъ Кирша, въѣзжая въ околицу.

ГЛАВА II.

Деревушка, въ которую въѣхали наши путешественники, находилась въ близкомъ разстояніи отъ зимней дороги, *на небольшомъ возвышеніи*, которое во время разлива не понималось водою. Нѣсколько курныхъ лачужекъ, разбросанныхъ по скату холма, окружали избу, менѣе другихъ походящую на хижину. Красное окно, въ которомъ, вмѣсто стеколъ, вставлена была напитанная масломъ, полупрозрачная холстина, обширной крышой дворъ, а болѣе всего звуки различныхъ голосовъ и громкой гулъ довольно шумной бесѣды, въ то время, какъ во всѣхъ другихъ хижинахъ царствовала глубокая тишина: все доказывало, что это постоялой дворъ,

и что не одни наши путешественники искали въ немъ пріюта отъ непогоды.

Домашней простонародный бытъ тогдашняго времени почти ничѣмъ не отличался отъ нынѣшняго; внутреннее устройство крестьянской избы было то же самое: та же огромная печь, тѣ же палати, большой столъ, лавки и передней уголъ, украшенный иконами святыхъ угодниковъ. Въ теченіи двухъ столѣтій измѣнились только нѣкоторыя мелочныя подробности: въ наше время въ хорошей бѣлой избѣ обыкновенно кладется печь съ трубою, а стѣны украшаются иногда картинками, представляющими Шемякинъ судъ, или Мамаево побоище; въ 17-мъ вѣкѣ эта роскошь была извѣстна однимъ Боярамъ и богатымъ купцамъ гостиной сотни (2). Слѣдовательно читателямъ не трудно будетъ представить себѣ внутренность постоялаго двора, въ которомъ, за большимъ дубо-

вымъ споломъ, сидѣло нѣсколько проѣзжихъ. Пукъ горящей лучины, воткнутой въ свѣтецъ, изливалъ довольно яркой свѣтъ на все общество; по осташкамъ хлѣба и пустымъ деревяннымъ чашамъ можно было догадаться, что они только—что отужинали и, вмѣсто десерта, запивали гречневую кашу брагою, которая въ большой мѣдной ендовѣ стояла посреди стола. Вдоль стѣны, на лавкѣ, сидѣли трое проѣзжихъ; одинъ изъ нихъ, одѣтой въ лисью шубу, говорилъ съ большимъ жаромъ, не забывая однако же подливать безпрестанно изъ ендовы въ свою дорожную серебряную кружку. Оба его сосѣда, казалось, слушали съ большимъ вниманіемъ и съ почтеніемъ оподвигались каждый разъ, когда ораторъ, приходя въ восторгъ, начиналъ размахивать руками. Съ перваго взгляда можно было отгадать, что человѣкъ въ лисьей шубѣ зажиточной купецъ, а оба внимательные слушатели—его

рабопники. Насупротивъ ихъ сидѣлъ въ красномъ кафпанѣ, съ привѣшенною къ кушаку саблею, Спрѣлецъ; шапка съ оспроконечною шульею лежала подлѣ него на сполѣ; онъ шакже съ большимъ вниманіемъ, но вмѣспѣ и съ примѣпнымъ неудовольспвіемъ, слушалъ купца, разсказъ копораго, казалось, производилъ совершенно пропивное дѣйспвіе на сосѣда его, человѣка—средняго роспа, съ рыжей бородою и оппрашипельнымъ лицемъ. Въ косыхъ глазахъ его, успремленныхъ на разскащика, блиспала злобная радоспь; онъ безпресшанно верпѣлся на скамьѣ, попиралъ руки и казался оппмѣнно довольнымъ. Трудно было бы опгадащь къ какому классу людей принадлежипъ сей послѣдней, еслибъ опъ безпрерывнаго движенія не распахнулся его смурой однорядокъ и не опкрылись, вышипыя красной шерспью на груди его кафпана, двѣ буквы: *З* и *Я*, означающія, чпо онъ принадлежалъ къ числу по-

лицейскихъ служителей, которые въ то время назывались.... я боюсь оскорбить нѣжный слухъ моихъ читателей, но соблюдая сколь возможно историческую истину, долженъ сказать, что ихъ въ 17-мъ столѣтіи называли: Земскими Ярыжками. Въ переднемъ углу, подъ образами, сидѣлъ человѣкъ лѣтъ за сорокъ, одѣтой весьма просто. Черная окладистая борода, высокой лобъ, покрытый морщинами, а болѣе всего орлиный быстрый взглядъ, отличалъ его отъ другихъ проѣзжихъ. Смуглое, исполненное жизни лице его выражало глубокую задумчивость и какое-то грозное спокойствіе человѣка, увѣреннаго въ необычайной своей силѣ; широкія плеча, жилистыя руки, высокая богатырская грудь,—все оправдывало сію послѣднюю догадку. Облокотясь небрежно на столъ, онъ, казалось, не обращалъ никакаго вниманія на своихъ сосѣдей и только изрѣдка взглядывалъ на полицейскаго

служишеля; ничѣмъ не изъяснимое презрѣніе изображалось иногда въ глазахъ его и эпопъ взглядъ, быстрый какъ молнія, — которая, блеснувъ, въ минуту потухаетъ,—становился снова неподвижнымъ, выражая опять одну задумчивость и совершенное равнодушіе къ общему разговору.

—Помилуй, Господи! вскричалъ Стрѣлецъ, когда человѣкъ въ лисьей шубѣ кончилъ свой разсказъ;—не ужпо въ самомъ дѣлѣ вся Москва цѣловала крестъ этому иновѣрцу (3)?—

—Развѣ ты не слышешь? сказалъ Земской,—и чему дивишься? Плешью обуха не перешибешь; да и что намъ мѣлкимъ людямъ до этаго за дѣло!—

—Какъ что за дѣло? возразилъ купецъ, который межъ тѣмъ осушилъ однимъ глотkомъ кружку браги.—Да развѣ мы не православные? Мало ли у насъ Князей и знаменитыхъ Бояръ? Есть изъ кого выбрать; да вотъ не далеко идти, хоть на примѣръ Князь, Димитрій Михайловичь, Пожарской....

—Нашолъ человѣка! подхватилъ Земской. Князь Пожарской! повторилъ онъ съ злобною улыбкой, отъ которой безобразное лице его сдѣлалось еще отвратительнѣе. — Нѣтъ, хозяинъ, у него Поляки отбили охоту соваться туда, куда не спрашиваютъ; небось хватился за умъ, убрался въ свою Пурецкую волость, да вотъ уже почти цѣлой годъ тише воды, ниже травы; чай и теперь еще бока побаливаютъ.—

—Да и Поляки-то, братъ, не скоро его забудутъ, сказалъ Стрѣлецъ, ударивъ рукою по своей саблѣ;—я самъ былъ въ Москвѣ и поработалъ этой дурою, когда въ прошломъ Мартѣ мѣсяцѣ, помнится, въ день святаго угодника, Хрисанфа, Князь Пожарской принялся колотить этихъ незваныхъ гостей: то-то была свалка Мы сдѣлали на Лубянкѣ, кругомъ церкви Введенія Божіей Матери, засѣку; и ровно двое суток отгрызались отъ супостатовъ....

—А на шрешьи насилу ноги упле-ли?—

—Чпожъ дѣлапь, поварищъ! сила солому ломипъ. Самъ Гепманъ нагрянулъ на насъ со всѣмъ войскомъ....

—И, чай, Пожарской первый далъ пягу? Говоряпъ, онъ куды легóкъ на ногу.—

Тупъ молчаливой проѣзжей бросилъ на Земскаго одинъ изъ пѣхъ взглядовъ, о копорыхъ мы говорили; правая рука его, сжапая кулакомъ, невольно опідѣлилась опъ спола, онъ самъ приподнялся до половины; но прежде, чѣмъ кпо нибудь изъ присупспвующихъ замѣпилъ сіе движеніе, проѣзжей сидѣлъ уже, облокотясь на сполъ, и лице его выражало по прежнему совершенное равнодушіе.

—Послушай, поварищъ! сказалъ Спрѣлецъ, посмопрѣвъ молча нѣсколько времени на Земскаго;—кажепся ты не о двухъ головахъ!—

—Такъ чпожъ?—

—А то, любезной, что другой у тебя не останется, какъ эпу сломать. Ну, приспало ли Земскому Ярыжкѣ говорить такія рѣчи о Князѣ Пожарскомъ! Я человѣкъ смирной, а у другаго бы ты первымъ словомъ подавился. Я самъ видѣлъ, какъ Князя Пожарскаго за́мертво вынесли изъ Москвы.—Нѣтъ, чортъ возьми! Онъ не побѣжитъ первой, хотя бы повспрѣчался съ самимъ сатаною, на котораго, сказать мимоходомъ, ты съ рожи-то очень походишь.—

Осанистой купецъ улыбнулся, его работники громко захохотали, а Земской, не смѣя отвѣчать Стрѣльцу, ворчалъ про себя:—бранись, братъ! бранись! брань на воротy не виснетъ. Вы всѣ Стрѣльцы—буяны. Да не долго вамъ храбро́вать!... скоро язычекъ прикусите!—

—Г. Земской! сказалъ съ важностію купецъ;—его милость дѣло говоритъ: не личитъ нашему брату злословить

такаго знаменитаго Боярина, каковъ Свѣтлый Князь, Димитрій Михайловичь, Пожарской.—

—Да я не свои рѣчи говорю, возразилъ Земской, оправясь отъ перваго испуга.—Бояринъ, Кручина Шалонской не хуже вашего Пожарскаго, а послушайте-ка, что онъ о немъ разсказываетъ.—

—Бояринъ, Кручина Шалонской? повторилъ купецъ. Слыхали мы объ его умѣ и дородствѣ!... У насъ въ Балахнѣ разсказывали, что этотъ Бояринъ, Шалонской....

—Ведетъ хлѣбъ—соль съ Поляками, подхватилъ Стрѣлецъ.—Ну, да штотъ самой! Какой онъ Русской Бояринъ—хуже бесурмана: мучитъ крестьянъ, раззорилъ всѣ свои отчины, забылъ Бога, и даже—прости, Господи, мое согрѣшеніе! прибавилъ онъ, перекрестясь и посмотрѣвъ вокругъ себя съ ужасомъ—и даже, говорятъ, будто бы онъ.... вымолвить страшно!... ѣстъ по постамъ скоромное!—

—Ахъ, онъ безбожникъ! вскричалъ купецъ, всплеснувъ руками;—и Господь Богъ терпитъ такое беззаконіе!—

—Потише, хозяинъ! потише! сказалъ Земской.—Бояринъ, Шалонской помолвилъ дочь свою за Пана, Гонсѣвскаго, который теперь Гетманомъ и главнымъ Воеводою въ Москвѣ: такъ не худо бы инымъ прочимъ держать языкъ за зубами.—У Гетмана руки длинныя, а Балахна не за придевять земель отъ Москвы, да и самъ Боярин шутить не любитъ: неравно приключится тебѣ ѣхать мимо его помѣстьевъ съ товарами, такъ смотри!... чтобъ не продать съ накладомъ.—

—Оборони Господи! вскричалъ купецъ, побѣдивъ отъ страха;—да я, государь милостивый, ничего не говорю, видитъ Богъ—ничего!—Мы люди малыс, что намъ толковать о Боярахъ!...

—А куда ваша милость ѣдетъ? про-

—А ужъ какой благо́й, Богъ съ нимъ! примолвила хозяйка, поправляя нагорѣвшую лучину.

—Молчи, баба! не твое дѣло.—

— Вѣстимо не мое, Пахо́мычь! А каково-то нашему сосѣду, Васьяну Спепанычу! Поспрашай-ка у него.—

—А что такое онъ сдѣлалъ съ вашимъ сосѣдомъ? спросилъ Стрѣлецъ.

—А вотъ что, родимой!—Сосѣдъ нашъ, убогой помѣщикъ, одинъ сынъ у матери. Ономнясь Бояринъ зазвалъ его къ себѣ пображничать: что́жъ, башкопка!.... для своей потѣхи, зашилъ его въ медвѣжью шкуру, да и ну травить собакою! И, слышъ ты, они, и баринъ и собака, такъ осерчѣнились, что насилу водой розлили. Привезли его сердечнаго еле жива, а бѣдная-то барыня ужъ вопила, вопила! Легколь!... недѣлю головы не приподнималъ!—

—Ахъ, ты простоволосая! сказалъ Земской; да комужъ и тѣшить Боярина, какъ не этимъ мѣлкопомѣ-

спнбимъ! Вѣдь онъ ихъ поитъ и кормитъ, да уму-разуму научаетъ. Вотъ хошь и вашъ Васьянъ Степанычь, давно ли кричалъ: »на что намъ Польскаго Королевича!« а теперь небось не то заговорилъ.—

—Да, кормилецъ, правда! Онъ говоритъ, что все будетъ поспарому. Дай-то, Господь! Бывало придетъ Юрьевъ день, заплотишь поборы—да и дѣло съ концемъ: любъ помѣщикъ—остался, нелюбъ—пошолъ куда хошь; а теперь, какъ нападешь на лихаго Боярина, такъ не знаешь, куда съ горемышной головой дѣваться.—

—А вамъ бы только шапаться, да ничего не плапить, сказалъ Стрѣлецъ.

—Какъ—спа бы не плапить, отвѣчалъ хозяинъ, да тяга больно велика: поборы поборами, а шамъ, какъ поѣдешь въ дорогу: головщина, мытъ, мостовщина....

—Вотъ то-то же, глупыя головы, перервалъ Земской; что вамъ убыли,

если у васъ спаршими будупъ Поляки? Да и гдѣ намъ съ ними возишься! недаромъ въ писаніи сказано: «прудно прапь пропивъ рожна.« Чпо намъ за дѣло, кпо будепъ государспвоваппь въ Москвѣ, Русской ли Царь, Польской ли Королевичь: было бы намъ легко.—

Тупъ деревянная чаша, копорая спояла на скамьѣ въ переднемъ углу, съ громомъ полепѣла на полъ. Всѣ взоры обрапились на молчаливаго прѣзжаго: глаза его сверкали, ужасная блѣдноспь покрывала лице, губы дрожали — казалось, онъ хопѣлъ однимъ взглядомъ превращипь въ прахъ рыжаго Земскаго.

—Чпо съ побою, добрый человѣкъ? сказалъ Спрѣлецъ послѣ минупнаго, общаго молчанія.

Незнакомый какъ будпо бы очнулся опъ сна; провелъ рукою по глазамъ, взглянулъ вокругъ себя и прошеппалъ глухимъ, опрывиспымъ го-

лоомъ:—пьфу, батюшки! Смотри, пожалуй! Никакъ я вздремнулъ!—

—И вѣрно тебѣ померещилось что ни есть страшное? спросилъ купецъ.

—Да!... Я видѣлъ и слышалъ сапану.—

Купецъ перекрестился, работники его отодвинулись подалѣе отъ незнакомца и всѣ, съ какимъ-то ужасомъ и нетерпѣніемъ; ожидали продолженія разговора; но проѣзжей молчалъ, а купецъ, казалось, не смѣлъ продолжать своихъ вопросовъ. — Въ эту минуту послышался на улицѣ конской топотъ.—

—Чу! сказалъ хозяинъ; никакъ еще проѣзжіе! слышишь, жена, жучка залаяла! ступай, посвѣти!—

Ворота заскрыпѣли, громкой незнакомый лай, на которой жучка отвѣчала робкимъ ворчаньемъ, раздался на дворѣ и черезъ минуту Юрій, вмѣстѣ съ Киршею, вошли въ избу.

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

ГЛАВА III.

—Хлѣбъ, да соль, добрые люди! сказалъ Юрій, помолясь иконамъ.

—Милости просимъ! отвѣчалъ хозяинъ.

—Ахъ, сердечной! вскричала хозяйка; смотри, какъ тебя занесло снѣгомъ! То-то чай назябся!—

—А вотъ отогрѣемся, сказалъ Кирша, помогая Юрію скинуть, покрытой снѣгомъ, охобень.

—Да это никакъ Бояринъ! шепнула хозяйка своему мужу.

Скинувъ верхнее платье, Юрій остался въ малиновомъ, общитомъ голунами полукафтаньи; къ шелковому кушаку привѣшена была Польская сабля; а черезъ плечо, на серебряной

цѣпочкѣ, висѣлъ длинной Турецкой пистолетъ. Остриженные въ кружокъ, темнорусые волосы казались почти черными отъ противоположности съ бѣлизною лица, цвѣтущаго юностью и здоровьемъ; отвага и добродушіе блистали въ большихъ голубыхъ глазахъ его; а улыбка, съ которою онъ повторилъ свое привѣтствіе, подойдя къ столу, изображала такое радушіе, что всѣ проѣзжіе, не исключая рыжаго Земскаго, привставъ, сказали въ одинъ голосъ »милости просимъ, господинъ честной! милости просимъ!« и даже молчаливый незнакомецъ отодвинулся къ окну и предложилъ ему занять почетное мѣсто подъ образами. — Спасибо, добрый человѣкъ! сказалъ Юрій; я больно прозябъ и лягу отогрѣться на печь. —

— Отткуда ваша милость? спросилъ купецъ.

— Изъ Москвы, хозяинъ. —

— Изъ Москвы? А что, господинъ

честной, точно ли правда, что тамъ цѣловали крестъ Королевичу, Владиславу?—

—Правда.—

—Вотъ тебѣ и царствующій градъ! вскричалъ Стрѣлецъ. Хороши Москвичи! По мнѣ бы уже лучше покориться Димитрію.—

—Покориться? Кому? сказалъ Земской. Самозванцу! Тушинскому вору!—

—Добро, добро! называй его, какъ хочешь, а все-таки онъ держится вѣры православной и не Полякъ, а этотъ Королевичъ, Владиславъ, этотъ еретикъ....

—Слушай, товарищъ! сказалъ Юрій съ примѣтнымъ неудовольствіемъ,—я до ссоръ не охотникъ, такъ скажу напередъ: думай, что хочешь о Польскомъ Королевичѣ, а вслухъ не говори.—

—А по чему бы такъ?—

—А по тому, что я самъ цѣловалъ крестъ Королевичу, Владиславу и при

себѣ не дамъ никому ругаться его именемъ.—

Сожалѣніе и досада изобразились на лицѣ молчаливаго проѣзжаго. Онъ смотрѣлъ съ какимъ-то грустнымъ участіемъ на Юрія, который во всей красотѣ, отвагой кипящаго юноши, спокоенъ, сложивъ спокойно руки, и гордымъ взглядомъ, казалось, вызывалъ смѣльчака, который рѣшился бы ему противорѣчить.—Стрѣлецъ, окинувъ взоромъ все собраніе, и не замѣчая ни на одномъ лицѣ охоты взять открытую его сторону, замолчалъ. Нѣсколько минутъ никто не пытался возобновить разговоръ; наконецъ Земской съ видомъ величайшаго униженія, спросилъ у Юрія:—Скоро ли пресвѣтлый Королевичь Польской прибудетъ въ свой царствующій градъ, Москву?—

—Его ожидаютъ, отвѣчалъ Юрій отрывисто.

—А что, ваша милость, чай ужъ

давнымъ давно и послы въ Польшу отправлены?—

—Нѣтъ, не въ Польшу! сказалъ громкимъ голосомъ молчаливый незнакомецъ; а подъ Смоленскъ, который раззоряетъ и моритъ голодомъ Король Польской въ то время, какъ въ Москвѣ цѣлуютъ крестъ его сыну.—

Юрій примѣтнымъ образомъ смутился.—

—Ужъ эти Смольяне! вскричалъ Земской. По дѣломъ! ништо имъ! Буяны!... Чѣмъ бы вспрѣтить батюшку, Короля Польскаго съ хлѣбомъ да съ солью, они, разбойники! и въ городъ его не пустили.—

—Эхъ, господинъ Земской! возразилъ купецъ;—да вѣдь онъ пришелъ съ войскомъ и хотѣлъ Смоленскимъ владѣть, какъ своей отчиной.—

—Такъ что жъ! продолжалъ Земской. Ужъ если мы покорились сыну, такъ отецъ воленъ брать, что хочетъ. Не правда ли, ваша милость?—

Лице Юрія вспыхнуло отъ негодо-

ванія.—Нѣтъ! сказалъ онъ,—мы не для того цѣловали крестъ Польскому Королевичу, чтобъ иноплеменные, какъ стая коршуновъ, дѣлили по себѣ и рвали на части святую Русь.— Да у кого бы изъ православныхъ поднялась рука и языкъ повернулся присягнуть иновѣрцу, еслибъ онъ не обѣщалъ сохранить землю Русскую въ прежней ея славѣ и могуществѣ!—

—И, государь милостивый! подхватилъ Земской. Можнобъ, кажется, поклониться Королю Польскому Смоленскимъ. Не важное дѣло одинъ городишка! Для такой радости не только отъ Смоленска, но даже отъ пол-Москвы можно отступиться.—

—Я повторяю еще, сказалъ Юрій, не обращая никакаго вниманія на слова Земскаго,—что вся Москва присягнула Королевичу: онъ одинъ можетъ прекратить бѣдствіе злощастной нашей родины, и если сдержитъ свое обѣщаніе: то я первый готовъ положить за него мою душу; но потъ,

прибавилъ онъ, взглянувъ съ презрѣніемъ на Земскаго, попъ, кто радуется, что мы, для спасенія отечества, должны были избрать себѣ Царя среди иноплеменныхъ, попъ не Русской, не православный и даже.... хуже некрещенаго Татарина.

Молчаливый незнакомецъ, съ живостію протянулъ свою руку Юрію; глаза его, устремленные на юношу, блистали удовольствіемъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать; но Юрій, не замѣтивъ сего движенія, опошелъ опять спола, взобрался на печь и, разостлавъ свой широкой охобень, легъ отдохнуть.—

—А что, спросилъ Кирша у хозяина, чай проѣзжіе гости не все у тебя приѣли?—

—Щей нѣтъ, родимой, отвѣчалъ хозяинъ; а есть толокно, да гречневая каша.—

—И на томъ спасибо! Давай-ка ихъ сюда!—

—А его милость что будетъ ку-

шапь? спросила заботливо хозяйка, показывая на Юрія.—

—Не хлопочи, тётка! сказалъ Алексѣй, взойдя въ избу;—въ этой кисѣ ссть, что перекусить. Вотъ тебѣ пирогъ, да жареной гусь! поставь въ пѣчь!... Послушайте-ка, добрые люди! продолжалъ онъ, обращаясь къ проѣзжимъ.—У кого изъ васъ гнѣдой конь съ длинной гривою?—

—Это мой жеребецъ, отвѣчалъ молчаливой незнакомецъ.

—Ой ли? Ну, братъ, какой знатной конь!—Жаль, если онъ себѣ на какой нибудь рожонъ бокъ напоритъ! Спустай-ка скорѣй: онъ оплязался и бѣгаетъ по двору.—

Незнакомый вскочилъ и вышелъ поспѣшно изъ избы.—

—Что это за пугало? Не знаешь ли, кто онъ? спросилъ Земской у хозяина.

—А Богъ вѣсть кто! отвѣчалъ хозяинъ.—Кажись, не нашъ братъ крестьянинъ: не то купецъ, не то посадской...

—Опкуда онъ ѣдетъ?—

—Господь его знаетъ! Вишь какой лѣшей! слова не вымолвитъ.—

—Да! у него лице не миловидное, замѣтилъ купецъ.—По́дъ вечеръ я не хотѣлъ бы съ нимъ въ лѣсу повстрѣчаться.—

—А какой ражій дѣтина! примолвилъ Стрѣлецъ:—я такихъ богатырскихъ плечъ сродясь не видывалъ.—

Межъ тѣмъ Алексѣй и Кирша сѣли за столъ.—Ну, братъ! сказалъ Алексѣй, тѣсненько намъ будетъ: на полатяхъ лежатъ ребятишки; а по лавкамъ-то спать придется намъ сидя.—

—Молчи! будетъ просторно, шепнулъ Кирша, принимаясь ѣсть пополокно.

Купецъ, который не смѣлъ обременять вопросами Юрія, хотѣлъ воспользоваться случаемъ и поговорить вдоволь съ его людьми. Давъ время Алексѣю утолить первый голодъ, онъ спросилъ его:—давно ли они изъ Москвы?—

—Седьмой день, хозяинъ, опвѣчалъ Алексѣй.—Словно воловъ гонимъ: день стоимъ, два ѣдемъ. Вишь, какую погоду Богъ даетъ!—

—А чпо, вы Московскіе урожепцы?—

—Какъ же! мы оба съ барпномъ природные Москвичи.—

—Такъ вы и при Гришкѣ Отрепьсвѣ жили въ Москвѣ?—

—Вѣспимо, хозяинъ! Я былъ и въ Кремлѣ, какъ эпопъ ерепикъ, видя бѣду неминучую, прыгнулъ въ окно. Да видно чортъ опъ него отступился: не кверху, а книзу полетѣлъ, проклятый!—

—Ему бы поучиться летать у жены своей, Маринки, сказалъ Стрѣлецъ.—Говорятъ, будпобъ эта вѣдьма, когда приступили къ Царскимъ палатамъ, зіри всѣхъ оберпулась сорокою, да и порхъ въ окно!... Чемужъ ты ухмыляешься! продолжалъ онъ, обращаясь къ купцу. — Чай, и до тебя этотъ слухъ дошолъ?—

— Не всякому слуху вѣрь, сказалъ съ важностію купецъ.

— Знаю, знаю!—вы, люди грамотные, ничему не вѣрите.—

— Ученье свѣтъ, а не ученье тма, товарищъ.—Мало ли что глупой народъ толкуетъ! Такъ и надо всему вѣрить?—Ну, разсуди самъ! Какъ можно, чтобъ Маринка обернулась сорокою: вѣдь она родилась въ Польшѣ, а всѣ вѣдьмы родомъ изъ Кіева.—

— Оно, кажись, и такъ, хозяинъ, продолжалъ Стрѣлецъ, почти убѣжденный симъ доказательствомъ;— однакожъ вся Москва говоритъ объ этомъ.—

— Да, она и теперь еще около Москвы летаетъ, сказалъ Кирша, положа на столъ деревянную ложку, которою ѣлъ толокно.

— Неужели въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ купецъ.

— Я самъ ее видѣлъ, продолжалъ спокойно Запорожецъ.—

— Какъ видѣлъ?

—А вотъ также, хозяинъ, какъ вижу теперь, что у тебя въ этой фляжкѣ романея,—не правда ли?—

—Ну, да! такъ что?—

—Ничего.—

—Но гдѣжъ ты ее видѣлъ?—

—Гдѣ? Какъ бы тебѣ сказать?... Не припомню.... у меня морозомъ всю память ошшибло!—

—Добро, добро! сказалъ купецъ,—дай-ка сюда свой стаканъ.—

—Спасибо! Да наливай полнѣе хозяинъ!—Вотъ такъ! хорошо!—Ну, слушай же! продолжалъ Запорожецъ, выпивъ однимъ духомъ весь стаканъ:—я видѣлъ Маринку въ Тушинѣ,—только лгать не хочу: на сороку она вовсе не походитъ.—

—Въ Тушинѣ?—

—Да! въ Тушинѣ, вмѣстѣ съ Димитріемъ, котораго вы называете вторымъ самозванцемъ, а она величаетъ своимъ мужемъ.—

—Вотъ что!—Такъ ты и Тушинскаго Вора знаешь?—

—Какъ не знать!—

—Правда ли, что онъ молодчина собою? спросилъ Стрѣлецъ.

—Какой молодчина!... Ни дать, ни взять — Польской жидъ. Вотъ второй Гетманъ его войска, Панъ Лисовскій, такъ нечего сказать — удалая голова!—

—Лисовскій! вскричалъ купецъ. Этотъ злодѣй!.... душегубецъ!...

—Да, хозяинъ! Гдѣ онъ пройдетъ съ своими сорванцами, тамъ хошь шаромъ покати! все чисто: ни кола, ни двора. Но за то на схваткѣ всегда первый и готовъ, за послѣдняго изъ своихъ налётовъ, самъ лечь головою. Лихой наѣздникъ!—

—Такъ ты его знаешь? спросилъ купецъ.

—Какъ не знать!—Дай-ка, хозяинъ, еще стаканчикъ! За твое здоровье!— Знатная романея!—

—Говорятъ, у этаго Лисовскаго, сказалъ купецъ, спряпавъ за пазуху

свою фляжку,—такое демонское лице, что онъ и на человѣка не походитъ.—

—Да, онъ не красивъ собою, продолжалъ Кирша. Я знаю только одного удальца, у котораго лице смуглѣе и усы чернѣе, чемъ у Пана Лисовскаго. Прежде этаго молодца не меньше Лисовскаго боялись....

—А теперь? спросилъ купецъ.

—Теперь онъ, чай, шатается по лѣсу и спрашенъ только для вашей братьи купцовъ.—

—Кпожъ этотъ человѣкъ?—

—Кто этотъ человѣкъ?... Кой прахъ! у меня опять въ горлѣ пересохло!—Дай-ка, хозяинъ, свою фляжку!... *Спасибо!* продолжалъ Кирша, осушивъ ее до дна. — Ну, что—бишь я говорилъ?

—Ты говорилъ о какомъ-то человѣкѣ, сказалъ купецъ,—который, по твоимъ словамъ, спрашивѣе Лисовскаго.—

—Да, да! вспомнилъ! *Этотъ верзи-*

ла былъ Есауломъ у разбойничьяго Атамана, Хлопки....

—У копораго, сказалъ Земской, было въ шайкѣ тысячъ двадцать разбойниковъ и копораго, еще при Царѣ Борисѣ....

—Разбилъ Бояринъ Басмановъ, прервалъ Кирша. — Ну, да! Самаго Хлопку-та убили, а Есаулъ его ускользнулъ. Да вы, чай, о немъ слыхали? Онъ прозывается Чорповъ Усъ.—

—Какъ не слыхать, сказалъ купецъ.— Оборони, Господи! Говорятъ, этотъ Чорповъ Усъ злѣе своего бывшаго Атамана.

—А пуще-та всего онъ не жалуетъ Губныхъ Старостъ, да Земскихъ, примолвилъ Кирша.—Кругомъ Калуги не осталось деревца, на которомъ бы не висѣло хотя по одному Земскому Ярыжкѣ.—

—Разбойникъ! закричалъ Земской.

—А развѣ ты его зналъ? спросилъ купецъ Запорожца.

—Знакомства съ нимъ не водилъ, а видалъ видалъ.—

—Гдѣ же ты его видѣлъ?—

—Я видѣлъ его два раза, отвѣчалъ Кирша.—Первый разъ въ Калугѣ, гдѣ была у него разбойничья пристань; а во второй.... прибавилъ онъ въ полголоса; но такъ, что всѣ его слышали,—а во второй разъ; я видѣлъ его здѣсь.—

—Какъ здѣсь?.... вскричалъ купецъ, помертвѣвъ отъ ужаса.

—Давно ли? спросилъ Земской, заикаясь.

—Сегодня, отвѣчалъ равнодушно Кирша.

—Сегодня? ... повторилъ купецъ глухимъ, прерывающимся голосомъ.—Съ нами крестная сила! Да, гдѣжъ онъ...?

—Сей часъ сидѣлъ вонъ тамъ! въ переднемъ углу подъ образами.—

—Такъ это онъ! вскричалъ купецъ, и всѣ взоры обратились невольно на пустой уголъ. Нѣсколько минутъ

продолжалось мертвое молчаніе, потомъ все пришло въ движеніе на постояломъ дворѣ. Алексѣй хотѣлъ разбудить своего господина, но Кирша шепнулъ ему что-то на ухо и онъ успокоился. Купецъ и его работники едва дышали отъ страха; Земской дрожалъ, Спрѣлецъ посматривалъ, молча, на свою саблю; но хозяинъ и хозяйка казались совершенно спокойными.

—Да, чего мы такъ перепугались? сказалъ Спрѣлецъ, собравшись съ духомъ.—Насъ много, а онъ одинъ.—

—А Богъ вѣсть, одинъ ли! возразилъ Земской. Онъ что-то часто въ окно поглядывалъ.—

—Да, да! подхватилъ дрожащимъ голосомъ купецъ;—онъ точно кого-то дожидался. А за поясомъ у него.... видѣли, какой ножище? аршина въ два!—

—Слушай, хозяинъ! сказалъ торопливо Земской,—бѣги скорѣй на улицу! вели ударить въ набатъ!...

—Вкспа, что выдумалъ! Въ набатъ!

отвѣчалъ хозяинъ.—Да развѣ здѣсь село! у насъ и церкви нѣтъ.—

—Все равно! сдѣлай тревогу, сбери народъ! Да скачи скорѣй къ Губно́му Старостѣ (*); онъ верстахъ въ пяти отсюда, и мигомъ прискачетъ съ объѣзжими.—

—Что ты! Богъ съ тобой! вскричала хозяйка.—Да, развѣ намъ бѣлый свѣтъ опостылилъ! Станемъ мы ловить-разбойника! Небось вашъ Губно́й Староста не пріѣдетъ гасить, какъ товарищи этаго молодца зажгутъ съ двухъ концовъ нашу деревню! Нѣтъ, кормилецъ! Спупай себѣ, лови его на большой дорогѣ; а у насъ въ дому не тронь.—

—Дура! сказалъ Стрѣлецъ.—Да развѣ ты не боишься, что онъ васъ ограбитъ?—

—И, батюшка! около насъ какая по-

(*) Почти то же, что нынѣшній Капитанъ Исправникъ.

жива! Проводимъ его завпра съ хлѣбомъ да съ солью, шакъ онъ же намъ спасибо скажепъ.—

—Да намъ и не впервой, прибавилъ хозяинъ—У насъ спаивали не разъ, вопъ эпи, чпо за Польскимъ-по войскомъ шаскаюпся.. какъ бишь ихъ зовупъ?.. да! Лагерная челядь. Почище нашихъ разбойниковъ! да и пупъ Богъ миловалъ!

—Ну, какъ хошипе! сказалъ купецъ.—Ловипе его, или нѣпъ; а я минупы здѣсь не оспанусь, благо погода унялась. Спупайпе, ребяпа! Запрягайпе лошадей! да, Бога ради, проворнѣе!—

—Такъ и я съ побою! сказалъ Спрѣлецъ.—Тебѣ будепъ повадиѣе со мною ѣхапь: видишь, у меня еспь чѣмъ оборонипься.—

—Возьмипе ужъ и меня, прибавилъ въ полголоса Земской,—я здѣсь ни за чпо одинъ не оспанусь. Видипе ли! продолжалъ онъ, показывая на Кирпу и Алексѣя,—мы всѣ въ превогѣ, а они

и съ мѣста не тронулись; а кто они, Богъ вѣсть!—

—Правда, правда! шепнулъ купецъ, поглядывая робко на Киршу.—Посмотри-ка у этаго озорника, что вытянулъ всю мою флягу, ножъ, сабля.... а рожа-та какая, рожа! Ухъ, батюшки! унеси Господь скорѣе!...

Двери отворились и незнакомый взошелъ въ избу. Купецъ съ Земскимъ прижались къ стѣнѣ, хозяинъ и хозяйка встрѣтили его низкими поклонами; а Стрѣлецъ, отступивъ два шага назадъ, взялся за саблю. Незнакомый, не замѣчая ничего, нѣсколько разъ перекрестился; молча, подослалъ подъ голову свою шубу и расположился на скамьѣ, у переднихъ оконъ. Всѣ проѣзжіе, кромѣ Кирши и Алексѣя, вышли одинъ за другимъ изъ избы.

—Теперь располкуй мнѣ, Кирша, сказалъ въ полголоса Алексѣй,—что те-

бѣ вздумалось назвать разбойникомъ эпаго проѣзжаго?—

—Какъ чпо! посмопри, какой проспоръ! на любой лавкѣ ложись!—

—Ну, какъ онъ объ эпомъ узнаетъ?—

—Такъ мнѣ же скажетъ спасибо.—

—Есть за чпо! а если его схватятъ?....

—Ахъ, ты голова, голова! То ли пперь время, чпобъ хватать разбойниковъ! Теперь-по имъ и житье: всѣ ихъ боятся, а ловить ихъ не кому. Погляди, какая честь будетъ эпому проѣзжему: хозяинъ съ него и за постой не возьметъ.—

Чрезъ нѣсколько минутъ купецъ, въ провожаніи Земскаго и Спрѣльца, расплатясь съ хозяиномъ, съѣхалъ со двора. Кирша опворилъ дверь, свиснулъ и его черная собака вбѣжала въ избу. — Теперь и тебѣ будетъ мѣсто, сказалъ онъ, бросивъ ей большой ломоть хлѣба. — Поужинай, Зарѣзъ! Поужинай, голубчикъ!—Ты, чай, больно проголодался. Это напомнило

Алексѣю, что Баринъ его также еще не ужиналъ; но видя, что Юрій спитъ крѣпкимъ сномъ, онъ не рѣшился будить его.

— Скажи-ка мнѣ, спросилъ Запорожецъ, ложась на скамью подлѣ Алексѣя, — вѣрно у твоего боярина есть на сердцѣ кручина? Не по лѣпамъ онъ что-то пасмуренъ.—

— Да, братъ, есть горе.—

— Что! Чай, сокрушила молодца красна—дѣвица?—

— Вотъ то-то и бѣда! Изволишь видѣть....

Тутъ Алексѣй, понизивъ голосъ, сталъ что-то разсказывать Киршѣ, который, выслушавъ спокойно, сказалъ: — Эхъ, любезный! Жаль, что твой Бояринъ не Запорожской Козакъ. У насъ въ куреняхъ отъ этаго не сохнутъ; живемъ, какъ братья, а ссоры намъ не надобно (4). Отъ этихъ бабъ вездѣ бѣда. — Доброй ночи, товарищъ!—

Скоро все утихло на постояломъ

дворѣ и только, опъ времени до времени, на полатяхъ принималисьревѣпь ребяпишки; но забопливая мапь по перемѣнно по колопила ихъ, по набивала имъ ропъ кашею, и все чрезъ минупу приходило въ прежней порядокъ и пишину.—

ГЛАВА IV.

Еще впорые пѣтухи не пропѣли, какъ вдругъ двѣ пройки примчались къ постоялому двору. Густой паръ валилъ отъ лошадей и въ то время, какъ изъ саней вылѣзало нѣсколько человѣкъ, закутанныхъ въ шубы, усталые кони, чувствуя близость ночлега, взрывали копытами глубокой снѣгъ и храпѣли отъ нетерпѣнія.—

—Гей! ошпирайте проворнѣй! раздался подъ окномъ грубый голосъ.—Да, ну же, поворачивайтесь! не то воротa вонъ!—

Пока хозяйка вздувала огонь, а хозяинъ слѣзалъ съ полатей, нетерпѣніе вновь пріѣхавшихъ дошло до высочайшей степени; они стучали въ ворота, бранили хозяина, а особливо

одинъ, копорый испорченнымъ Русскимъ языкомъ, примѣшивая ругательства на чистомъ Польскомъ, грозился сломить хозяину шею. — На посполяломъ дворѣ всѣ, кромѣ Юрія, проснулись опъ шума. Наконецъ ворота опворились и толстый Полякъ, въ провожаніи двухъ Козаковъ, взошелъ въ избу.—Козаки, взойдя, перекрестились на иконы; а Полякъ, не снимая шапки, закричалъ сиповатымъ басомъ: — Гей хозяинъ! что у тебя здѣсь за челядь? Вонъ всѣ отсюда! — Ей, вы! Оглохли что ль? Вонъ, говорятъ вамъ!—

Молчаливый проѣзжей, приподнялъ голову и, взглянувъ хладнокровно на Поляка, опустилъ ее опять на изголовье. Алексѣй и Кирша вскочили; послѣдней, протиран глаза, глядѣлъ съ примѣтнымъ удивленіемъ на Пана, копорый, сбросивъ шубу, остался въ одномъ куптушѣ, опоясанномъ богатымъ кушакомъ.

Еслибъ нужно было живописцу, изо-

бразишь воплощенную — не гордость, которая, къ несчастію, бываетъ иногда порокомъ людей великихъ; но глупую спесь — неотъемлемую принадлежность душъ мѣлкихъ и ничтожныхъ: — то, списавъ самой вѣрной портретъ съ сего проѣзжаго, онъ достигъ бы совершенно своей цѣли. Представьте себѣ четвероугольное шуловище, которое едва могло держаться въ равновѣсіи на двухъ коротшкихъ и кривыхъ ногахъ; величественно закинутую назадъ голову, въ превысокой косматой шапкѣ; широкое, багровое лице; огромные, оловяннаго цвѣта, круглые глаза; вздернутой носъ, похожей на луковицу, и безконечные усы, которые, не опускались книзу и не подымались вверхъ; но въ прямомъ, горизонтальномъ направленіи, казалось, защищали надутыя щеки, разрумяненные природою и частымъ употребленіемъ горѣлки. Спесь, чванство и глупость, какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ каждой чертѣ

лица его, въ каждомъ движеніи и даже въ самомъ голосѣ, который, переходя безпрестанно изъ охриплаго баса въ сиповатой дишкантъ, изображалъ попеременно: то надменную волю знаменитаго Вельможи, увѣреннаго въ безусловномъ повиновеніи; то неукротимой гнѣвъ грознаго повелителя, коего приказанія не исполняются съ должной покорностью.—

Межъ тѣмъ, какъ эпопъ проѣзжей отдавалъ Козакамъ какія-то приказанія на Польскомъ языкѣ, Кирша не переставалъ на него смотрѣть. На лицѣ Запорожца изображались попеременно совершенно противоположныя чувства: сначала, казалось, онъ удивился и, смотря на странную фигуру Поляка, старался что-то припомнить; потомъ презрѣніе изобразилось въ глазахъ его. Черезъ минуту они заблистали веселостью и почти въ то же время, при встрѣчѣ съ гордымъ взглядомъ Поляка, изъявляли глубочайшую покорность, кото-

рую однакожъ прудно было согласишь съ насмѣшливою улыбкою, едва замѣтною, но не менѣе того выразительною.

—Ну! чтожъ вы спали? сказалъ Панъ грознымъ басомъ, оборотясь снова къ Алексѣю и Киршѣ.—Иль не слышали! Вонъ отсюда!—

Повелительный голосъ Поляка представлялъ такую странную противуположность съ наружностію, которая возбуждала чувство, совершенно противное страху,—что Алексѣй, не думая повиноваться, стоялъ какъ вкопаной; глядѣлъ во всѣ глаза на Пана и кусалъ губы, чтобъ не лопнуть со смѣха.

—Що-то есть! завизжалъ дишкантомъ Полякъ. — Ахъ, вы Москали! да знаете ли, кто я?—

—Не гнѣвайся, ясновельможный Панъ! сказалъ съ низкимъ поклономъ Кирша; мы съ просонья не разсмотрѣли твоей милости. Дозволь намъ хоть въ

уголку оспаться: вотъ лишь разсвѣтетъ, такъ мы и въ дорогу.—

—А это что за неучъ разтянулся на скамьѣ? продолжалъ Панъ, взглянувъ на молчаливаго проѣзжаго.—Гей, ты, олухъ!—

Незнакомый приподнялся, но вмѣсто того, чтобы встать, сѣлъ на скамью, и спросилъ хладнокровно у Поляка, чего онъ требуетъ?

—Пошолъ вонъ изъ избы!—

—Мнѣ и здѣсь хорошо.—

—И ты еще смѣешь разсуждать! —Вонъ, говорятъ тебѣ!—

—Слушай, Полякъ! сказалъ незнакомый твердымъ голосомъ,—постоялый дворъ не для тебя одного выстроенъ; а если тебѣ тѣсно, такъ убирайся самъ отсюда.—

—Цо-то есть! заревѣлъ Полякъ. Почекай, Москаль, почекай!—Гей, хлопци! выполкайте вонъ этаго грубіяна!—

—Выполкать!—Меня!.... попытайтесь! отвѣчалъ незнакомый, приподымаясь медленно со скамьи. — Ну,

что-жъ вы спали, молодцы? продолжалъ онъ, обращаясь къ Козакамъ, которые, не смѣя пронупться съ мѣста, глядѣли съ изумленіемъ на колосальныя формы проѣзжаго.—Что ребята, видно, я не по васъ?—

—Рубите этаго разбойника! закричалъ Полякъ, пятясь къ дверямъ.—Рубите, въ мою голову!—

—Нѣтъ, господа честные! Прошу у меня не буянить, сказалъ хозяинъ. —А ты, добрый человѣкъ, никакъ забылъ, что хотѣлъ чѣмъ—свѣтъ ѣхать? Слышишь! впорые пѣтухи поютъ.—

—И впрямь пора запрягать, сказалъ торопливо проѣзжей и, не обращая никакого вниманія на Поляка и Козаковъ, вышелъ вонъ изъ избы.

—Ага! догадался! сказалъ Полякъ садясь въ передней уголъ.—Счастливъ ты, что уплёлъ ноги! а не то бы я съ тобою перевѣдался.—Нѣхъ ихъ вынесли дьябли везмо!—Какіе здѣсь буяны! видно не были еще въ передѣлѣ у Пана Лисовскаго.—

—Пана Лисовскаго? повторилъ Кирша.—А ваша милость его знаетъ?—

—Какъ не знать! отвѣчалъ Полякъ, погладивъ съ важностью свои усы.—Мы съ нимъ пріятели, побратались на ратномъ полѣ, вмѣстѣ били Москалей....

—И вѣрно подъ Троицкимъ Монастыремъ? прервалъ Запорожецъ.

—Полякъ поглядѣлъ пристально на Киршу и, поправя свою шапку, продолжалъ важнымъ голосомъ:—Да, да! подъ Троицкимъ монастыремъ, изъ котораго Москали не смѣли днемъ и носу показывать.—

—Прошу не погнѣваться, возразилъ Кирша;—я самъ служилъ въ войскѣ Гетмана Сапѣги, который стоялъ подъ Троицею и, помнится, Русскіе колотили насъ порядкомъ; бывало какъ случится, то днемъ, то ночью. Вотъ, напримѣръ, помнишь, Ясновельможный Панъ, какъ однажды по утру, на монастырскомъ капустномъ огородѣ.... Что это ваша милость изво-

липъ вертѣпься? Иль не ловко сидѣпь?—

—Ничего, ничего! отвѣчалъ Полякъ, стараясь скрыпь свое смущеніе.

—Какъ теперь гляжу, продолжалъ Кирша, на этомъ огородѣ лихая была схватка, и Панъ Лисовскій одинъ за десятерыхъ работалъ.—

—Да, да! прервалъ Полякъ,—онъ дрался, какъ чортъ. Я смѣло это могу говорить потому, что не отставалъ отъ него ни на минуту.

—Такъ по этому, ясновельможный, ты былъ свидѣтелемъ, какъ онъ напкнулся на одного молодца, который во время драки, словно заяцъ, притаился между грядъ, и какъ Панъ Лисовскій отпотчивалъ этаго труса нагайкой?—

Оловянные глаза Поляка завертѣлись во всѣ стороны, а багровый носъ засверкалъ, какъ уголь.—Какъ нагайкой? вскричалъ онъ.—Кого нагайкой?...

Это вздоръ! этаго никогда не было!—

—Помилуй, какъ не было? продолжалъ Кирша.—Да, объ этомъ всё войско Сапѣги знаетъ. Этотъ трусишка служилъ въ региментѣ Лисовскаго товарищемъ и, помнится, прозывался.... Да! точно такъ!... Паномъ Копычинскимъ.—

—Неправда! не вѣрьте ему! закричалъ Полякъ, обращаясь къ Козакамъ;—это клевета!... Копычинскаго не только Лисовскій, но и самъ чортъ не смѣлъ бы ударить нагайкою: онъ никого не боится!—

—Да чтожъ за нелёгкая угораздила его завалиться между грядъ въ то время, какъ другіе дрались?—

—Что!—Какъ что?... Да кто тебѣ сказалъ, что я лежалъ между грядъ?—

—Ага! такъ это ты, ясновельможный? Прошу покорно, чего злые люди не выдумаютъ! Вѣдь точно говорятъ, что Лисовскій тебя поколотилъ и что, еслибъ на другой день

ты не бѣжалъ въ Москву: то онъ, для оспрасшки другихъ, непремѣнно бы тебя повѣсилъ.—

—Какой вздоръ! какой вздоръ! перервалъ Полякъ, спараясь казаться равнодушнымъ.—Да, что съ тобою говоришь! Гей, хозяинъ! что у шебя есшь? я хочу поужинашь.—

—Ахши, кормилецъ! оппвѣчалъ хозяинъ;—да у меня ничего, кромѣ хлѣба, не осшалось.—

—Какъ ничего?—

—Видишъ Богъ, ничего!—Была корчага каши, шолокно и горшокъ щей, да все проѣзжіе поѣли.—

—Бышь не можешъ, чшобъ у шебя ничего не осшалось. Гей, Нехорошко! продолжалъ онъ, взглянувъ на одного изъ Козаковъ,—пошарь-ка въ пѣчи, не найдешь ли чего нибудь?—

Козакъ оподвинулъ заслонку и вышащилъ жаренаго гуся.

—Цо-шо есшь! закричалъ Полякъ.—Ахъ шы, лайдакъ! какъ же шы говорилъ, что у шебя нѣшъ съѣсшнаго?—

—Да это чужое, родимой! сказала хозяйка.—Этаго гуся привезъ съ собою вонъ попъ бояринъ, что спитъ на печи.—

—А кто онъ? Полякъ?—

—Нѣтъ, кормилецъ! кажись, Русской.—

—Москаль? такъ давай сюда!—

Алексѣй хотѣлъ было вступиться за право собственности своего господина: но одинъ изъ Козаковъ далъ ему такого толчка, что онъ едва успѣлъ на ногахъ.—Разбуди своего барина! шепнулъ Кирша; онъ лучше нашего управится съ этимъ буяномъ.—

Межъ тѣмъ, какъ Алексѣй будилъ Юрія и объявлялъ ему о насильственномъ завладѣніи гуся, Полякъ, снявъ шапку, расположился преспокойно ужинать. Юрій слѣзъ съ печи, спряталъ за пазуху свой пистолетъ и, отдавъ попихоньку приказаніе Алексѣю, которой въ ту же минуту вышелъ изъ избы, подошелъ къ столу.—

—Добраго здоровьяl сказалъ онъ, поклонясь вѣжливо Пану.

Полякъ, не переспавая ѣспь, кивнулъ головою и показалъ, молча, на скамью; Юрій сѣлъ на другомъ концѣ спола и, помолчавъ нѣсколько времени, спросилъ:—по вкусу ли ему жареной гусь?—

—Какъ проголодаешься, такъ все вкусно, отвѣчалъ Полякъ.—А чпо, *этотъ гусь твой?*—

—Мой, Панъ!—

—Нечего сказать, вы Москали догадливѣе насъ: всегда съ запасомъ ѣздите. Правда, намъ это и не нужно: для насъ, Поляковъ, нѣтъ ничего завѣтнаго.—

—Конечно, Панъ, конечно! Да чтожъ ты переспалъ? кушай на здоровье!—

—Не хочу! я сытъ.—

—Не совѣстись, покушай!—

—Нѣтъ, ѣшь самъ, если хочешь.—

—Спасибо! я не привыкъ кормиться ни чьими остатками, да не люб-

лю, чтобъ и другіе не доѣдали. Кушай, Панъ!—

— Я ужъ тебѣ сказалъ, что не хочу.—

— Не прогнѣвайся! ты сей часъ говорилъ, что для Поляковъ нѣтъ ничего завѣтнаго, по есть: у нихъ въ обычаѣ брать чужое, не спросясь хозяина—быть можетъ; а мы Русскіе, хлѣбосолы, любимъ потчивать—у всякаго свой обычай. Кушай, Панъ!—

— Да чтожъ ты приспалъ въ самомъ дѣлѣ....

— И не отстану до тѣхъ поръ, пока ты не съѣшь всего гуся.—

— Какъ всего?—

— Да! всего, повторилъ Юрій, вынимая пистолетъ. — Прошу покорно! Принялся ѣсть, такъ ѣшь!—

— Що-то есть! завизжалъ Полякъ.— Гей, хлопцы!—

Быстрымъ движеніемъ руки Юрій, подвинувъ впередъ столъ, прижалъ къ стѣнѣ Поляка и, обернувшись на-

задъ, закричалъ Козакамъ: — стойте, ребята! ни съ мѣста!—

Эти слова были произнесены такимъ повелительнымъ голосомъ, что Козаки, которые хотѣли броситься на Юрія, остановились.

— Слушайте, товарищи! продолжалъ Юрій,—если кто изъ васъ пронется съ мѣста—пошевелитъ однимъ пальцомъ: то я въ тотъ же мигъ размозжу ему голову.—А ты, ясновельможный, прикажи имъ выйдти вонъ, я угощаю одного тебя.... Ну, что жъ ты молчишь? Слушай, Полякъ! я никогда не божился понапрасну; а теперь побожусь, что ты не успѣешь перекреститься, если они сей часъ не выйдутъ.—Долголь мнѣ дожидаться? прибавилъ онъ, направя дуло пистолета прямо въ лобъ Поляку.

— Іезусъ Марія! закричалъ Полякъ, стараясь спрятать подъ столъ свою обритую голову.—Ступайте вонъ! ступайте вонъ!

— Ей, ребята! убирайтесь! сказалъ

Кирша;—а не то этотъ Боярин какъ разъ ему влѣпитъ пулю въ лобъ: онъ шутить не любитъ.—

— Ступайте вонъ, злодѣи! ступайте вонъ! продолжалъ кричать Полякъ, закрывая руками глаза, чтобъ не видать конца писполета, который въ эту минуту казался ему длиннѣе крѣпостной пищали.—Козаки, выходя вонъ, повстрѣчались съ незнакомымъ проѣзжимъ, который, посмотрѣвъ съ удивленіемъ на это странное угощеніе, спалъ попихоньку распрашивать хозяина.—

— Теперь, Кирша, сказалъ Юрій, — межъ тѣмъ, какъ я буду угощать дорогова гостя, возьми свою винтовку и посматривай, чтобъ эти молодцы не воротились.—Ну, Панъ! прошу покорно!—Да поторапливайся; мнѣ нѣкогда дожидаться.

Полякъ, не отвѣчая ни слова, принялся ѣсть; а Юрій, не перемѣняя положенія, продолжалъ его потчивать.— Бѣдный Панъ спѣшилъ, глотал цѣ-

лыми кусками, давился. Нѣсколько разъ принимался онъ просить помилованія; но Юрій оставался непреклоннымъ, и умоляющій взоръ Поляка встрѣчалъ всякой разъ роковое дуло пистолета, взведенный курокъ и грозный взглядъ, въ коемъ онъ ясно читалъ свой смертный приговоръ.

—Позволь хоть отдохнуть! прошипѣлъ онъ наконецъ, задыхаясь.

—И, полно, Панъ!—Мнѣ нѣкогда дожидаться. Доѣдай!—

—Смѣлѣй, Панъ Копычинскій, смѣлѣй! сказалъ Кирша;—ты видишь, немного осталось. Что робѣть, то хуже!—Ну, вотъ и дѣло съ концомъ! примолвилъ онъ, когда Полякъ проглотилъ послѣдній кусокъ.

—И, къ спанѣ ли! перервалъ Юрій.—Угощать, такъ угощать! Тамъ въ печи долженъ быть пирогъ; Кирша! подай-ка его сюда!—

—Взмилуйся! завопилъ Полякъ отчаяннымъ голосомъ.—Не могу, якъ Пана Бога кохамъ, не могу!—

—Что, Панъ? будешь ли впередъ непрошеной кушать за чужимъ сломъ? сказалъ незнакомый проѣзжей. —Спасибо тебѣ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію,—спасибо, что проучилъ этаго наглеца! Да, будетъ съ него, брось этаго негодяя! у насъ на Руси лежачихъ не бьютъ.—Дай мнѣ свою руку, молодецъ! Авось ли Богъ приведетъ намъ еще встрѣтиться. Быть можетъ, ты поймешь тогда, что присяга, вынужденная обманомъ и силою, ничтожна предъ Господомъ, и что умереть за вѣру православную и святую Русь честнѣе, чѣмъ жить подъ ярмомъ иновѣрца и носить позорное имя раба иноплеменныхъ. Прощай, хозяинъ! Вотъ тебѣ за постой! примолвилъ онъ, бросивъ на столъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

—Не надо, кормилецъ! сказалъ хозяинъ съ низкимъ поклономъ;—мы и такъ довольны.—

Незнакомый поглядѣлъ съ удивленіемъ на хозяина; но, не отвѣчая ни-

чего, пожалъ руку Юрію, перекрестился, вышелъ изъ избы и черезъ минуту промчался, шибкой рысью, мимо постоялаго двора.

Межъ тѣмъ Полякъ успѣлъ выдраться изъ-за стола и пробирался къ дверямъ. Юрій остановилъ его. —Не уходи, Панъ! сказалъ онъ;—я сей часъ ѣду и ты можешь остаться и буянить здѣсь на просторѣ, сколько хочешь. Прощай, Кирша!—

—Нѣтъ, Бояринъ! прошу не прогнѣваться, сказалъ Запорожецъ;—я по милости твоей гляжу на свѣтъ Божій, и не отстану отъ тебя до тѣхъ поръ, пока ты самъ меня не прогонишь.—

—По мнѣ пожалуй! Но пѣшей коному не товарищъ.—

—Да у меня есть на что купить лошадь.

—А я продамъ, сказалъ хозяинъ.—Знатный конь! Не много храмлетъ, а шагистъ и хоть ему за десять, а такой строгой, что только держись!

Ну, вѣришь ли Богу! еслибъ онъ не окривѣлъ, такъ я бы съ нимъ ни за что въ свѣтѣ не разстался.—

—Добро, добро! перервалъ Кирша,—лишь бы только онъ допащилъ меня до перваго базара.—Мы поѣдемъ шагомъ, сказалъ Юрій:—такъ ты успѣешь насъ догнать. Прощай, Панъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ Поляку, который, не смѣя пошевелиться, сидѣлъ смирнехонько на лавкѣ.—Впередъ знай, что не всѣ Москали сносятъ спокойно обиды и что есть много Русскихъ, которые, уважая храбраго иноземца, не попустятъ никакому забіякѣ, хотя бы онъ былъ и Полякъ,—ругаться надъ собою. А всего лучше: вспоминай почаще о жареномъ гусѣ. До забаченья, Ясновельможный Панъ!—

ГЛАВА V.

Утренняя заря румянила снѣжную равнину; вдали, сквозь рѣдѣющій мракъ, забѣлѣлись верхи холмовъ, и звѣзды, одна послѣ другой, попухали на чистомъ небосклонѣ. Дорога, по которой ѣхалъ Юрій, въ провожаніи вѣрнаго слуги своего, извиваясь съ полверсты по берегу Волги, вдругъ круто повернула на лѣво, и прямо противъ нихъ дремучій боръ, какъ черная, безконечная полоса, абрисовался на пламенѣющемъ востокѣ. Проѣхавъ версты двѣ, они очутились при въѣздѣ въ темный боръ; дорога шла опушкою лѣса; среди частаго кустарника, подобно огромнымъ сѣдымъ привидѣніямъ, угрюмо возвышались вѣковыя сосны и ель-

висπыя ели; на ихъ исполинскихъ вершинахъ, покрытыхъ инеемъ, играли первые лучи восходящаго солнца и длинныя πѣни ихъ, устилая всю дорогу, далеко ложились въ чистомъ полѣ.

Алексѣй нѣсколько разъ начиналъ говорить съ своимъ господиномъ; но Юрій не отвѣчалъ ни слова. Погруженный въ глубокую думу, онъ ѣхалъ медленно, опустя поводья своей лошади. Послѣднія слова незнакомаго проѣзжаго отозвались въ душѣ его; тысяча различныхъ мыслей и противуположныхъ желаній волновали его грудь. »Русскіе—рабы иноплеменныхъ!« Ахъ! эти слова, какъ похоронная πѣснь, какъ смертный приговоръ, обливали хладомъ его сердце, кипящее любовью къ вѣрѣ и отчизнѣ. —Нѣтъ! сказалъ онъ наконецъ, какъ будтобъ отвѣчая на слова незнакомца.—Нѣтъ! Господь не допуститъ насъ быть рабами иновѣрцовъ. Мы клялись повиноваться не Польскому

Королевичу, но благовѣрному Русскому Царю. Владиславъ отрѣчется отъ своей ереси; онъ покинетъ свой родной край; наша земля будетъ его землею; наша вѣра православная — его вѣрою. Такъ! онъ будетъ отцемъ нашимъ; онъ соединитъ всѣ помышленія и сердца дѣтей своихъ; разсѣетъ, какъ прахъ земной, коварные замыслы сопостатовъ и тогда—какой иноплеменный дерзнетъ посягнуть на святую Русь?—

—Кой чортъ! вскричалъ Алексѣй, наѣхавъ на колоду, черезъ которую лошадь его съ прудомъ перескочила. —Пора бы солнышку проглянуть; что это оно залѣнилось сегодня! всходитъ не всходитъ.—

—Мы ѣдемъ въ тѣни, отвѣчалъ Юрій.—Вотъ намъ, кажется, поворотъ, и намъ будетъ ѣхать свѣтлѣе.—

—И теплѣе, Бояринъ! а здѣсь такъ вѣтромъ насквозь и прохватываетъ. Ну, Юрій Дмитричь! продолжалъ Алексѣй, радуясь, что господинъ его на-

чалъ съ нимъ разговаривать;—лихо же-ты отдѣлалъ этаго похвальбишку Поляка! Вотъ что называется: уго-спишь по Русски! чай, ему недѣли двѣ ѣсть не захочется. Однакожъ, Бояринъ, какъ мы выѣзжали изъ де-ревни, такъ въ уши мнѣ наносило что-то неладное,—и не будь я Алексѣй Бурнашъ, если теперь вся дере-вушка не набита конными Поляками.—

—Ты слышалъ конской топотъ?—

—Да, Бояринъ! а зимою табуновъ не гоняютъ; чего добраго! Кострома не далеко отсюда, а тамъ спохватъ Поляки: не диво имъ завернуть и въ здѣшнюю сторону.—

—Да! это быть можетъ.—

—Ну, если этотъ трусъ, Копычин-скій имъ нажалуется и они пустятся за нами въ погоню? а за провод-никомъ у нихъ дѣло не станетъ: Кирша не даромъ остался на постоя-ломъ дворѣ.—

—И, Алексѣй! побойся Бога! не ужели ты думаешь, что поотъ, кто

по милости нашей глядитъ на свѣтъ Божій, не посовѣстится....

— Эхъ, Бояринъ! захотѣлъ ты совѣсти въ этихъ черпяхъ Запорожцахъ; они на врядъ и Бога-то знаютъ, окаянные! Станетъ Запорожской Козакъ помнить добро! да онъ, проспи Господи, отца роднаго продастъ за чарку горѣлки.—Ну вотъ, кажется, и просѣка. Ай, да лѣсокъ! Экая трущоба, зги Божьей не видно. То-то приволье, Бояринъ! есть гдѣ поохотиться: чай, здѣсь медвѣдей и всякаго краснаго звѣря тьма тьмущая.—

Наши путешественники въѣхали по узкой просѣкѣ въ средину лѣса. Съ каждымъ шагомъ темный боръ становился непроходимѣе, и не смотря на то, что сильный вѣтеръ колебалъ вершины деревьевъ, внизу царствовала совершенная тишина. Отъ времени до времени, прорываясь сквозь чащу лѣса, скользилъ вдоль просѣки яркой лучь возходящаго соли-

ца; но по обѣимъ сторонамъ дорóги густой мракъ покрывалъ всѣ предметы. Все было мертво вокругъ, и только изрѣдка чорный воронъ, пробудясь опъ конскаго топота, перелеталъ съ одной сосны на другую, осыпая пушистымъ инеемъ Юрія и Алексѣя, который при каждомъ разѣ, вздрогнувъ опъ страха, робко озирался на всѣ стороны. Не замѣчая охоты въ своемъ господинѣ продолжать разговоръ, онъ принялся насвистывать пѣсню. Нѣсколько минутъ ѣхали они молча, какъ вдругъ Алексѣй, осадивъ свою лошадь, сказалъ робкимъ голосомъ:—слышишь, Бояринъ?—

—Что такое? спросилъ Юрій, какъ будто пробудясь опъ сна.

—Чу, слышишь? Кто-то скачетъ за нами!—

—Да! и очень шибко.... Это вѣрно Кирша.

—Нѣтъ, Юрій Дмитричь! я видѣлъ клячу, которую продавалъ ему хозяинъ постоялаго двора: на ней далеко

не ускачешь.—Глядь-ка сюда Бояринъ, видишь чернѣется вдали? Какой эпо Кирша! Словно птица летитъ.—

Всадникъ, который дѣйствительно съ необычайной быстротою приближался къ нашимъ путешественникамъ, выскакалъ на небольшую поляну и солнечный лучь отразился на лицѣ его. Юрій тотъ часъ узналъ въ немъ Запорожца, который, припавъ къ сѣдельной лукѣ, вихремъ мчался по дорогѣ.—Ну, не говорилъ ли я тебѣ, что это Кирша? сказалъ онъ Алексѣю.—

—Вижу, Бояринъ, вижу! Теперь и я узнаю его косматую шапку и черную собаку. Да откуда взялся у него гнѣдой конь? — Кажись, онъ покупалъ пѣгую лошадь.... Экъ его черти несутъ!—Тише ты, тише, дьяволъ!— Совсѣмъ было смялъ Бояринa.—

— Не теряйте времени, сказалъ поспѣшно Кирша, осадя съ трудомъ свою лошадь — За вами погоня!—

—Ну, такъ! чуяло мое сердце! вскричалъ Алексѣй.—Въ деревнѣ Поляки?...

—Да! *три Хоругви* (*), *и человѣкъ* двѣсте лагерной челяди.—

—Съ нами крестная сила! чтожъ мы мѣшкаемъ, Боярин? по лошадямъ—да унеси Господь!—

—Чегожъ ты боишься? сказалъ Юрій. Когда Поляки узнаютъ, кто я....

—Оно такъ, Юрій Дмитричь! но пока ты будешь имъ толковать, что ѣдешь съ грамотой Пана Гонсѣвскаго; они успѣютъ подстрѣлить насъ обоихъ: у Поляковъ расправа коротка.—

—А особливо, прибавилъ Кирша, — когда они увѣрены, что ты ихъ непріятель и везешь съ собою много денегъ.—

—Да еще въ добавокъ, перервалъ Алексѣй, чуть, чуть не заспавилъ Поляка подавиться жареным гусемъ.—

(*) Конныя роты.

—За труса Копычинскаго, продолжалъ Кирша,—они бы не вступились, да онъ увѣрилъ ихъ, что ты врагъ Поляковъ и везешь казну въ Нижній Новъ-городъ. Я вмѣстѣ съ другими вперся на постоялый дворъ и все это слышалъ своими ушми. Пока Регименпарь (*) опряжалъ за вами погоню, я спалъ придумывать, какъ бы васъ избавить отъ бѣды неминучей; вышелъ на дворъ,—глядь! у крыльца одинъ ширенговой держитъ за поводъ этаго коня; посмотрѣлъ—парень щедушной; я подошелъ поближе, изноровился, да—хвать его по лбу кулакомъ! Не пикнулъ, сердечной! а я, прыгъ на коня! въ заднія воротца, проселкомъ, выскакалъ на большую дорогу, да и былъ таковъ! Однакожъ слышите ли, какой гудъ идетъ по лѣсу? Кой чортъ! да не уже ли они всѣ пустились за вами въ погоню?—

Въ самомъ дѣлѣ, казалось весь лѣсъ

(*) Полковой Командиръ.

оживился: глухой шумъ, похожей на отдаленный ревъ воды, прорвавшей плотину; свистъ и пистолетные выстрѣлы пробудили стаи птицъ, которыя съ громкимъ крикомъ пронеслись надъ головами нашихъ путешественниковъ.

—Живѣй, Бояринъ, живѣй! закричалъ Кирша, понуждая свою лошадь.— Эти сорванцы ближе, чѣмъ мы думаемъ. Посмотри, какъ ощетинился Зарѣзъ! недаромъ онъ бросается во всѣ стороны.—Назадъ, Зарѣзъ! назадъ! Ну такъ и есть! берегись, Бояринъ!—

Вдругъ раздался громкой выстрѣлъ и лошадь Юрія повалилась мертвая на землю. Шагахъ въ восьмидесяти передъ толпою конныхъ Поляковъ, летѣлъ удалый наѣздникъ.—Стойте! закричалъ онъ, прицѣливаясь вторымъ пистолетомъ въ Киршу. Быстрѣе молніи соскочилъ Запорожецъ на землю.—Садись на моего коня, Бояринъ! сказалъ онъ, — а я перевѣдаюсь съ этимъ налётомъ. Онъ схватилъ свою

винтовку, пуля засвистѣла—и почти въ ту же самую минуту, испуганная лошадь безъ сѣдока, пронеслась мимо нашихъ путешественниковъ.

—Ну, теперь съ Богомъ! сказалъ Кирша.

—А ты? спросилъ Юрій.

—Пѣшему вездѣ дорога!—

—Но если тебя убьютъ?...—

—Такъ чтожъ? долгъ платежемъ красенъ. Съ Богомъ!—

—Ради Христа, Бояринъ! закричалъ Алексѣй, поспѣшимъ, вотъ они!—

Толпа конныхъ Поляковъ, съ громкимъ крикомъ быстро приближалась къ нашимъ путешественникамъ.

—Да, что тутъ растабарывать? Не погнѣвайся, Боярине! сказалъ Кирша, ударивъ нагайкою лошадь, на которой сидѣлъ Юрій. Лихой конь взвился на дыбы и, какъ изъ лука стрѣла, помчался вдоль дороги.—

—Ловите пѣшаго! подстрѣлите его! заревѣли изъ толпы дикіе голоса и пули посыпались градомъ, но

Кирша былъ уже далеко: онъ пустился бѣгомъ по узенькой тропинкѣ, которая, изгибаясь между кустовъ, шла въ глубину лѣса. Пробѣжавъ шаговъ двѣсти, Кирша остановился; онъ прилегъ наземь и сталъ прислушиваться: чуть, чуть отзывался вдали конской топотъ, отголосокъ не повторялъ уже дикихъ криковъ буйной толпы всадниковъ;—вскорѣ все утихло, и успалая собака улеглась спокойно у ногъ его. Увѣрясь наконецъ, что онъ внѣ опасности, набожный Запорожецъ перекрестился, потомъ, вынувъ изъ-за пазухи рожекъ съ порохомъ и пулю, началъ заряжать свою винтовку. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ приколотить пулю; какъ вдругъ Зарѣзъ поднялъ уши, заворчалъ, опрометью бросился назадъ по тропинкѣ и черезъ минуту, съ лаемъ, возвратился къ своему господину.—Что ты, что ты Зарѣзушка? сказалъ Кирша, погладивъ его ласково рукою, что съ тобой сдѣлалось

голубчикъ? ужъ не почуялъ ли ты краснаго звѣря? Кой прахъ! да что ты ко мнѣ такъ прижимаешься?... Не уже ли.... да, нѣтъ! Я и нѣшей насилу сквозь эту дичь продирался.... Однакожъ и мнѣ кажется.... ужъ не медвѣдь ли?... Нѣтъ, чортъ возьми!... молчашь, Зарѣзъ!—

Вдругъ въ близкомъ разстояніи захрустѣлъ валежникъ и шаги многихъ людей, поспѣшно идущихъ, раздались по лѣсу. Киршѣ не трудно было догадаться, что нѣсколько спѣшенныхъ всадниковъ послано за нимъ въ погоню, и что опасность еще не миновалась. Боясь заплутаться въ семъ непроходимомъ лѣсу, онъ снова пустился по тропинкѣ, которая часъ отъ часу становилась незамѣтнѣе, и наконецъ, при выходѣ на большую поляну, совсѣмъ изчезла. Кирша остановился въ недоумѣніи; онъ чувствовалъ всю опасность выйдти на открытое мѣсто; но на другой сторонѣ поляны, въ самой чащѣ лѣса, тон-

кой дымокъ, пробираясь сквозь густыхъ вѣтвей, обѣщалъ ему убѣжище, а можетъ быть и защиту. Межъ тѣмъ шумъ приближался, разсуждать было некогда, онъ рѣшился и вышелъ изъ лѣсу. »Вотъ онъ! держите его! схватите живаго!« загремѣли позади грубые голоса. Кирша оглянулся— человѣкъ десять вооруженныхъ Поляковъ выбѣжали на поляну; нельзя было и помышлять объ оборонѣ: двое изъ нихъ, опередя своихъ товарищей, спали догонять его; еще нѣсколько шаговъ и Запорожецъ достигъ бы опушки лѣса,—какъ вдругъ, набѣжавъ на пенёкъ, онъ споткнулся и упалъ.—Ага, лайдакъ! попался! закричалъ одинъ изъ Поляковъ, вырывая у него изъ рукъ винтовку.— Скрутите хорошенько этаго поганаго Москаля! заревѣлъ другой; но вѣрный Зарѣзъ, какъ тигръ, кинулся на грудь къ Поляку, схватилъ его за горло и ударилъ о земь. Товарищъ бросился къ нему на помощь, а Кирша вско-

чилъ и, добѣжавъ до частаго кустарника, почти безъ чувствъ повалился на снѣгъ. Онъ не могъ видѣть, что происходило на полянѣ; но слышалъ ясно крикъ и ругательства Поляковъ, громкой лай, потомъ отчаянный вой, и наконецъ послѣдней визгъ издыхающаго Зарѣза. Сердце его обливалось кровью; нѣсколько разъ брался онъ за рукоятку своего кинжала, силился встать; но, задыхаясь и въ совершенномъ изнеможеніи, падалъ опять на землю. Межъ тѣмъ, сколько могъ онъ разслушать, Поляки, собравшись въ кружокъ, разсуждали между собою: должны ли воротиться, или продолжать его преслѣдовать? Къ счастію Кирши, прошло нѣсколько минутъ въ спорахъ и когда они рѣшились, повидимому, продолжать свои поиски, онъ успѣлъ уже отдохнуть и, поднявшись на ноги, пустился къ тому мѣсту, надъ которымъ носилось прозрачное дымное облако.—

ГЛАВА VI.

Кирша, съ трудомъ пробираясь сквозь чащу, дошелъ наконецъ до высокаго плетня, обрытаго глубокою канавою; не теряя времени, онъ перелѣзъ чрезъ плетень, за которымъ дюжины двѣ ульевъ, безъ всякаго порядка разставленныхъ, окружали небольшую избушку, до половины занесенную снѣгомъ. Дымъ, выходя изъ слуховаго окна, крутился надъ ея соломенною кровлею; а у самыхъ дверей огромная цѣпная собака, пригрѣпая солнышкомъ, лежала подлѣ своей конуры. Почуя незнакомаго, она громко залаяла; Кирша осшановился, ожидая, что кто нибудь выйдетъ изъ избы; но никто не появлялся; онъ вынулъ

изъ своей дорожной сумы кусокъ хлѣба, бросилъ его собакѣ и умилостивленный церберъ, ворча, спрятался въ свою конуру.—Бѣдный Зарѣзъ! сказалъ Кирша, входя въ избу; — ты также бывало сторожилъ мой домъ; да не такъ легко было тебя задобрить.—Съ перваго взгляда Запорожецъ увѣрился, что въ избѣ никого не было; но затопленная пѣчь, покрытой ширинкою столъ и початой каравай хлѣба, подлѣ котораго стоялъ большой кувшинъ съ брагою—все доказывало, что хозяинъ отлучился на короткое время. Отъ пѣчи, вдоль избы, шла перегородка, за которою стояли пустые ульи, кадки и нѣсколько бочонковъ. Кирша не успѣлъ еще порядкомъ осмотрѣться, какъ вдругъ послышались въ близкомъ разстояніи голоса; — не зная, кто подходитъ: другъ, или недругъ, онъ спрятался за перегородку, и прилегъ между двухъ ульевъ, за которыми нельзя было его никакъ примѣтить. Кто-то взошелъ въ из-

бу. Запорожецъ припаилъ дыханіе и сталъ внимательно прислушиватъ.

—Входи смѣлѣй, Григорьевна! сказалъ грубый голосъ.—Небось! кто приходитъ ко мнѣ съ хлѣбомъ да солью, тому порчи бояться нечего.—

—Вѣстимо, батюшка, Архипъ Кудимовичъ, отвѣчалъ женской голосъ, перерываемый частымъ кашлемъ.—Вѣстимо! ты человѣкъ добрый; да дѣло-то мое непривычное.—

—Садись добро, пёпка! да что это у тебя за пазухой?—

—Такъ! кой-что, родимой! просимъ покорно принять. Вотъ въ этомъ кулечкѣ пирогъ, а это штофикъ вишневки съ боярскаго погреба.—

—Спасибо, Григорьевна! спасибо!—

—Кушай на здоровье, кормилецъ! это шлетъ тебѣ Аграфена Власьевна.—

—Нянюшка нашей молодой боярышни?—

—Да, батюшка! Ей самой некогда перемолвить съ тобой словечко, такъ просила меня.... О, охъ! родимой!

Сокрушила ее дочька боярская, Анаспасья Тимоѳѣевна. Богъ вѣсть, чпо съ ней подѣлалось: плачетъ, да горюетъ—совсѣмъ зачахла. Боярину прислали изъ Москвы какого-то досужаго Поляка — рудомёпа, чиполь? не знаю;—да и шопъ полку не добьется. И напоптывалъ, и заморскаго зелья давалъ, и мало ли чего другаго—все проку нѣпъ. Ужъ не съ дурнаго ли глазу ей пакая немочь приключилась? Какъ пы думаешь, Архипъ Кудимовичь?—

—Не диво, Григорьевна, не диво! А давно ли она хвораетъ?—

—Власьевна сказывала, чпо о зимнемъ Николѣ, когда Бояринъ ѣздилъ съ ней въ Москву, она была здоровёхонька; пріѣхали назадъ въ опчину, спала призадумываться; а какъ бапюшка просваталъ ее за какого-то большаго Польскаго Пана, пакъ она съ пѣхъ поръ, какъ въ воду опущепая.—

—Вопъ чпо! а не въ примѣпу ли

Власьевнѣ, что въ Москвѣ кто ни есть приспально на ея барышню поглядывалъ?—

—Какъ же, мой родимой! Она съ Наспасьей Тимофѣевной каждый день слушала обѣдню у Спаса на Бору, и всякой разъ какой-по русой молодецъ глазъ съ нея не сводилъ.—

—Вотъ что! А не знаетъ ли она, кто этотъ дѣтина?—

—Нѣтъ, батюшка! однажды только Власьевна вслушалась, что слуга называлъ его Юрьемъ Дмитричемъ; а по платью и обычью, кажись, онъ не изъ простыхъ.—

Сіи послѣднія слова удвоили любопытство Кирши и принудили его остаться въ чуланѣ, изъ котораго онъ хотѣлъ было уже выйдти.

—Ну, какъ ты мѣкаешь кормилецъ? продолжала Григорьевна, — болѣзнь что ль у нея какая, или она сохнетъ...

—Съ глазу, Григорьевна, съ глазу.—

—И нянюшка то же проститъ; чему и быть другому? Да ты, ба-

пюшка, самъ на это дока, и если захочешь пособить....

—Нѣтъ, Григорьевна! плохо дѣло! кто испортилъ, тому ее и пользовать надо. Однако я все-таки поговорю самъ съ Власьевной.—

—Поговори, родимой, поговори! умъ хорошо, а два лучше. Ну, батюшка, теперь и я тебѣ челомъ! Не оставь меня, горемычную; вѣдь и у меня есть до тебя просьба.—

—Что такое, Григорьевна?—

—Вымолвить не смѣю.—

—Говори, небось!—

—Я пришла къ тебѣ уму—разуму поучиться, кормилецъ.—

—Какъ такъ?—

—Ты знаешь: дѣло мое вдовье, ни за мной, ни передо мною—вовсе голь-ная сирота... подъ часъ перекусить нечего.—

—Знаю, знаю.—

—Тебя умудрилъ Господь, Архипъ Кудимовичъ. Ты всю подноготную знаешь: лошадь ли сбѣжитъ, корова

ли зачахнетъ, червь ли нападетъ на скопину, задумаетъ ли парень женишься, начнетъ ли молодица выкликать: все къ тебѣ, да къ тебѣ съ поклономъ. Да и самъ Бояринъ, нѣтъ нѣтъ, а скажетъ тебѣ ласковое слово; гдѣбъ ни пировали, а Кудимовичь тутъ, какъ тутъ; какъ, дескать, не позвать такаго знахаря, бѣду наживешь.—

—Конечно такъ, Григорьевна. Да о чемъ же ты хлопочешь?—

—А вотъ о чемъ, кормилецъ: научи ты меня, глупую твоему досужеству: такъ и меня чаркою никто не обнесетъ, и меня не хуже твоего чествовать будутъ.—

—Экъ, съ чѣмъ подъѣхала, старая хрѣновка! Смотри пожалуй! ужъ не хочешь ли со мной потягаться?

—И, что ты, кормилецъ! Выше лба уши не растутъ. Что велишь, то и буду дѣлать.—

—Ой ли?—

—Видитъ Господь, Архипъ Куди-

мовичь! чтобъ со мной ни было, а изъ твоей воли не выступлю.—

—Ну, ну, быть такъ! рожа-та у тебя бредетъ: тебя и такъ всѣ величаютъ старою вѣдьмой.... Да, точно ли ты не выступишь изъ моей воли?—

—Въ кабалу къ тебѣ пойду, родимой!—

—То то же, смотри! Слушай, Григорьевна! ужъ такъ и быть, я бы подался—дѣло пивое сиропское.... да у бабы волосъ длиненъ, а умъ коротокъ. Ну, если ты сболтнешь?...—

—Кто? я, батюшка?... Да, изсуши меня Господь тоньше аржаной соломенки! чтобъ мнѣ свѣту Божьяго не видать! издохнуть безъ исповѣди!...

—Добро, добро, не божись!... Дай подумать.... Ну, слушай же, Григорьевна! продолжалъ мужской голосъ, послѣ минутнаго молчанія: — сегодня у насъ на селѣ свадьба; дочь нашего Волостнаго Дьяка идетъ за прикащикова сына. Вотъ, какъ они поѣдутъ къ

вѣнцу, ты заберись въ женихову избу на полати, прижмись къ уголку, попупься и нашопшывай про себя....

—А что же, кормилецъ, шептать мнѣ велишь?—

—Да что на умъ всбредетъ, и о чемъ бы тебя ни спали спрашивать: смотри, ни словечька! Бормочи себѣ подъ носъ, да покачивайся изъ стороны въ сторону.—

—Слушаю, батюшка!—

—Вотъ, какъ поѣздъ воротится изъ церкви, я взойду въ избу и лишь только переступлю черезъ порогъ: ты въ тотъ же мигъ—ужъ не пожалѣй себя для перваго раза!—швыркомъ съ полатей, такъ и грянься о полъ!—

—О полъ? Ахъ, мой родимой! Да я эдакъ и косточекъ не сберу!—

—Вотъ еще боярыня какая! а тебѣ бы, чай, хотѣлось, лежа на боку, сдѣлаться колдуньей? Ну, если успѣешь, подкинь соломки, да смотри! чтобъ никому не въ примѣту.—

—Слушаю, батюшка, слушаю!—

—Чтобъ я ни говорилъ, кричи только: »виноватa!« а тамъ ужъ не твое дѣло. Третьяго дня пропали боярскія красна; если тебя будутъ о нихъ спрашивать, возьми ковшъ воды, пошепчи надъ нимъ, взгляни на меня, и какъ я моргну головою: то отвѣчай, что онѣ на гумнѣ Федьки Хомяка, запряпаны въ овинѣ.—

—Ахъ, батюшки—свѣты! Не ужто въ самомъ дѣлѣ Федька Хомякъ....

—Ономнясь онъ грозился поколотить меня: такъ пусть теперь развѣдается съ Прикащикомъ. —

—Постой-ка! да ты никакъ толкуешь оттуда, какъ я съ тобой повстрѣчалась?—

—Молчи, старая корга! Ни гугу объ этомъ! Слышишь ли! видомъ не видала, слыхомъ не слыхала! —

—Слышу, батюшка, слышу!—

—Завтра приходи опять сюда: мнѣ кой-что надо съ тобой перемолвить, а теперь убирайся проворнѣй! Да, смотри, обойди сторонкою, чтобъ ни-

кто не подмѣтилъ, что ты была у меня. Понимаешь?—

—Разумѣю, кормилецъ, разумѣю!—

—Ну, то-то же! ступай!—

—Прощенья просимъ, батюшка, Архипъ Кудимовичь!—

—Постой-ка! никакъ собака лаетъ?... такъ и есть! Кого это нелегкая сюда несетъ?... Слушай, Григорьевна! если тебя здѣсь застанутъ, такъ все дѣло испорчено. Спрячься скорѣй въ этотъ чуланъ, закинь крючекъ и припасись, какъ мертвая.—

Григорьевна взошла за перегородку и, захлопнувъ дверь, прижалась къ улью, за которымъ лежалъ Кирша. Чрезъ минуту нѣсколько человѣкъ, гремя саблями, съ шумомъ вошли въ избу.

—Гей, Москаль! закричалъ одинъ голосъ; — нѣтъ ли у тебя кого нибудь здѣсь?—

—Никого, батюшка.—

—Ты врешь! у тебя спрятанъ мошенникъ, котораго мы ищемъ.—

— Видитъ Богъ, нѣтъ!—

— Говори всю правду, а не то я съ одного маху вышибу изъ тебя душу. Гей, Будила! и ты, Сума! осмотрите чердакъ, а мы обшаримъ здѣсь всѣ уголки.—Что у тебя за этой перегородкой?—

— Пустые ульи, да кой-какая старая посуда.—

— Лжешь, Москаль! Дверь приперта изнутри: тамъ кто нибудь да есть. Ну-ка, товарищи! въ плети его! такъ онъ заговоритъ.—

— Помилуйте, господа честные! Всю правду скажу! тамъ сидитъ женщина.—

— Женщина! Да на кой же чортъ ты ее туда запряталъ?—

— Не погнѣвайся, кормилецъ; вы люди рапные: дальше отъ васъ, дальше отъ грѣха.—

— Давай ее сюда! закричали грубые голоса.—

— Да, къ стати — вотъ, кажется, штофъ наливки, сказалъ тотъ, кото-

рый допрашивалъ хозяина. — Мы его разопьемъ вмѣсипѣ съ этой запворницей. Выходи, красавица! А не по двери вонъ!... Экъ, она приперлась, проклятая!... Ну-ка, товарищи, разомъ! —

— Спойпте, ребята! сказалъ кто-то хриповатымъ голосомъ. — Штурмовать мое дѣло, только уговоръ лучше денегъ: кто первый ворвется, того и добыча. — Поспоропипесь!—

Опъ сильнаго написка могучаго плеча, пробой вылетѣлъ и дверь растворилась наспежъ.

— Ай, да молодецъ, Нагиба! закричали Поляки. Ну, выводи скорѣе плѣнныхъ!—

— Полножъ упираться, лебёдка! Выходи! сказалъ широкоплечей Нагиба, выпащивъ на средину избы Григорьевну.—Кой чортъ! Да это старая колдунья! закричалъ онъ, выпустивъ ее изъ рукъ.—

— Твоимъ бы ртомъ, да медъ пить, родимой! отвѣчала Григорьевна съ низкимъ поклономъ.

—Поздравляемъ, Панъ Нагиба! закричали съ громкимъ хохотомъ Поляки. — Подцѣпилъ красотку!—

—Ахъ, ты, беззубая! Ну, съ твоей ли харей пряпаться опъ молодцовъ! сказалъ Нагиба, ударивъ кулакомъ Григорьевну.—Вонъ отсюда, старая черповка!—а ты, рыжая борода, спуняй съ нами, да выпроводи насъ на большую дорогу.—

—Поспой, братъ! сказалъ другой голосъ;—все ли мы осмотрѣли? Нѣтъ ли еще кого нибудь за этой перегородкой?—

— Видитъ Богъ, нѣтъ, кормилецъ! отвѣчалъ хозяинъ, посматривая съ безпокойствомъ на темный уголъ чулана, въ которомъ стояли двѣ кадки съ медомъ.—Кромѣ пустыхъ ульевъ и старой посуды, намъ ничего нѣтъ.—

—И впрямь! сказалъ Нагиба.—Кой-чортъ велитъ ему забиться въ эту западню, когда за каждымъ кустомъ онъ можетъ опъ насъ спрятаться! Пойдемъ-те, товарищи!—Э! да слушай

ты, хозяинъ! чай, у тебя денежки водятся?—

— Какъ Богъ святъ, ни одного пула (*) нѣтъ, родимой.—

— Ну, ну! полно прижиматься! отдавай волею, а не то....

— Помилосердуй, кормилецъ! вотъ те Христосъ, вчера послѣднія деньжонки отнесъ Боярину моему, Тимофею Федоровичу, Шалонскому.—

— Слушай, Москаль! подавай сей часъ....

— Что ты, Нагиба! въ умѣ ли! сказалъ одинъ изъ Поляковъ.—Иль забылъ, что намъ наказывалъ Панъ Регементарь? Если этотъ старикъ служитъ Боярину, Кручинѣ Шалонскому: такъ мы и волосомъ не должны отъ него поживиться. —

— Панъ Регементарь! Панъ Регементарь!... Э, нехъ его вшисци дьябли!...

— Тсъ, тише! что ты орёшь, дуралей! перервалъ тотъ же Полякъ.—

(*) Самая мѣлкая мѣдная монета.

Иль ты думаешь, что отъ твоего лба пуля отскочитъ! смотри! Ясновельможный шутить не любитъ. Пойдемъ-те, ребята! А ты, хозяинъ, ступай передомъ, да выведи насъ на большую дорогу.—

Черезъ нѣсколько минутъ изба опустѣла и Кирша могъ вздохнуть свободно. Онъ вышелъ потихоньку изъ чулана; шелестъ шаговъ сдва былъ слышенъ вдали; вскорѣ все утихло. Встревоженная собака снова улеглась спокойно на солнышкѣ и, вертя привѣтливо хвостомъ, пропустила мимо себя Киршу, какъ стараго знакомца. Запорожецъ не сомнѣвался, что тропинка, идущая прямо отъ пчельника, выведетъ его въ отчину Боярина Шалонскаго, гдѣ — по словамъ Алексѣя, — онъ надѣялся увидѣть Юрія, если ему удалось спастись отъ преслѣдованія Поляковъ. Онъ прошелъ версты четыре, не встрѣтивъ никого; но лѣсъ рѣдѣлъ примѣтнымъ образомъ и вдали цѣлыя облака дыма, доказывали

близость обширнаго селенія. Наконецъ тропинка привела его къ огородамъ. Пробираясь вдоль плетня, онъ подошелъ къ небольшой часовнѣ, противъ которой, сквозь разстворенныя ворота гумна, виднѣлся рядъ низкихъ, покрытыхъ соломою, хижинъ. Желая скорѣй добраться до жилья, онъ рѣшился пройдти задами. Есть Русская пословица: пуганая ворона и куста боится; она сбылась надъ Киршею. Проходя мимо пустаго овина, ему послышалось, что кто-то идетъ; первое движеніе Запорожца было спрятаться въ овинъ. Прежде чѣмъ Кирша могъ образумиться и вспомнить, что его никто уже не преслѣдуетъ, онъ очутился на днѣ овиной ямы и, можетъ быть, заплатилъ бы дорого за свой отчаянный скачекъ, еслибъ не упалъ на что-то мягкое. Не смотря на темноту, онъ тотъ же часъ узналъ ощупью, что подъ нимъ лежитъ нѣсколько кусковъ тонкой холстины.

Тутъ вспомнилъ онъ чудный разговоръ, который слышалъ на пчельникѣ.—Добро ты, поддѣльной колдунъ! подумалъ Кирша.—Посмопримъ, шепнетъ ли тебѣ чортъ на ухо, что Боярскія красна перешли, изъ овина Федьки Хомяка, въ другое мѣсто.— Эта мысль его развеселила, онъ выпащилъ изъ ямы холстъ, вынесъ его въ лѣсъ и, зарывъ въ снѣгъ, подлѣ часовни, пошелъ по проложенной между двухъ огородовъ, узенькой тропинкѣ.—

Кирша вышелъ на широкую улицу, посреди которой, на небольшой площадкѣ, полуразвалившаяся деревянная церковь, отличалась отъ окружающихъ ее избъ однимъ крестомъ и низкою, похожею на голубятню, колокольнею. Вся паперть и погостъ были усыпаны народомъ; священникъ, въ полномъ облаченіи, стоялъ у церковныхъ дверей; взоры его, также какъ и всѣхъ присутствующихъ, были обращены на толпу, которая мед-

ленно приближалась ко храму.—Оружіе и воинственный видъ Запорожца обратили *на себя общее вниманіе*, и когда онъ подошелъ къ церковному погосту, толпа съ почтеньемъ разступилась и всѣ передніе крестьяне, поглядывая съ робостію на Киршу, приподняли поспѣшно свои шапки, кромѣ одного плечистаго дѣтины, который, взглянувъ довольно равнодушно на Запорожца, оборотился снова въ ту сторону, откуда приближались нѣсколько *саней и человѣкъ двадцать* конныхъ и пѣшихъ. Откры той и смѣлой видъ крестьянина понравился Киршѣ, онъ подошелъ къ нему и спросилъ: — для чего православные толпятся вокругъ церкви?—

— Да, такъ-ста, отвѣчалъ крестьянинъ.—Народъ глупъ: вишь везутъ къ вѣнцу дочь Волостнаго Дьяка, такъ всѣ и пришли позевать на молодыхъ. Словно диво какое!—

— Она выходитъ за сына вашего Прикащика?—

— А почему ты знаешь?

— Слухомъ земля полнится, товарищъ.—

— Да, ты вѣрно здѣшней?

— Нѣтъ; я сей часъ приполъ въ вашу деревню и никого здѣсь незнаю.—

— Ой ли? —

— Право такъ!—А скажи-ка мнѣ, вонъ тамъ, на лѣво—чьи хоромы?—

— Боярина нашего, Тимофѣя Федоровича, Шалонскаго.—

—Не пріѣхалъ ли къ нему кто нибудь сегодня?—

— Богъ вѣсть! — Мы къ боярскому двору близко и не подходимъ.—

— Что такъ? развѣ онъ человѣкъ лихой?

— Не роди мать на свѣтъ!—Намъ и отъ холопей-то его житья нѣтъ.—

— Что ты, Федька Хомякъ, горланишь! перервалъ другой крестьянинъ съ сѣдой, осанистой бородою. Не слушай его, добрый человѣкъ!—Нашъ Бояринъ—дай Богъ ему долгія лѣта! —

Господинъ милостивой и мы живемъ за нимъ припѣваючи.—

—Да, братъ! запоешь, какъ послѣднюю овцу попащапъ на барской дворъ.—

—Замолчишь ли ты, глупая башка! продолжалъ сѣдой старикъ.—Эй, братъ! не сносишь тебѣ головы!—Непопачь, господинъ честной! Не вѣрь ему; онъ эпо пакъ съ дуру говоритъ.—

—Небось, дѣдушка, сказалъ Кирша, улыбаясь; — я человѣкъ заѣзжей и вашего Боярина не знаю. А есть ли у него дѣпки?

—Одна дочька, родимой! Анастасья Тимофѣевна—Ангелъ небесный!—

—Да! неча сказать, прибавилъ первый крестьянинъ,—вовсе не въ батюшку; такая добрая, привѣтливая, а собой-то! красное солнышко! Ну, всѣмъ бы взяла, еслибъ была подороднѣе; да здоровья-то Богъ не далъ.—

—Глядь-ка, Хомякъ! закричалъ старикъ; вонъ ѣдетъ Дьякъ съ невѣстою

да еще и въ боярскихъ саняхъ. Шапки долой, ребята!—

Поѣздъ приближался къ церкви. Впереди въ свѣтло-голубыхъ кафтанахъ, съ бѣлыми ширинками черезъ плечо, ѣхали верхами двое дружекъ; позади ихъ въ небольшихъ санкахъ везъ икону малолѣтный братъ невѣсты, которая, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, ѣхала въ выкрашенныхъ малиновою краскою саняхъ, обитыхъ внутри кармазинною обьерью;—подъ ногами у нихъ подостлана была шкура бѣлаго медвѣдя, а конская упряжь украшена множествомъ лисьихъ хвостовъ. Рядъ саней, со свахами и родственниками жениха и невѣсты, оканчивался толпою пѣшихъ и всадниковъ, посреди которыхъ красовался женихъ на бѣломъ конѣ, коего сбруя обвѣшена была разноцвѣтными кистями, а узда замѣнялась мѣдною цѣпью,—роскошь, переняпая простолюдинами отъ знатныхъ бояръ, у которыхъ сіи цѣпи бывали не только

изъ серебра; но даже не рѣдко изъ чи-
стаго золота.

Кирша, въ слѣдъ за женихомъ, кое-
какъ продрался въ церковь, которая
до того была набита народомъ, что
едва оставалось довольно мѣста для
совершенія брачнаго обряда. Все
шло чинъ—чиномъ и крестьяне, не-
смотря на тѣсноту, наблюдали по-
чтительное молчаніе; но въ ту са-
мую минуту, какъ молодой, по но-
гдашнему обычаю, бросилъ на земь и
началъ топтать ногами стклянку съ
виномъ, изъ которой во время вѣн-
чанья пилъ попеременно съ своей
невѣстою,—народъ зашумѣлъ, глухой
шопотъ раздался на церковной па-
перти. »Раздвиньтесь! посторони-
тесь! дайте пройдти Архилу Куди-
мовичу!« повторяли многіе голоса. —
Толпа отхлынула отъ дверей и на
порогѣ показался, высокаго роста,
крестьянинъ съ рыжей окладистой
бородою. Наружность его не обѣща-
ла ничего важнаго; но стракъ, съ

которымъ смотрѣли на него всѣ окружающіе и имя, произносимое въ полголоса почти всѣми, вотъ часъ надоумили Киршу, что онъ видитъ, въ сей почтенной особѣ, хозяина пчельника, гдѣ жизнь его висѣла на волоскѣ. Кудимычь остановился въ дверяхъ, бѣглымъ взглядомъ окинулъ внутренность церкви и, замѣтя въ толпѣ Федьку Хомяка, улыбнулся съ такимъ злобнымъ удовольствіемъ, что Кирша далъ себѣ честное слово спасти отъ напраслины невиннаго крестьянина и вывести на свѣжую воду подложнаго колдуна. Межъ тѣмъ обрядъ вѣнчанья кончился и молодые отправились, тѣмъ же порядкомъ, въ домъ Прикащика.— Кудимычь, по приглашенію жениха, присоединился къ по́ѣзду, а Кирша вмѣшался въ толпу пѣшихъ гостей и отправился также пировать у молодыхъ.—

На половинѣ дороги крестьянская дѣвушка, съ испуганнымъ лицемъ, подбѣжала къ санямъ Прикащика, ска-

зала ему что-то потихоньку; онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть; подозвалъ къ себѣ Кудимыча и вся процессія остановилась. Они довольно долго говорили межъ собой шопотомъ, наконецъ Кудимычь сказалъ громкимъ голосомъ: «пусти, я пойду передомъ; не бойся ничего, я знаю, что дѣлать». Весь порядокъ шествія нарушился: одни вылѣзли изъ саней, другіе окружили колдуна и всѣ крестьяне, вмѣсто того, чтобъ разойтись по домамъ, пустились въ слѣдъ за молодыми; а Кудимычь важно выступилъ впередъ и, ободряя Прикащика, повелъ за собою всю толпу къ дому новобрачныхъ.—

ГЛАВА VII.

Мы оставили Юрія и слугу его, Алексѣя въ виду цѣлой толпы Поляковъ, которые считали ихъ вѣрной добычею; но они скоро увидѣли, что ошиблись въ расчетѣ. Въ нѣсколько минутъ, наши путешественники потеряли ихъ изъ виду. Безпрестанные изгибы и повороты дороги, которая часто съуживалась до того, что двумъ конным нельзя было ѣхать рядомъ, способствовали имъ укрыться отъ преслѣдованія густой толпы всадниковъ, которые, стѣсняясь въ узкихъ мѣстахъ, мѣшали другъ другу и должны были по неволѣ останавливаться. Проскакавъ нѣсколько верстъ, наши путешественники стали придерживать своихъ лошадей и

вскорѣ совершенная тишина, ихъ окружающая, и едва слышный, отдаляющійся конской топотъ увѣрили ихъ, что Поляки воротились и имъ нечего опасаться.

—Ну, Бояринъ! сказалъ Алексѣй;—помиловалъ насъ Господь!—

—А бѣдной Кирша?—

—И, Юрій Дмитричь! онъ дѣтина проворный, да и какъ поймать его въ такомъ дремучемъ лѣсу! —

—Но если онъ раненъ?—

—Богъ милостивъ! Онъ вѣрно уцѣлѣлъ.—

—Я дорого бы далъ, чтобъ увѣриться въ этомъ. Ну, Алексѣй! не совѣстно ли тебѣ! ты подозрѣвалъ Киршу въ измѣнѣ....

—Каюсь, Бояринъ! грѣшилъ на него, да и теперь думаю....

—Что такое?—

—Что онъ не Запорожецъ.—

—Вездѣ есть добрые люди, Алексѣй.—

—Да ты пожалуй, Бояринъ и Поляковъ называешь добрыми людьми.—

—Конечно; я знаю многихъ, на которыхъ хотѣлъ бы походить.—

—И также, какъ они, гнаться за проѣзжими, чтобъ ихъ ограбить?—

—Шайка Русскихъ разбойниковъ, или толпа Польской лагерной челяди ничего не доказываютъ. Нѣтъ, Алексѣй! я уважаю храбрыхъ и бдагородныхъ Поляковъ. Придетъ время, вспомнятъ и они, что въ ихъ жилахъ течетъ кровь нашихъ общихъ предковъ—Славянъ; быть можетъ, внуки наши обнимутъ Поляковъ, какъ родныхъ братьевъ, и два сильнѣйшія поколѣнія древнихъ владыкъ всего сѣвера сольются въ одинъ великой и непобѣдимой народъ.

—Не погнѣвайся, Бояринъ! ты, живя съ этими Ляхами, черезъ чуръ мудренъ сталъ, и говоришь такъ красно, что я ни словечка не понимаю. Но воля твоя: что будетъ впередъ, то Богъ вѣсть; а теперь куда бы хоро-

шо, еслибъ эти незваные гости убрались во свояси. Покойный твой батюшка — дай Богъ ему царствіе небесное!—не такъ изволилъ думать. Ты послѣ смерти Боярыни нашей, а твоей матери, оспался у него одинъ, какъ порохъ въ глазу; а онъ все-таки говаривалъ, что легче бы ему видѣть тебя, единороднаго своего сына, въ ранней могилѣ; чѣмъ слугою Короля Польскаго, или мужемъ невѣрной Полячки. —

— Мужемъ!... повторилъ въ полголоса Юрій, и глубокая печаль изобразилась на лицѣ его — Нѣтъ, добрый Алексѣй! Господь не благословилъ меня быть мужемъ той, которая пришла мнѣ по́сердцу; такъ видно суждено мнѣ цѣлой вѣкъ сиротой промаяться. —

— И, Бояринъ, Бояринъ! Не одна звѣзда на небѣ свѣтитъ, не одна красавица на святой Руси. Ты все еще думаешь объ *этой* черноглазой Боярышнѣ, которую видѣлъ въ Москвѣ у

Спаса на Бору?... Вольножъ тебѣ было не провѣдашь, кто она такова; опкладывалъ, да опкладывалъ, а она вдругъ згинула, да пропала. И то сказашь — не ужели опять этаго зачахнутъ съ тоски такому молодцу, какъ ты, Боярин? Кликни только кличь, что хочешь женишься: такъ не оберешься невѣспъ, а можетъ быть.... почему знать? суженаго конемъ не объѣдешь... и не ищешь, а найдешь свою черноглазую красавицу....

—Обвѣнчанную съ другимъ!... Нѣтъ! лучше вѣкъ ее не видать, чѣмъ видѣть на ея пальцѣ обручальное кольцо, которымъ она помѣнялась не со мною.—

—Что Богъ велитъ, то и будетъ. А межъ тѣмъ, Боринъ, по какой дорогѣ намъ ѣхать? Вотъ ихъ двѣ: на право въ лѣсъ, на лѣво изъ лѣсу.... Да, вспанти! вонъ ѣдетъ мужичекъ съ хворостомъ. Ей! слушай-ка, дядя! По которой дорогѣ выѣдемъ мы въ отчину Боярина, Кручины Шалонскаго? —

При семъ грозномъ имени крестьянинъ снялъ шапку, поклонился въ поясъ проѣзжимъ и, молча, показалъ налѣво. Чрезъ полчаса наши путешественники выѣхали изъ лѣсу и длинный рядъ низкихъ избъ, выстроенныхъ по берегу небольшой рѣчки, предсталился ихъ взорамъ. Широкая поперечная улица вела къ церкви, а по другой сторонѣ рѣки, на отлогомъ холмѣ, возвышались песовая кровля и красивый теремъ Боярскаго дома, обнесеннаго высокимъ тыномъ, похожимъ на крѣпостной палисадъ. Вокругъ господскаго двора разбросаны были жилыя избы дворовыхъ людей, конюшня, псарня и огромный скотный дворъ. Всѣ сіи строенія съ ихъ пристройками, клѣтьми и загородками, занимали столь большое пространство, что съ перваго взгляда ихъ можно было почесть вторымъ селомъ, не менѣе перваго. Переѣхавъ черезъ мостъ, утвержденной на толстыхъ сваяхъ, путешественники поднялись въ гору

и выѣхали на обширной барской дворъ. Передней фасадъ главнаго зданія занималъ въ длину болѣе пятнадцати саженей; но вышина дома ни мало не соотвѣтствовала длинѣ онаго. Небольшія четвероугольныя окна, съ красными рамами и разноцвѣтными спавнями, раздѣлялись широкими проспѣнками. Съ лѣвой стороны домъ оканчивался крыльцомъ, съ огромнымъ навѣсомъ, поддерживаемымъ деревянными столбами, коимъ дана была форма нынѣшнихъ точеныхъ балясъ, употребляемыхъ иногда для украшенія наружности домовъ. Съ правой стороны домъ примыкалъ къ двухъ-этажному терему, коего окна были почти вдвое болѣе оконъ остальной части дома. По обѣимъ сторонамъ забора выстроены были длинныя застольни, приспѣшная и погреба съ высокой голубятнею, а посреди двора стояли висячія качели.—Мы должны замѣтить нашимъ читателямъ, что гордый Бояринъ, Кручина

славился своей роскошью и чпо его давно уже упрекали въ подражаніи иноземцамъ и въ явномъ презрѣніи къ проспымъ обычаямъ предковъ; а посему описаніе его дома не можетъ дать вѣрнаго понятія объ образѣ жизни погдашнихъ Русскихъ Бояръ. Ихъ дома не удивляли огромностью и великолѣпіемъ: большая комната, называемая свѣтлицею, опдѣлялась опъ черной избы проспорными и теплыми сѣнями, въ копорыхъ живали горничныя, получившія опъ сего названіе *сѣнныхъ дѣвушекъ*. Иногда узкая и крупая лѣспница вела изъ сѣней въ терем; кругомъ дома спроились погреба, конюшни, клѣпи и бани; — вопъ крапкое, но довольно вѣрное описаніе домовъ Бояръ и дворянъ пого времени, копорые крѣпко держались спаринной Русской пословицы: »Не красна изба углами, а красна пирогами.«

Проѣзжая дворомъ, Юрій замѣтилъ большія приготовленія; слуги бѣгали

взадъ и впередъ; въ приспѣшной пылалъ яркой огонь; нѣсколько поваровъ суетились вокругъ зарѣзаннаго быка— все доказывало, что Боярин, Кручина ожидаетъ къ себѣ гостей. Тѣ изъ челядинцевъ, съ коими встрѣчался Юрій, подъѣзжая къ крыльцу, смотрѣли на него съ удивленіемъ: измятый и поношеный охобень, коимъ съ ногъ до головы онъ былъ окутанъ, некрасивая одежда Алексѣя, однимъ словомъ: ничто не оправдывало дерзости незнакомаго гостя, который, вопреки обычаю простолюдиновъ, не сошелъ съ лошади у воротъ и въѣхалъ верхомъ на дворъ гордаго Боярина. Отдавъ своего коня Алексѣю, Юрій взошелъ по отлогой лѣстницѣ въ обширную переднюю комнату. Вокругъ стѣнъ, на широкихъ скамьяхъ сидѣло человѣкъ двадцать холопей, одѣтыхъ въ цвѣтные кафтаны; развѣшенные въ порядкѣ панцыри, бердыши, киспени, сабли и ружья, служили единствен-

нымъ украшеніемъ голыхъ спѣнъ сего покоя. Одинъ изъ слугъ, не вставая съ мѣста, спросилъ грубымъ голосомъ Юрія:—кого ему надобно?—

—Боярина Тимофея Федоровича, отвѣчалъ Юрій.

—А отъ кого вы присланъ?—

Вмѣсто отвѣта, Юрій сбросилъ свой охобень. Обшитой богатыми галунами кафтанъ и дорогая сабля подѣйствовали сильнѣе на сихъ невѣжъ, чѣмъ благородный видъ Юрія; они вскочили проворно съ своихъ лавокъ и хотъ, который сдѣлалъ первый вопросъ, поклонясь вѣжливо, сказалъ, что Бояринъ еще не вставалъ, и если госпю угодно подождать; то онъ проситъ его въ другую комнату. Юрій вошелъ въ слѣдъ за слугою въ четвероугольный обширный покой, посреди котораго стояли длинные дубовые столы, а вдоль спѣны покрытыя пестрыми коврами

лавки. Прошло болѣе часу, никто не показывался. Отъ нечего — дѣлать, Юрій сталъ разсматривать развѣшенные по спѣнамъ портреты, довольно изрядной, по тогдашнему времени, живописи. Почти всѣ представляли Поляковъ, а одинъ, Короля Польскаго въ коронѣ и порфирѣ. Портретъ былъ поясной и Король былъ предсставленъ облокотившимся на столъ, на которомъ лежалъ скипетръ съ двуглавымъ орломъ и священный для всѣхъ Русскихъ, вѣнецъ Мономаховъ. Юрій вздрогнулъ отъ негодованія, прочтя надпись на Польскомъ языкѣ: »Сигизмундъ, Король Польскій и Царь Русскій.« Не помышляя о послѣдствіяхъ перваго необдуманнаго движенія, онъ протянулъ руку, чтобъ сорвать портретъ со спѣны, какъ вдругъ двери изъ внутреннихъ покоевъ разспворились, и человѣкъ, лѣтъ тридцати, опрятно одѣтый, вошелъ въ комнату. Поздравивъ Юрія съ пріѣздомъ, и объявивъ себя

однимъ изъ *знакомцевъ* Боярина (*), онъ спросилъ, — какую надобность имѣетъ пріѣзжей до хозяина? —

— Я долженъ самъ говорить съ Тимофѣемъ Федоровичемъ, отвѣчалъ Юрій.

— Ему теперь некогда: онъ отправляетъ гонца въ Москву.—

— Я самъ изъ Москвы и привезъ ему грамоту отъ Пана Гонсѣвскаго. —

— Отъ Пана Гонсѣвскаго? А! это другое дѣло! Милости просимъ! я тотъ часъ доложу Боярину. Дозволь только спросить: при тебѣ чтоль получили извѣстіе въ Москвѣ о славной побѣдѣ Короля Польскаго?—

— О какой побѣдѣ?—

— Такъ ты не знаешь? Смоленскъ взятъ. —

— Возможно ли?—

(*) Знакомцами назывались тогда жившіе у Бояръ бѣдные дворяне; они ѣдали за Боярскимъ столомъ и составляли ихъ домашнюю бесѣду.

—Да, да! это гнѣздо бунтовщиковъ теперь въ нашихъ рукахъ. Бояринъ Тимофей Федоровичь вчера получилъ грамоту отъ своего пріятеля, Смолянскаго урожденца, Андрея Дедешина, который помогъ Королю завладѣть городомъ....

—И вѣрно не былъ награжденъ, какъ слѣдуетъ за такую услугу? сказалъ Юрій, съ трудомъ скрывая свое негодованіе.

—О, нѣтъ! онъ теперь въ большой милости у Короля Польскаго!—

—Не вѣрю. Сигизмундъ не потерпитъ при лицѣ своемъ измѣнника. —

—Что ты! Какой онъ измѣнникъ! Когда городъ взяли, всѣ измѣнники и бунтовщики заперлись въ Соборѣ, подъ которымъ былъ пороховой погребъ, подожгли сами себя — и всѣ згибли до единаго. Туда имъ и дорога! Но не погнѣвайся! я пойду и доложу о тебѣ Боярину.—

—Вѣрные Смольяне! сказалъ Юрій, оставшись одинъ.—Для чего я не могъ

погибнуть вмѣстѣ съ вами? Вы положили головы за вашу родину, а я... я клялся въ вѣрности тому, чей отецъ, какъ лютый врагъ, разоряетъ землю Русскую! — Громкой крикъ, раздавшійся на дворѣ, разсѣялъ на минуту его мрачныя мысли; онъ подошелъ къ окну: посреди двора нѣсколько слугъ обливали водою какого-то безобразнаго старика; несчастный дрожалъ отъ холода, кривлялся и, дѣлая преспранные прыжки, ревѣлъ нелѣпымъ голосомъ. Добрый, чувствительный Юрій никакъ не догадался бы, что значитъ эта жестокая шутка, еслибъ громкой хохотъ, въ сосѣднемъ покоѣ, не надоумилъ его, что это одна изъ потѣхъ Боярина Шалонскаго. Отвращеніе, чувствуемое имъ къ хозяину дома, удвоилось при видѣ сей безчеловѣчной забавы, которая кончилась тѣмъ, что посинѣвшаго отъ холода и едва живаго старика отпрапщили въ застольную. Вслѣдъ за симъ *потѣшные* зрѣли-

щемъ, вошелъ опять тотъ же знакомецъ Боярина и пригласилъ Юрія идти за собою. Пройдя одну небольшую комнату, провожатый его отворилъ, обитыя краснымъ сукномъ, двери и ввелъ его въ покой, коего стѣны были обтянуты Голландскою позолоченой кожей. Передъ большимъ столомъ, въ высокихъ рѣзныхъ креслахъ, сидѣлъ человѣкъ, лѣтъ пятидесяти. Блѣдное лице, носящее на себѣ отпечатокъ сильныхъ, необузданныхъ страстей; рѣдкая съ просѣдью борода и сѣрые небольшіе глаза, которые, сверкая изъ-подъ насупленныхъ бровей, казалось, готовы были отъ малѣйшаго прекословія запылать бѣшенствомъ — все сіе вмѣстѣ составляло наружность вовсе не привлекательную. Подбритые на Польской образецъ волосы, низко повязанной кушакъ по длинному шлафному кафтану, придавали ему видъ богатаго Польскаго Пана; но въ то же время надѣтая на распашку, сверхъ кафа

пана, съ золотыми пеплицами ферязь напоминала пышную одежду Бояръ Русскихъ. Юрію не трудно было отгадать, что онъ видитъ передъ собой Боярина, Кручину. Поклонясь вѣжливо, онъ подалъ ему, обернутое шелковымъ снуркомъ, письмо Пана Гонсѣвскаго.

—Давно ли ты изъ Москвы? спросилъ Бояринъ, развертывая письмо.

—Осьмой день! Тимофѣй Федоровичъ.—

—Осьмой день! Хорошаго же гонца выбралъ мой будущій зять! Ну, молодецъ, еслибъ ты служилъ мнѣ, а не Пану Гонсѣвскому....

—Я служу одному Царю Русскому, Владиславу, перервалъ хладнокровно Юрій.

—Въ самомъ дѣлѣ! Да, кто же ты таковъ, вѣрный слуга Царя, Владислава? спросилъ насмѣшливо Кручина.

—Юрій, сынъ Боярина, Димитрія Милославскаго.—

—Димитрія Милославскаго?... законѣлаго ненавистника Поляковъ?... И мы сынъ его.... Но все равно! садись, Юрій Дмитричь! Диво, что Панъ Гонсѣвскій не нашолъ никого прислать ко мнѣ, кромѣ тебя.—

—Я изъ дружбы къ нему взялся отвезти къ тебѣ эту грамоту.—

—Сынъ Боярина Милославскаго величаетъ Польскаго Королевича, Царемъ Русскимъ.... зоветъ Гонсѣвскаго своимъ другомъ... диковинка! такъ по этому и твой отецъ за умъ хватился?—

—Его ужъ нѣтъ давно на свѣтѣ.—

—Вотъ что! Не осуди, Юрій Дмитричь! Я прочту, о чемъ ко мнѣ Панъ Гонсѣвскій въ своемъ листу пишетъ.—

Юрій замѣтилъ, что Бояринъ, читая письмо, становился часъ отъ часу пасмурнѣе, досада и нетерпѣніе изображались на лицѣ его.—Нѣтъ! сказалъ онъ, дочитавъ письмо;—съ ними добромъ не расдѣлаешься! по мнѣ бы съ корнемъ вонъ! Я бы вспахалъ

и засѣялъ мѣсто, на которомъ спо-ить эпотъ разбойничей городишка!... Вотъ что въ своемъ листу пишетъ ко мнѣ Гонсѣвскій, продолжалъ онъ, обращаясь къ Юрію.—До него дошолъ слухъ, что неугомонные Нижегородцы набираютъ изподлишка войско: такъ онъ желаетъ, чтобъ я отправилъ тебя въ Нижней поразвѣдать, что тамъ дѣлается, и если можно, преклонить главныхъ зачинщиковъ къ покорности, обѣщая имъ милость Королевскую. Онъ-дескать, сынъ Боярина Московскаго, который славился своею ненавистью къ Полякамъ, такъ примѣръ его можетъ вразумить сихъ малоумныхъ: «когда-де сынъ Димитрія Милославскаго цѣловалъ крестъ Королевичу Польскому, такъ ужъ видно такъ и быть должно.»

—Я съ радостью готовъ исполнить порученіе Гонсѣвскаго, отвѣчалъ Юрій; ибо увѣренъ въ душѣ моей, что избраніе Владислава спасетъ отъ конечной гибели наше отечество.—

—Да, да! перервалъ Бояринъ;—мирвольте этимъ бунтовщикамъ! уговаривайте ихъ! Дождетесь того, что всѣ Низовые города къ нимъ пристанутъ, и тогда попытайтесь ихъ унять. Нѣтъ, господа Москвичи! Не словомъ ласковымъ усмиряютъ непокорныхъ, а мечемъ и огнемъ. Гонсѣвской прислалъ сюда Пана Тишкевича съ регименътомъ; но этимъ ихъ не запугаешь; еслибъ онъ меня послушался и отправилъ поболѣе войска: по давнымъ бы давно не осталось въ Нижнемъ бревна на бревнѣ, камня на камнѣ.—

—Не весело, Бояринъ, правой рукой отсѣкать себѣ лѣвую; не радостно Русскому возставать противу Русскаго. Мало ли и такъ пролито крови Христіанской! Не одна тысяча православныхъ легла подъ Москвою! и не противны ли Господу Богу молитвы тѣхъ, коихъ руки облиты кровію братьевъ?—

Бояринъ Кручина поглядѣлъ при-

спально на Юрія, и съ насмѣшливой улыбкою, спросилъ его:—на копоромъ году желаешъ онъ сдѣлашься скимникомъ? и ради чего, вмѣсто чепокъ, прицѣпилъ саблю къ своему поясу?—

—Что я умѣю владѣть саблею, Бояринъ! сказалъ Юрій, это знаютъ враги Россіи; а удостоюсь ли быть скимникомъ, про то вѣдаетъ одинъ Господь.—

—Да, не думаешь ли ты, сердобольный посланникъ Гонсѣвскаго, продолжалъ Бояринъ, что Нижегородцы будутъ къ тебѣ также милосерды и побоятся умертвить тебя, какъ предателя и слугу Короля Польскаго?—

—И дѣлобъ сдѣлали, еслибъ я, Юрій Милославскій, былъ слугою Короля Польскаго.—

—Ого, молодчикъ! да ты что-то крупно поговариваешь, сказалъ Кручина, нахмуривъ свои густыя брови.

—Да, Бояринъ! продолжалъ Юрій,

я служу не Польскому Королю, а Царю Русскому, Владиславу.—

—Но Сигизмундъ развѣ не отецъ его?—

—Его; а не нашъ. Такъ думаетъ вся Москва, такъ думаютъ всѣ Русскіе.—

—Полегче, молодецъ! полегче! за всѣхъ не ручайся; ты еще молоденекъ, не тебѣ учить спариковъ; мы знаемъ лучше вашего, что пригоднѣе для земли Русской. Сегодня ты отдохнешь, Юрій Дмитричь, а завтра чѣмъ свѣтъ отправишься въ дорогу; я дамъ тебѣ грамоту къ пріятелю моему, Боярину, Истомѣ Туренину. Онъ живетъ въ Нижнемъ и я прошу тебя во всемъ совѣтоваться съ этимъ испытаннымъ въ дѣлахъ и прозорливымъ мужемъ. Пускай, на первой случай, Нижегородцы присягнутъ хотя Владиславу; а тамъ что Богъ дастъ! отъ сына до отца недалеко....

— Нѣтъ, Бояринъ! пока Русскіе не переродились....

— Добро! мы поговоримъ объ этомъ послѣ. Знай только, Юрій Дмитричъ, что въ сильную бурю на поврежденномъ кораблѣ правитъ рулемъ не малое дитя, а опытный кормчій. Но у меня есть нужныя дѣла.... и такъ не взыщи.... прощай, покамѣстъ!... Не съ ума ли сошелъ Гонсѣвскій! продолжалъ Бояринъ, провожая глазами выходящаго Юрія: прислать ко мнѣ этаго мальчишку, который безпрестанно твердитъ о Владиславѣ, да объ отечествѣ! Видно у нихъ въ Москвѣ-по умъ за разумъ зашелъ! Добро, молодчикъ! ты поѣдешь въ Нижній и чтобъ у тебя на умѣ ни было, а меня не проведешь: или будешь плясать по моей дудкѣ, или.... Бояринъ свистнулъ и спросилъ вошедшаго слугу, пріѣхалъ ли изъ города его стремянной, Омляшъ?—

— Сей часъ слѣзъ съ лошади, Государь! отвѣчалъ служитель.

— Скажи, чтобъ онъ никому не показывался, а пришелъ бы ко мнѣ пайкомъ, черезъ садовую калитку и былъ бы готовъ къ отъѣзду. Спупай!... да позови ко мнѣ Власьевну.—

Черезъ нѣсколько минутъ вошла въ покой старушка, лѣтъ шестидесяти, въ шелковомъ шушунѣ и малиновой, обложенной мѣхомъ, шапочкѣ. Помолясь иконамъ, она низко поклонилась Боярину и, сложивъ смиренно руки, ожидала въ почтительномъ молчаніи приказаній своего господина.

— Ну, что Власьевна? спросилъ Боринъ. Порадуешь ли ты меня? Какова Настенька? —

— Все также, батюшка, Тимофѣй Федоровичь! Ничего не кушаетъ, сна вовсе нѣтъ; всю ночь промѣталась изъ стороны въ сторону, все изволитъ тосковать,—а о чемъ? сама не знаетъ! ужъ я ее спрашивала, спрашивала: — что ты мое дитятко? что ты, моя радость? Что съ тобою дѣлается?.... »Больна, мамушка!«

вопъ и весь оповѣпъ, а что болитъ? Богъ вѣсть!

Бояринъ призадумался. Дурной гражданинъ сдва ли можетъ быть хорошимъ отцемъ; но и дикіе звѣри любятъ дѣтей своихъ, а сверхъ того честолюбивый Бояринъ видѣлъ въ ней будущую супругу любимца Короля Польскаго; она была для него вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію почестей и могущества, составлявшихъ единственный предметъ всѣхъ тайныхъ думъ и нетерпѣливыхъ его желаній. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ:—употребляла ли больная снадобья, которыя оставилъ ей Польской врачь, передъ отъѣздомъ своимъ въ Москву?—

—Э, эхъ, батюшка, Тимофѣй Федоровичь! отвѣчала старушка, покачавъ головою.—Съ этихъ - то снадобьевъ, никакъ ей хуже и сдѣлалось; воля твоя, Бояринъ, гнѣвайся на меня, если хочешь; а я стою въ томъ, что Ана-

спасьѣ Тимофѣевнѣ попритчилось не даромъ. Нѣтъ, отецъ мой! Неспро-ста она хворать изволитъ.—

—Такъ ты думаешь, Власьевна, что она испорчена?—

—Испорчена, батюшка! видитъ Богъ, испорчена!—

—Я плохо этому вѣрю; ну, да если ничто не помогаетъ, такъ дѣлать нечего! поговори съ Кудимычемъ.—

—Я ужъ и безъ твоего Боярскаго приказа хотѣла съ нимъ объ этомъ словечко перемолвить; да говорятъ, будто бы здѣсь есть какой-то прохожей, который и Кудимыча за́ поясъ запикнулъ. Такъ не прикажешь ли, Тимофей Федоровичь, ему поклониться? Онъ теперь на селѣ у Прикащика Фомы, пируетъ съ молодыми.—

—Хорошо! пошли за нимъ; пусть посмотритъ Настеньку. Да скажи ему: если онъ ей пособитъ, то просилъ бы у меня, чего хочетъ; но если ей сдѣлается хуже, то даромъ что онъ колдунъ,—не отворожится....

запорю батогами!.... Ну, ступай! продолжалъ Боярипъ, вспавая.—Черезъ часъ, а можетъ быть и прежде, я приду къ вамъ и взгляну самъ на больную.—

Межъ тѣмъ дворянинъ, которому поручено было угощать Юрія, пройдя черезъ всѣ комнаты, ввелъ его въ одинъ боковой покой, въ которомъ стояло нѣсколько кроватей безъ пологовъ.—Вотъ здѣсь, сказалъ онъ, отдыхаютъ гости Боярина. Не хочешь ли и ты успокоиться, или перекусить чего нибудь? Дорожному человѣку во всякое время ѣсть хочется.—

—Благодарю! отвѣчалъ Юрій; я не голоденъ, а желалъ бы отдохнуть.—

—Такъ не чинись, Бояринъ! приляг и засни; нынчѣ же обѣдать будутъ поздно. Тимофѣй Федоровичъ хочетъ порядкомъ угостить Пана Тишкевича, который сегодня прибылъ сюда съ своимъ регименотомъ. Добраго сна, Юрій Дмитричъ! А я межъ

тѣмъ пойду и взгляну, прибрали ли твоихъ коней.—

Юрій, оставшись одинъ, подошелъ къ окну, изъ коего былъ видѣнъ садъ, или, по тогдашнему, огородъ, который и въ наше время не заслужилъ бы другаго названія. Полсотни толстыхъ липъ, двѣ или три куртины плодовитыхъ деревьевъ, большой прудъ съ жирными карасями, множество кустовъ смородины и малины, и нѣсколько грядъ съ овощами: вотъ что замѣняло тогда нынѣшнія красивыя аллеи, бесѣдки, каскады и сюрпризы. Юрію показалось, что кто-то идетъ по саду, вдоль забора между кустовъ; онъ не обратилъ бы на сіе никакого вниманія, еслибъ этотъ человѣкъ не походилъ на вора, который хочетъ пробраться такъ, чтобъ его никто не замѣтилъ; онъ шелъ сугробомъ потому, что проложенная по саду тропинка, была слишкомъ на виду и, какъ будто бы съ робостію, оглядывался на всѣ стороны. По от-

даленію, Юрій не могъ разсмотрѣть его въ лице; но замѣтилъ, что онъ высокаго роста и сложенъ богатыремъ. Желая хотя немного отдохнуть, Милославскій, не раздѣваясь, прилегъ на одну изъ кроватей. Не смотря на усталость, онъ долго не могъ заснуть; какъ тяжелый свинецъ, неизъяснимая грусть лежала на его сердцѣ; всѣ свѣтлыя мечты, всѣ радостныя надежды, свобода, счастіе отечества—все, что наполняло восторгомъ его душу, замѣнилось какимъ-то мрачнымъ предчувствіемъ. Слова Боярина Кручины, а болѣе всего взятіе Смоленска, доказывало ему, что съ избраніемъ Владислава не прекратились бѣдствія Россіи. Междуусобная война, торжество враговъ и наконецъ порабощеніе отечества, во всей ужасной истинѣ своей предстали его воображенію. Часъ отъ часу билось сильнѣе сердце пламеннаго юноши, кровь волновалась въ его жилахъ; но усталость взяла свое: гла-

за сго сомкнулись, мечты облеклись въ одежду истины и сновидѣніе перенесло Юрія въ первопрестольный градъ Царства Русскаго. Ему казалось, что все небо подернуто густымъ туманомъ; что онъ, вмѣстѣ съ толпою, покрытыхъ рубищемъ и горько плачущихъ, гражданъ Московскихъ, подходитъ къ Грановитой Палатѣ; что на высокомъ Царскомъ теремѣ развѣвается красное знамя, съ изображеніемъ одноглаваго орла. Юрій съ ужасомъ отвращаетъ свои взоры и вотъ передъ нимъ древній храмъ Спаса на Бору; церковныя двери растворены,... онъ входитъ.... и кто жъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу?... *Она!* Тихой, едва слышной шопотъ долетаетъ до ушей его: »Я долго, долго дожидалась тебя, мой суженой! поспѣшимъ!... Священникъ готовъ, онъ ждетъ насъ у налоя. Пойдемъ!« Съ безмолвнымъ восторгомъ, Юрій прижимаетъ къ сердцу ея руку.... и вотъ уже они стоятъ рядомъ.... имъ подаютъ брачныя свѣ-

чи.... Вдругъ буйные крики раздаются у дверей, толпа Поляковъ врывается во внутренность храма и съ неистовымъ хохотомъ окружаетъ невѣсту; Юрій ищетъ своей сабли — ее нѣтъ; хочетъ броситься на злодѣевъ, но онѣмѣвшіе члены ему не повинуются. Съ воплемъ отчаянія, въ совершенномъ безсиліи, онъ повергается на хладный церковный помостъ, теряетъ чувства и снова, какъ будтобъ пробудясь отъ сна, видитъ себя посреди Красной Площади; надъ нимъ ясныя небеса.... кругомъ толпится народъ.... радость на всѣхъ лицахъ.... тихое очаровательное пѣніе раздается въ храмахъ Господнихъ; вдали, сквозь тонкой туманъ, на сѣверо-востокѣ, изъ-за стѣнъ незнакомой ему святой обители, показывается восходящее солнце.... *Она* опять возлѣ него; на правой рукѣ ея блистаетъ обручальный перстень.... Со взоромъ, исполненнымъ неизъяснимой нѣжности, она говоритъ ему:

»Радость дней моихъ! Ненаглядной мой! посмотри! видишь ли, какъ восходитъ солнце Русское?... Скоро, скоро заблистаетъ въ яркихъ лучахъ его наша милая родина. Смотри! вотъ гонитъ оно остатки грозныхъ тучъ, которыя вдали, какъ гробовой покровъ, чернѣются на западѣ....« Но вдругъ Юрій снова видитъ Польскихъ воиновъ, снова слышитъ вопли отчаянія.... *Она* опять изчезла и онъ одинъ, какъ горькой сирота, скитается по опустѣлымъ улицамъ Московскимъ, или въ мучительной тоскѣ сидитъ посреди пирующихъ враговъ и слышитъ, съ ужасомъ, громкія восклицанія: »Да здравствуетъ Сигизмундъ, Король Польскій и Царь Русскій!«

ГЛАВА VIII.

Межъ тѣмъ, пока Юрій спитъ и обманчивыя сновидѣнія попеременно терзаютъ, шо услаждаютъ его душу, мы должны возвратиться къ новобрачнымъ, которыхъ оставили посреди улицы. Читатели вѣроятно не забыли, что Кирша вмѣшался въ толпу гостей, а Кудимычь шелъ впереди всего пóѣзда. Толпа народа, провожавшая молодыхъ, ежеминутно увеличивалась: старики, женщины и дѣти выбѣгали изъ хижинъ; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе; полуодѣтые босые ребятишки, дрожа отъ страха и холода, забѣгали впередъ и робко посматривали на колдуна, который, приближаясь къ дому новобрачныхъ, оста-

навливался на каждомъ шагу и смотрѣлъ внимательно кругомъ себя, показывая примѣтное безпокойство. Не дойдя нѣсколькихъ шаговъ до воротъ избы, онъ вдругъ остановился, задрожалъ и, оборотясь назадъ, закричалъ дикимъ голосомъ: »Стойте, ребята! Никто ни съ мѣста!» Глухой шопотъ пробѣжалъ по толпѣ; передніе стали пятиться назадъ, задніе полѣзли впередъ; слѣдуя народной посливицѣ: на людяхъ и смерть красна;—каждый прижимался къ своему сосѣду, и не смотря на ужасную тѣснотy, одинъ Кирша вышелъ впередъ.—

Межъ тѣмъ Кудимычь дѣлалъ необычайныя усилія, чтобъ подойдти къ воротамъ; казалось, какая-то невидимая сила тянула его назадъ и каждой разъ, какъ онъ подымалъ ногу, чтобъ перешагнуть черезъ подворотню, его отбрасывало на нѣсколько шаговъ; потъ градомъ катился съ его лица. Наконецъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, онъ, за-

дыхаясь, повалился на землю, и прохрипѣлъ едва внятнымъ голосомъ: »Охъ, неловко!... Неладно, ребята!... Чуръ. меня, чуръ!... Никто не моги прогаться съ мѣста!... Охъ, *баппюшки!* недаровое! быть бѣдѣ!« Отъ сихъ ужасныхъ словъ шарахнулась вся толпа, у многихъ волосы стали дыбомъ, а молодая, почти безъ чувствъ, упала на руки къ своему отцу, который самъ трясся и дрожалъ, какъ въ злой лихорадкѣ.—Что намъ дѣлать? спросилъ Дьякъ, заикаясь отъ страха. »Погоди! дай попытаюсь еще, отвѣчалъ Кудимычь, приподнимаясь съ трудомъ на ноги.« Онъ пробормоталъ нѣсколько невнятныхъ словъ; дунулъ на всѣ четыре стороны и вдругъ съ разбѣга перепрыгнулъ черезъ подворотню. «Ну, теперь небойтесь ничего! закричалъ онъ. Наша взяла! Всѣ за мной!« Онъ нѣсколько разъ долженъ былъ повторить сіе приглашеніе, прежде чѣмъ молодые, родня и гости рѣшились за нимъ слѣдовать; на-

конецъ примѣръ Кирши, который, по первому призыву, взошолъ на дворъ, подѣйствовалъ надъ всѣми. Кудимычь, подойдя къ дверямъ избы, остановился и, когда сѣни наполнились людьми, то онъ, оборотясь назадъ, сказалъ: «я взойду послѣдней, а вы ступайте впередъ и посмотрите, какъ раздѣлаюсь при васъ съ этой старою вѣдьмой.«

Тутъ снова начались церемоніи: Прикащикъ предлагалъ Дьяку идти впередъ, Дьякъ уступалъ эту честь Прикащику.— Помилуй, батюшка, сказалъ наконецъ послѣдней, я здѣсь хозяинъ въ дому, а ты гость: такъ милости просимъ!—

—Ни, ни, Фома Кондратьичь! отвѣчалъ Дьякъ. Ты первый служебникъ боярской, и не пригоже мнѣ, какъ фальшеру и прокурату, не отдавать подобающей тебѣ чести.—

—Ну, если такъ; пожалуй я взойду, сказалъ Прикащикъ, въ которомъ ушѣшенное самолюбіе побѣдило на

минуту весь спрахъ. Онъ перекре-спился, шагнулъ черезъ порогъ и вдругъ, опскоча съ ужасомъ, закри-чалъ:—чуръ меня, чуръ! Тамъ кто-то нашоптываетъ.... иди кто хочетъ, а я ни за что не пойду.—

—Пустите меня, сказалъ Кирша; я неробкаго десятка и никакой кол-дуньи не испугаюсь.—

—Спупай, молодецъ, спупай! за-кричали многіе изъ гостей.

—Пускай идетъ, шепнулъ Прика-щикъ Дьяку. Надъ нимъ бы и прялось! это какой-то прохожей, такъ неве-лика бѣда!—

Межъ тѣмъ Кирша взошелъ, и ра-сположился преспокойно въ переднемъ углу. Когда Прикащикъ, а за нимъ мо-лодые и вся свадебная компанія пе-ребралась по немногу въ избу: то всѣ взоры обратились на уродливую ста-руху, которая, сидя на полатяхъ, по-качивалась изъ стороны въ сторону и шептала какія-то варварскія слова. Кирша замѣтилъ на полу, подъ самы-

ми полапями, нѣсколько сноповъ соломы, какъ будто безъ намѣренія брошенныхъ, которые тотъ часъ напомнили ему, чѣмъ должна кончиться вся комедія.

—Ну, теперь садитесь всѣ по лавкамъ, закричалъ изъ сѣней Кудимычь. Да, сидите смирно! никто не шевелись!—Едва приказъ его былъ исполненъ, какъ онъ съ одного скачка очутился посреди избы, и въ то же время старуха, съ дикимъ воплемъ, спремглавъ слетѣла съ полатей и распянулась на соломѣ. Всѣ присутствующіе, выключая Кирши, вскрикнули отъ удивленія и ужаса.

—Что, Григорьевна! будешь ли напредки со мною схватываться? сказалъ торжественно Кудимычь.

—Виновата, виновата! завизжала старуха.

—Ага! покорилась, старая вѣдьма!—

—Виновата, отецъ мой! виновата.—

—То-то виноватa! знай сверчокъ свой шесток.

—Виноватa, Архипъ Кудимовичь!—

—Ну, такъ и быть! повинную голову и мечь не сѣчетъ; яжъ человѣкъ незлой и лиха не помню;—добро! вставай, Григорьевна! миръ, такъ миръ. Дайте-ка ей чарку вина!—Посади ее за столъ, да угости хорошенько, продолжалъ Кудимычь въ полголоса, обращаясь къ Прикащику; не надо съ ней ссориться; не ровенъ часъ, меня не случится.... да, что грѣха таить! и я насилу съ ней справился — сильна, прокляпая!—

—Милости просимъ, матушка, Пелагея Григорьевна! сказалъ привѣтливо хозяинъ. Садись-ка вотъ здѣсь, возлѣ Кудимыча. Да, скажи пожалуйста, за что такая немилость? мы, кажись, всегда въ ладу живали.—

—Нѣтъ, батюшка! отвѣчала съ низкимъ поклономъ старуха. Пропивъ тебя у меня никакого умысла не было; а правду сказать, хотѣлось по-

шягаться съ Архипомъ Кудимовичемъ.—

—Да, видно не подъ силу пришелъ! перервалъ, усмѣхаясь, колдунъ. Впередъ наука; не спросясь броду, не бросайся въ воду. Ну, да что объ этомъ толковать! кто старое вспомянетъ, тому глазъ вонъ! Теперь рѣчь не о томъ,—пора за хозяйской хлѣбъ и соль приниматься.—

Въ одну минуту весь столъ покрылся разными похлебками: сначала всѣ ѣли молча; но дружки такъ усердно потчивали гостей виномъ и брагою, что вскорѣ всѣ языки пришли въ движеніе и общій разговоръ становился часъ отъ часу шумнѣе. Одинъ Кирша молчалъ; многимъ изъ гостей и самому хозяину, казалось весьма чуднымъ поведеніе незнакомца, который, не будучи приглашенъ на свадьбу, занялъ первое мѣсто, ѣлъ за двоихъ, и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова; но самое это равнодушіе, воинственный видъ, а болѣе всего смѣлость,

имъ оказанная, внушали къ нему во всѣхъ присутствующихъ какое-то невольное уваженіе; всѣ посматривали на него съ любопытствомъ; но никто не рѣшался съ нимъ заговорить.

Въ числѣ гостей была одна пожилая сѣнная дѣвушка, которая, пошептавъ съ хозяиномъ, обратилась къ Кудимычу и спросила его:—не можетъ ли онъ пособить ея горю?—

—Не равно горе, матушка, Татьяна Ивановна! отвѣчалъ Кудимычь, коего нѣсколько чарокъ вина развеселили порядкомъ.—Если ты попросишь, чтобъ я убавилъ тебѣ годковъ пятокъ, такъ—воля твоя—не могу.—

—Вотъ еще что вздумалъ! сказала сѣнная дѣвушка съ досадою. Развѣ я перестарокъ какой! Не о томъ рѣчь, Кудимычь! на боярскомъ дворѣ сдѣлалась пропажа.—

—Ужъ не коня ли свели?—

—Нѣтъ! красна пропали. Вчера я сама ихъ видѣла, они бѣлились на боярскомъ огородѣ; а сегодня сгинули,

да пропали; ночью была погода, такъ и слѣду не оспалось; не знаемъ, на кого подумать.—

—Что! видно безъ меня дѣло не обойдется?

—То-то и есть, Архипъ Кудимовичь! выкупи изъ бѣды, родимой! Вѣдь я за нихъ въ отвѣтѣ.—

—Пожалуй, я не прочь!... Иль нѣтъ! пускай на мировой вся честь Григорьевнѣ. Ну-ка, родная! покажи свою удаль!—

—Смѣю ли я при тебѣ, Архипъ Кудимовичь! отвѣчала смиренно Григорьевна.

—Полно ломаться-то, голубушка! я ужъ поработалъ, теперь очередь за тобою.—

—Ну, если ты велишь, родимой, такъ дѣлать нечего. Подайте мнѣ ковшъ воды!—

При самомъ началѣ сего разговора, глубокая тишина распространилась по всей избѣ: говоруны замолкли, дружки унялись почивать, голодные

переспали ѣсть; одинъ Кирша, не обращая ни малѣйшаго вниманія на колдуна и колдунью, ѣлъ и пилъ по прежнему. Григорьевнѣ подали ковшикъ съ водой. Пошептавъ надъ нимъ нѣсколько минутъ, она начала пристально смотрѣть на поверхность воды.

—Ахъ, батюшки—свѣты! сказала она наконецъ, покачавъ головою. Кто бы могъ подумать?... мужикъ богатой, семейной, а пустился на такое дѣло!...

—Когожъ ты видишь?.... спросилъ съ нетерпѣніемъ Прикащикъ. Говори!

—Нѣтъ, батюшка, не могу! жаль вымолвить; на вотъ, смотри самъ!—

—Я ничего не вижу, сказалъ Прикащикъ, посмотрѣвъ на воду.—

—А видишь ли ты, гдѣ болрскія красна? спросила сѣнная дѣвушка.—

—Вижу, отвѣчала Григорьевна, онѣ въ овинѣ, на гумнѣ у Федьки Хомяка.—

—Такъ это онъ? вскричалъ Прикащикъ: пѣмъ лучше! Я ужъ давно до

него добираюсь; терпѣть не могу этаго наяна! Сущей разбойникъ, и передъ моимъ писаремъ шапки не ломаетъ!... Ей, ребята! сбѣгай кто нибудь на гумно къ Хомяку!—

Одинъ изъ дружекъ вышелъ поспѣшно изъ избы.—

—Ну, Григорьевна! я не ожидалъ отъ тебя такой прыти, сказалъ Кудимычь; хоть бы мнѣ, такъ въ пору. Точно, точно! прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на ковшъ съ водою. Красна укралъ Федька Хомякъ и они теперь у него запрятаны въ овинѣ.—

—Вы лжете оба! закричалъ громовымъ голосомъ Кирша. Кудимычь вздрогнулъ, Григорьевна поблѣднѣла и всѣ взоры обратились на Запорожца.—Я васъ выучу колдовать, не годные! продолжалъ Кирша.—Вы говорите, что красна въ овинѣ у Федьки Хомяка?—

—Ну, да! сказалъ Кудимычь, оправясь отъ перваго замѣшательства.

Что' ты лучше моего чтоль это знаешь?—

—Видно, лучше. Ихъ тамъ нѣтъ.—

—Какъ нѣтъ? вскричала Григорьевна.

—Да, голубушка! отвѣчалъ спокойно Кирша.—Не за свое ремесло ты принялась, да и за вывучку больно дешево плапишь. Нѣтъ, тётка, однимъ шпофомъ наливки и пирогомъ не отдѣлаешься.—

Отъ сихъ неожиданныхъ словъ, Кудимычь и Григорьевна едва усидѣли на лавкѣ; ихъ спрахъ удвоился, когда вошедшій дружка объявилъ, что 'не нашелъ красѣнъ въ показанномъ мѣстѣ.

—Да гдѣжъ онѣ? спросила поропливо сѣнная дѣвушка.

—Небось, найдутся, сказалъ Кирша. Пошлите кого нибудь разрыть снѣгъ на задахъ, подлѣ самой часовни.—

Нѣсколько госпей, не ожидая приказанія хозяина, побѣжали вонъ изъ избы.—

—Послушай, господинъ Прикащикъ! продолжалъ Кирша; не грѣши на Федьку Хомяка, онъ ни въ чемъ не виноватъ; не правда ли, Кудимычь?... Ну, чтожъ ты молчишь? Ты знаешь, что не онъ укралъ красна.—

Несчастный колдунъ сидѣлъ неподвижно, какъ истуканъ, поглядывалъ съ ужасомъ на Киршу и не могъ выговорить ни слова.

—Еге, братъ! такъ ты вздумалъ отмалчиваться! закричалъ Запорожецъ. Да, вотъ постой, любезный! я тебѣ язычекъ развяжу! подайте-ка мнѣ рѣшето, да кочанъ капусты: у меня и самъ воръ заговоритъ!—

Кудимычь запрялся, какъ осиновой листъ. — Помилуй! прошепталъ онъ прерѣщущимъ голосомъ.—Твой верхъ! покаряюсь!—

—Что, братъ! жутко пришло!

—Не губи меня, окаяннаго!—

—А ты развѣ не хотѣлъ погубить Федьку Хомяка! Нѣтъ, нѣтъ!... давайте рѣшето!—

—Пустии душу на покаяніе! продолжалъ Кудимычь, повалясь въ ноги къ Запорожцу.... Не зарѣжъ безъ ножа!— Да, кланяйся, дура! шепнулъ онъ Григорьевнѣ, которая также упала на колѣна передъ Киршею.

—И слушать не хочу! отвѣчалъ Запорожецъ. Нѣтъ вамъ милости, негодные!.. Ну, чтожъ спали! подавайте кочанъ капусты!—

—Помилуй! завопилъ Кудимычь. Зарокъ тебѣ даю, родимой! вѣкъ не стану колдовать.—

—Полно не будешь ли?—

—Видитъ Богъ, не буду!—

—И другихъ не станешь учить?—

—Не стану, батюшка!—

—Ну, такъ и быть! пусть на свадьбѣ никто не горюетъ. Богъ тебѣ проститъ! только впередъ не за свое дѣло не берись и знай, хоть меня здѣсь и не будетъ,—но если я провѣдаю, что ты опять ворожишь: то у тебя тотъ же часъ языкъ отымется.—

Въ продолженіи сей странной сце-

ны удивленіе присутствующихъ дошло до высочайшей степени: они видѣли ужасъ Кудимыча, но никто не понималъ настоящей причины онаго. —Что это значитъ? спросилъ наконецъ Дьякъ Прикащика.

—Какъ что! развѣ не видишь? дока на доку нашелъ.—

—Вотъ что! Ну, Фома Кондратьичь! мудренъ этотъ прохожей. Смотри-ка, смотри! вонъ и холстъ несутъ.—

Сѣнная дѣвушка съ радостнымъ крикомъ схватила холстъ, который внесли въ избу.—Слава тебѣ, Господи! сказала она, осмотрѣвъ всѣ куски.—Цѣлехонекъ!... побѣгу къ Власьевнѣ и обрадую ее; а то мы не знали, какъ и доложить объ этомъ Боярину.—

—Чегожъ вы дожидаетесь? спросилъ Кирша Кудимыча и Григорьевну. Я васъ проспилъ, такъ убирайтесь вонъ! Чтобъ и духу вашего здѣсь не пахло!—

Приспыженный колдунъ, не отвѣчая ни слова, вышелъ вонъ изъ избы; но Григорьевна, наклонясь къ

Киршѣ, сказала въ полголоса: — не погнѣвайся, отецъ мой! я вижу, Кудимычь плохой знахарь: вонъ еслибъ твоя милость взялъ меня на выучку....

— Молчи, старая дура! закричалъ Кирша. Пошла вонъ! а не то у меня опять полетишь съ полапей, да только солому-то я велю прибрать. —

Григорьевна, не смѣя продолжать разговора съ грознымъ незнакомцемъ, отвѣсила низкой поклонъ всей компаніи и побрела въ слѣдъ за Кудимычемъ.

— А позволь спросить твоей милости — имени и отчества не знаю, сказалъ Прикащикъ Запорожцу: откуда изволишь идти и куда?—

— Издалека, доброй человѣкъ; а иду туда, куда Богъ приведетъ.—

— По всему видно, что ты путемъ пошатался на бѣломъ свѣтѣ.—

— Да! и такъ пошатался, что пора бы на покой.—

—А что, господинъ честной, вѣрно ты за моремъ набрался такой премудрости?—

—Бывалъ и за моремъ; всего натерпѣлся и у бесурмановъ былъ въ полону. —

—Ой ли? гдѣжъ это? Чай, далеко отсюда? —

—Далеконько.. за Хвалынскимъ моремъ.—

—Гдѣжъ это? за Казанью чтоль?—

—Нѣтъ, подалѣе; за Астраханью.—

—Что, ваша милость, какова тамъ земля? не ужъ ли-то Господь Богъ также благодать свою посылаетъ и на этотъ поганой народъ, какъ и на насъ православныхъ?—

—Видно что такъ; знатная земля! всего довольно: и серебра, и золота, и самоцвѣтныхъ камней, и всякаго съѣстнаго. Зимой только Богъ ихъ обидѣлъ.—

—Какъ такъ? да не ужъ ли-то у нихъ вовсе зимы нѣтъ? —

—Ни снѣгу нейдетъ, ни вода не мерзнетъ.—

—Ахъ, батюшки—свѣты! вскричалъ Прикащикъ, всплеснувъ руками.—Экая диковинка! Вовсе нѣтъ зимы! Подлинно Божье наказанье! Да, по дѣломъ имъ, бесурманамъ!—

—Эхъ, Фома Кандратьичъ! шепнулъ Дьякъ Прикащику.—Да развѣ не видишь, что онъ издѣвается надъ нами!—

—Поразскажи-ка намъ, добрый человѣкъ, сказалъ одинъ изъ гостей, что вамъ еще диковиннаго есть?—

—Пожалуй! да вотъ, еслибъ здѣсь нашлась чарка другая романеи, такъ веселѣй бы разсказывать.—

—Для дорогаго гостя какъ не найдти, сказалъ Прикащикъ. Ей, Марфа! вынь-ка намъ изъ поставца, съ верхней полки, стклянку съ романеею. — Да, смотри, прибавилъ онъ потихоньку, подай ну, что стоитъ на право: она ужъ почата.—

Романею подали, гости придвинулись поближе къ Запорожцу; кото-

рый, выпивъ за здоровье молодыхъ, принялся разсказывать всякую всячину: о бесурманской вѣрѣ Персіанъ, объ Араратской горѣ, о степяхъ непроходимыхъ, о золотомъ пескѣ, о медовыхъ рѣкахъ, о слонахъ и верблюдахъ; мешалъ правду съ небылицами, и до того занялъ хозяина и гостей своими разсказами, что никто не замѣтилъ вошедшаго слугу, который, переговоря съ работницею, Марфою, подошелъ къ Киршѣ, и поклонясь ему ласково, объявилъ, что его требуютъ на боярской дворъ.—

ГЛАВА IX.

Мы попросимъ теперь читателей послѣдовать за нами во внутренность терема Боярской дочери, Анастасьи Тимофѣевны. Занимаемая ею половина состояла изъ двухъ просторныхъ комнатъ. Вокругъ ничѣмъ не обитыхъ стѣнъ первой, на широкихъ лавкахъ, сидѣли за пряжею дворовыя дѣвушки; глубокая тишина, наблюдаемая въ семъ покоѣ, прерывалась только изрѣдка тихимъ шопотомъ двухъ сосѣдокъ, или стукомъ веретена, падающаго на полъ. Вторая комната была вся обита краснымъ сукномъ; въ правомъ углу стоялъ разолоченной кивотъ съ иконами, въ богатыхъ серебряныхъ окладахъ; не-

сколько огромныхъ, обитыхъ жестью сундуковъ, съ приданымъ и нарядами Боярышни, занимали всю лѣвую сторону покоя; въ одномъ простѣнкѣ висѣло четвероугольное зеркало въ узорчатыхъ рамкахъ и шитое золотомъ и шелками полотенцо. Прямо противъ дверей стояла высокая кровать съ шитофнымъ пологомъ; кругомъ ея на небольшихъ скамейкахъ сидѣла Власьевна и нѣсколько ближнихъ сѣнныхъ дѣвушекъ; однѣ перенизывали дорогія монисты (*) изъ крупныхъ бурмитскихъ зеренъ, другія разноцвѣтными шелками и золотомъ вышивали въ пяльцахъ. На ихъ румяныхъ лицахъ цвѣла молодость, красота и здоровье; но веселость не оживляла ясныхъ очей ихъ. Утирая украдкою слезы, онѣ посматривали печально на молодую госпожу свою, которая, облокотясь правой рукой на изголовье, была погружена въ глубо-

(*) Ожерелья.

кую задумчивость. Краса садовъ, пышная роза, и увядая, прекраснѣе свѣжихъ полевыхъ цвѣтовъ; такъ точно, несмотря на изнурительную болѣзнь, дочь Боярская казалась прекраснѣе всѣхъ ее окружающихъ дѣвицъ. Изрѣдка грустная улыбка, напоминающая прелестное сравненіе одного Русскаго стихотворца:

Улыбка горести подобна
На гробѣ положеннымъ цвѣтамъ—

появлялась на розовыхъ устахъ ея. Восточный жемчугъ, коимъ украшены были ея блестящія зарукавья, и бѣлое, какъ снѣгъ, покрывало не превосходили бѣлизною ея блѣднаго лица, на которомъ ясно изображались слѣды безпрерывныхъ душевныхъ страданій. Казалось, въ ея потухшихъ, неподвижныхъ взорахъ можно было сосчитать всѣ ночи, проведенныя безъ сна въ терзаніяхъ мучительной тоски, понятной только для тѣхъ, кои, подобно ей, страдали, не раздѣляя ни съ кѣмъ своей горести. Богатый

парчевый опашень (*), небрежно накинутый сверхъ легкой объяринной ферязи (**); широкая золотая лента съ жемчужной подвязью, большія изумрудныя серги, драгоцѣнныя зарукавья— однимъ словомъ: весь пышный нарядъ ея представлялъ разительную противуположность съ видомъ глубокаго уныніи, которое изображалось во всѣхъ чертахъ лица ея.

—Ну, что жъ ты молчишь, Терентьичь! сказала Власьевна, оборотясь къ дверямъ, подлѣ которыхъ стоялъ слѣпой старикъ, въ поношенномъ синемъ кафтанѣ.—Видишь, Боярышня призадумалась; начни другую сказку, да, смотри! повеселѣе.—

—Слушаю, матушка, Аграфена Власьевна; отвѣчалъ слѣпой съ низкимъ

(*) Женское верхнее платье, съ длинными висячими до земли рукавами и большимъ капишономъ —

(**) Женская ферязь, платье одинаковаго почти покроя съ нынѣшними сарафанами.

поклономъ.—Да, кажись, и па, что я разсказывалъ....

—И полно, батюшка! что въ ней хорошаго! »Царевна полюбила добраго молодца, злые люди ихъ разлучили.... а тамъ змѣй Горыничъ унесъ ее за придевять земель, въ придесятое государство, и она, бѣдная сиротинка, безъ милаго дружка и безъ кровныхъ, зачахла съ тоски и кручины...« ну, что тутъ веселаго! —

—Изъ сказки слова не выкинешь, машушка, Аграфена Власьевна. —

—Вотъ то-то и есть; разскажи другую.—

—Въ угоду ли вамъ будетъ повѣсть о славномъ Князѣ, Владимірѣ—Кіевскомъ Солнышкѣ, Всеславѣ и о сильномъ его могучемъ богатырѣ, Добрынѣ Никитичѣ? —

—Ну, ну! разсказывай! мы послушаемъ.—

Слѣпой разскащикъ, разгладилъ свою бороду, выправилъ усы и началъ:

—Не вихри, не вѣтры въ поляхъ

подымаются, не буйные крупятъ пыль черную: выѣзжаетъ по сильный могучей богатырь, Добрыня Никипичь, на своемъ конѣ богатырскомъ, съ однимъ Торопомъ слугой; на немъ доспѣхи рапные, какъ солнышко, горятъ; на серебряной цѣпи виситъ мечъ-кладенецъ въ полпорасна пудъ; во правой рукѣ копье булатное, на конѣ збруя красна золота. Онъ подъѣзжаетъ ко святому граду, Кіеву — глядитъ: въ заповѣдныхъ лугахъ Княженецкихъ раскинупы шапры бесурманскіе, несмѣтно войско облегаетъ стѣны Кіевскія. Завидя силу поганую, могучей Добрыня вскрикиваетъ богатырскимъ голосомъ, засвистываетъ молодецкимъ посвистомъ. Отъ того ли посвисту сыръборъ преклоняется и листъ съ деревьевъ осыпается; онъ бьетъ коня по крупымъ ребрамъ, богатырской конь разъяряется, мечетъ изъ-подъ копытъ по сѣнной копнѣ; бѣжитъ въ поля, земля дрожитъ; изо рта пламя

пышетъ, изъ ноздрей дымъ столбомъ. Богатырь гонитъ силу поганую: гдѣ конемъ вернетъ, тамо улица; гдѣ копьемъ махнетъ—съ переулками; гдѣ мечемъ рубнетъ, нѣту тысячи....

—Довольно! будетъ, Терентьичъ! перервала тихимъ голосомъ прекрасная Анастасья.—Ты ужъ устялъ. Мамушка! Вели дать ему чарку водки!—

—Да, выслушай, родная! сказала Власьевна. Можетъ спасться, онъ и поразвеселитъ тебя.—

—Нѣтъ, мамушка! меня ничто не развеселитъ.—

—Ну, власть твоя, сударыня! Спустай, Терентьичъ! Ей, вы, красныя дѣвицы! сведите его внизъ! вѣдь онъ пожалуй съ слѣпу-та разшибется. Ну, мамушка, Анастасья Тимофѣевна! продолжала она; ужъ я право и не придумаю, что съ тобою дѣлать! Не позвать ли Афоньку, дурака?—

—Ахъ, нѣтъ! не надобно!—

—Семъ—кликнетъ, родная! да позовемъ дуру, Матрешку; они поболта-

ютъ, побранятся межъ собой; а чтобъ распотѣшить тебя, такъ пожалуй и подерутся, матушка.—

—За чѣмъ ты меня сегодня наряжила, мамушка? сказала со вздохомъ Анастасья.—Мнѣ и безъ нарядовъ такъ тяжело!... такъ тошно!...

—И, свѣтикъ мой! да, какъ же тебѣ сегодня не быть нарядною! Авось Богъ поможетъ намъ внизъ сойдти. Вѣдь у батюшки твоего сегодня пиръ горой: какой-то большой Польской Панъ будетъ.—

—Какой Панъ?... откуда? вскричала Анастасья.

—Чегожъ ты испугалась, родимая? Ну, такъ и есть! ты вѣрно подумала.... вотъ то-то и бѣда! Панъ, да не тотъ.—

—Слава Богу!—

—Охъ, вы дѣвушки, дѣвушки! Всѣ-то вы на одну стать! Не онъ, такъ слава Богу! а еслибъ онъ: такъ и нарядовъ бы у насъ не доспало! Нѣтъ, матушка! сегодня будетъ какой-то

Панъ Тишкевичъ; а отъ жениха твоего, Пана Гонсѣвскаго, присланъ изъ Москвы гонецъ. Ужъ не сюда ли онъ сбирается, чтобъ обвѣнчаться съ тобою? Нечего сказать: пора бы честнымъ пиркомъ, да за свадебку... Что ты, что ты, родная! Христосъ съ тобой! Что съ тобой сдѣлалось? На тебѣ вовсе лица нѣтъ!—

— Ничего, мамушка! пройдетъ!... Все пройдетъ!... прошептала Анастасья едва слышнымъ голосомъ. — Только, Бога ради! не говори мнѣ о Панѣ Гонсѣвскомъ.—

— Не говорить о твоемъ суженомъ? Охъ, дитятко, не хорошо! Я ужъ давно замѣчаю, что ты этаго не жалуешь.... Не ужъ ли-то въ самомъ дѣлѣ.... да, нѣтъ! гдѣ слыхано идти противъ отцевской воли! Да и дѣвичье ли дѣло браковать жениховъ! Нѣтъ, родимая! у насъ, благодаря Бога, не такъ, какъ за моремъ: невѣсты сами жениховъ не выбираютъ; за кого благословятъ родители, за того и спу-

пай! поживешь, Боярышня, за мужемъ, шакъ самой слюбится. —

—Нѣтъ, мамушка! Не жилица я на этомъ свѣтѣ.—

—И, полно, мамушка! теперь-то тебѣ и пожить. Женихъ твой знатнаго рода, въ славѣ и чести; не нашей вѣры—шакъ что-жъ! Прежней Патріархъ, Гермогенъ не хотѣлъ васъ благословить; но за то теперешней, святѣйшій Игнатій и грамоту написалъ къ твоему батюшкѣ, что онъ разрѣшаетъ тебѣ идти съ нимъ подъ вѣнецъ. Такъ о чемъ же тебѣ грустить? —

—А развѣ ты знаешь, что онъ пришелъ мнѣ по сердцу?... что я люблю его? —

—И, что ты, родимая! Какъ не любить! мало ли онъ дарилъ тебя и жемчугомъ и золотомъ и дорогими парчами! и меня старуху вспомнилъ. Легколь, подумаешь! отсыпалъ мнѣ, голубчикъ, пятьдесятъ золотыхъ корабленниковъ (5), да на три тѣло-

грѣи заморскаго шпофа подарилъ. И эпакой суженой тебѣ не любъ! Эхъ, матушка, Анастасья Тимофѣевна! не гнѣви Господа Бога! И чпо въ немъ охапь можно? Собою молодецъ: пакой дородный, осанистой! Ну, право, сродясь лучше не видала, развѣ полько.... и по на врядъ—вопъ попъ молодой баринъ, чпо къ Спасу на Бору къ обѣднѣ ходилъ—помнишь?... пакой ещѐ богомольный; всегда бывало придетъ прежде насъ и спанетъ у лѣваго клироса.... Чпо, Боярышня, повеселѣй спала! по-по же! слушайся насъ спарухъ! Самой будетъ радостно, какъ на твоего муженька спанутъ всѣ засматриваться.... Ну, вопъ опять нахмурилась! О, охъ, родимая! Обошелъ тебя дурной человѣкъ!.. Да, вопъ посмопримъ, чпо-по Богъ дастъ сегодня!—

— Анюпа! сказала Анастасья одной молодой и прекрасной дѣвушкѣ, которая ближе всѣхъ къ ней сидѣла. — Спой эпу пѣсню,... пы знаешь.... пу, чпо я пакъ люблю.—

Анюша, не переставая вышивать въ пяльцахъ, запѣла тихимъ, но весьма пріятнымъ голосомъ:

— Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ!
Ты не жги свѣчи воска яраго....
Ты не жди меня до полуночи!

* * *

Ахъ! прошли, прошли
Наши красны дни;
Наши радости
Буйной вѣтръ унесъ!—
Мнѣ отецъ родной
И родная мать
Подъ вѣнецъ идти
Не съ тобой велятъ,—
Не горятъ въ небесахъ
По два солнышка—
Не любить двухъ разовъ
Добру молодцу!...
Я послушаюсь
Отца, матери;
Подъ вѣнецъ пойду
Не съ тобой, душа!...
Обвѣнчаюся
Я съ иной женой,
Я съ иной женой—
Съ смертью ранней!...

* * *

Не ручей журчитъ,
Не рѣка шумитъ;
Льются слезы
Красной дѣвицы.
Во слезахъ она
Слово молвила:
Ахъ ты, милой мой!
Ты сердечной другъ!
Не жилица я
На бѣломъ свѣту!...
Нѣтъ у горлинки
Двухъ голубчиковъ—
Нѣтъ у дѣвицы
Милыхъ двухъ дружковъ!...

* * *

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго;
На столѣ стоитъ новъ, тесовой гробъ—
Во гробу лежитъ красна дѣвица!

— Перестань, Аннушка! сказала Власьевна. Ты и на здороваго человѣка тоску нагонишь. Что это! Прости Господи! словно панихиду поешь!—

Тутъ взошла одна пожилая женщина и шепнула ей что-то на ухо.—Хорошо, хорошо! отвѣчала Власьевна. Скажи ему, чтобъ онъ подождалъ. Ана-

спасья Тимофѣевна! продолжала она; знаешь ли чпо, маnушка! у насъ на селѣ пеперь еспь прохожей, про копора-го и нивѣсшь чпо разсказываюпъ. Ужъ Кудимычь ли нашъ не мудренъ, да и попъ передъ нимъ язычекъ прикусилъ.—Позволь ему, сударыня, словечка два съ шобою перемолвишь! да, полно же, родная, головкою мошашь! Прикажи ему взойдпи.—

—За чѣмъ, мамушка! на чпо!—

—А на по, моя радоспь, чпо если онъ подлинно человѣкъ досужей, по и пвоей болѣзни поможепъ.—

—Моей болѣзни!... нѣпъ, мамушка! мнѣ поможепъ одна смерпь.—

—И, полно, Боярышня! спозаранкамъ умирашь собираешься! Ну, чшо, родная! не кликнушь ли сго?—

—Не надобно.—

—Послушай, Анаспасья Тимофѣевна! Вѣдь государь швой баnюшка изволилъ приказашь: шакъ—власпь швоя сударыня, ослушашься не смѣю.—

—О! если бапюшкѣ угодно.... шапъ позови!—

Двери оппорились и нашъ знакомецъ, Кирша вощелъ въ комнапу. Поклонясь на всѣ чепыре спороны, онъ осппановился у порога.

—Милоспи просимъ! сказала Власьевна. Въ доброй часъ! Милоспи просимъ!... Вопъ наша больная!—

—Вижу, бабушка, оппѣчалъ Кирша, бросивъ быспрый взглядъ на Анаспасью.—Вижу. Гмъ, гмъ!—

—Ну, чпо пы скажешь, ошецъ мой?—

—Чпо я скажу?... Гмъ, гмъ!—

—Ахпи! чпо эпо, бапюшка, пы мычапь изволишь? ужъ къ добру ли?—

—А вопъ, посмопримъ. Мнѣ надобно съ вашей Боярышней словца два премолвипь; да шакъ, чпобъ никпо не слыхалъ.—

—Какъ! чпобъ никпо не слыхалъ?—

—Да, да! Ворожбѣ шакъ надобно. Спаньпе-ка всѣ поодаль.—

—Не льзя ли хопь мнѣ?...—

—Нѣтъ, бабушка, ни кому.—

—Ну, ну! быпь по твоему. Вставайте, дѣвушки! опойдемъ-те къ дверямъ.—

Кирша подошелъ къ Анастасьи и попросилъ ее показать ему правую руку. Нехотя и съ примѣтнымъ отвращеніемъ она исполнила его желаніе. Кирша, посмотрѣвъ пристально на ладонь, сказалъ въ полголоса:—Анастасья Тимофѣевна! я долженъ объявить правду: тебя сглазили.—

Больная взглянула съ презрѣніемъ на Запорожца и отворотилась.

—Да, да, Боярышня! повторилъ важно Кирша. Тебя точно сглазили, голубые глаза одного русоволосаго молодца. Болѣзнь твоя, вотъ тутъ! въ сердцѣ.—

Блѣдныя щеки больной вспыхнули; она взглянула недовѣрчиво на Киршу, хотѣла что-то сказать; но слова замерли на устахъ ея.

—Ты нынѣшней зимой, продолжалъ Запорожецъ, въ первый разъ встрѣтилась съ нимъ въ Москвѣ.—

Анастасья вздрогнула, кинула робкой взглядъ вокругъ себя и устремила удивленные взоры на Киршу, который послѣ минутнаго молчанія прибавилъ весьма тихо :— ты видала его почти каждый день въ Соборной церкви.... кажется.... точно такъ! у Спаса на Бору.—

Больная, отдернувъ торопливо свою руку, вскрикнула отъ ужаса.

— Что ты, Анастасья Тимофѣевна! спросила Власьевна, подбѣжавъ къ кровати. Что съ тобою дѣлается? —

— Ничего, отвѣчала Анастасья. Отойди, мамушка, отойди!—

— Если ты еще хоть разъ подойдешь, старуха: то испортишь все дѣло, сказалъ сердито Кирша.— Стой вонъ тамъ, да гляди издали! пожалуй-ка мнѣ опять свою ручку, Боярышня! продолжалъ онъ, когда Власьевна отошла прочь. Вотъ такъ!... гмъ, гмъ! Ну, Анастасья Тимофѣевна, тебѣ жаловаться нечего; если онъ тебя сглазилъ, то и ты его испор-

пила: ты крушишься о немъ, а онъ поскусить по тебѣ.—

— Смотрите-ка, смотрите! шепнула Власьевна дѣвушкамъ;—что это съ Боярышней дѣлается? лицо какъ жаръ горитъ! Ни дать ни взять, какъ бывало прежде! слава тебѣ Господи!—

— Поспой-ка, Боярышня! продолжалъ послѣ небольшой остановки Запорожецъ.—Да у тебя еще другая кручина, какъ туманъ осенней, на сердцѣ лежитъ.... Я вижу, тебя хотятъ выдать за мужъ.... за одного большаго Польскаго Пана.... Не горюй, Анаспасья Тимофѣевна! этой свадьбы не бывать! я скажу слóвца два твоему батюшкѣ: такъ онъ не повезетъ тебя въ Москву, а твой женихъ сюда не пріѣдетъ — ему скоро будетъ не до этаго.—

— Ахъ, дай-то Богъ! вскричала Анаспасья, сложивъ набожно свои руки.

— Да, да, Боярышня! Нынче времена шапкія, кто сегодня вверху, тотъ завтра внизу.—

—Глядите-ка! сказала Анюта.—Анаспасья Тимофѣевна плачетъ, а лице такое весслое! что за диво!—

—Ништи, Анюта, не мѣшай! шепнула Власьевна, стараясь вслушаться въ разговоръ, который, по видимому, становился часъ отъ часу занимательнѣе.

—Однакожъ, Боярышня, продолжалъ Запорожецъ,—ты до нѣхъ поръ совсѣмъ не оправишься, пока не увидишь опять того, кто тебя сглазилъ и не обойдешь вмѣстѣ съ нимъ вокругъ церковнаго налоя.—

—Съ нимъ!... повторила Анастасья, трепещущимъ голосомъ.

—Да, да! съ нимъ! и я вижу, прибавилъ Кирша, что это рано, или поздно, а будетъ.—

Больная не могла выговорить ни слова: внезапная радость оковала уста ея; въ нѣмомъ восторгѣ, она устремила къ небесамъ свои взоры. Но вдругъ на лицѣ ея изобразилось глубокое уныніе, глаза померкли и прежъ-

няя, безжизненная блѣдность покрыла снова ея увядшія ланиты.—Нѣтъ! сказала она, отталкивая руку Запорожца.—Нѣтъ!... покойная мать моя завѣщали мнѣ возлагать всю надежду на Господа, а ты колдунъ; языкомъ твоимъ говоритъ врагъ Божій, врагъ истины. Отойди, оставь меня, соблазнитель! я не вѣрю тебѣ! А еслибъ и вѣрила: то что мнѣ въ этой радости, за которую не могу и не должна благодарить Спасителя и матерь Его, Пресвятую Богородицу!—

—О, если такъ, Боярышня, сказалъ Кирша: такъ знай же — я не колдунъ и ты безъ грѣха можешь вѣрить словамъ моимъ.—

—Ты не колдунъ?... Но кто же ты?—

—Для другихъ пока останусь колдуномъ—безъ этаго я не могъ бы говорить съ тобою; но вотъ тебѣ Господь Богъ порукою и пусть меня, какъ труса, выгонятъ изъ Незамаевскаго куреня; или, какъ убійцу своего брата, Козака, живаго зароютъ

въ землю (6): если я не такой же православной, какъ и ты. —

—Но какимъ чудомъ ты могъ отгадать то, что знала я одна и вѣдалъ одинъ Господь?—

—Долго разсказывать, Боярышня; да повѣрь ужъ моей совѣсти! право я не колдунъ! а все таки знаю, что Юрій Дмитричь, Милославскій тебя любитъ; что, можетъ статься, вы скоро увидите другъ друга.... Молись Богу и надѣйся! А что ты не будешь за Паномъ Гонсѣвскимъ, за это тебѣ ручается Кирша, Запорожецъ, которой знаетъ навѣрное, что его милости и всѣмъ этимъ иновѣрцамъ скоро придетъ такъ жутко въ Москвѣ, какъ злому Кошевому Атаману на Радѣ (*), когда начнутъ его уличать въ неправдѣ. Гдѣ ему о свадьбѣ думать! о своей головѣ призадумается... Ну, что, Боярышня! полегче ли тебѣ?—

(*) Такъ назывались общія собранія Запорожскихъ Козаковъ.

— Ахъ! да! отвѣчала Анастасья, приложивъ къ сердцу свою руку.

— Теперь вы можете всѣ подойдти, сказалъ Кирша, оборотясь къ дверямъ.

— Ну, что, дитятко мое?... спросила торопливо Власьевна, подбѣжавъ къ больной.

— Ахъ, мамушка, мамушка! отвѣчала, всхлипывая, Анастасья. — Боже мой!... Мнѣ такъ легко.... такъ весело!... поздравь меня, родная!... продолжала она, кинувшись къ ней на шею.—Анюта!... вы всѣ!... подите ко мнѣ,... дайте разцѣловать себя! Боже мой!... Боже мой! Не сонъ ли это?... Нѣтъ, нѣтъ! я чувствую.... мое сердце.... Ахъ! я дышу свободно!...

Слезы градомъ катились изъ прелестныхъ очей ея, устремленныхъ на святыя иконы.—Подите, подите! сказала она наконецъ тихимъ голосомъ.—Я хочу остаться одна.... мнѣ надобно.... я должна.... Ступайте, милыя! оставьте меня одну!—

Всѣ вышли въ другую комнату.—Ну, батюшка! тебѣ честь и слава! сказала Власьевна Запорожцу.—На роду моемъ такого дива не видывала! Съ одного разу, какъ рукой снялъ!... Теперь смѣло проси у Боярина, чего хочешь.—

—Я за многимъ не гонюсь, отвѣчалъ Кирша; и если Боринъ пожалуетъ мнѣ добраго коня....

—За трехъ не постоитъ! да не нужно ли будетъ тебѣ еще поговорить съ Анастасьей Тимофѣевной?—

—Нѣтъ, не надобно! Съ Бояриномъ мнѣ нужно словцо перемолвить, а для нея.... постой-ка на часокъ.... На вотъ тебѣ!—

—Что это, батюшка?... Сухарь?—

—Да, да! сухарь. Смотри! семь дней сряду давай своей Боярышнѣ пить съ этаго сухаря, что ей самой вздумается: воды, квасу, меду ли—все равно.—

—Слушаю, батюшка.—

— Кружку наливай вровень съ краями и подноси лѣвой рукой.—

— Слушаю, батюшка.—

— Всю недѣлю сама не пей ничего, кромѣ воды; а объ наливкѣ забудь и думать!—

— Какъ, отецъ мой! и передъ обѣдомъ?

— И передъ обѣдомъ и послѣ обѣда. Слышишь ли! ни капельки!—

— Слышу, батюшка, слышу! Вѣдь я еще не оглохла! шесть дней не пить ничего, кромѣ воды!...

— Не шесть, а ровно семь, бабушка.—

— Да, бишь! да! цѣлую недѣлю.... дѣлать нечего! Недаромъ говорятъ, прибавила Власьевна сквозь зубы, что всѣ эти колдуны съ причудами. Семь дней!... легко вымолвить!

Тутъ двое слугъ, взойдя поспѣшно, растворили настежъ дверь и Бояринъ Кручина вошелъ въ комнату. Всѣ присутствующіе выпянулись въ нитку и опвѣсили молча по низкому по-

клону; одна Власьевна, забывъ должное къ нему уваженіе, закричала громкимъ голосомъ: »милости просимъ, государь, Тимофѣй Федоровичь! милости просимъ!... чшо пожалуешь за радостную вѣсточку?—

—Чшо ты, старуха! въ умѣ ли! сказалъ Бояринъ.

—Безъ ума, родимой! безъ ума! Вѣдь Боярышня совсѣмъ выздоровѣла.—

—Возможно ли?—

—Да, батюшка! изволь самъ на нее взглянуть.

Бояринъ взошелъ къ своей дочери и, поговоря съ нею нѣсколько минутъ, возвратился назадъ. Радость, удивленіе и вмѣстѣ какая-то недовѣрчивость изображались на лицѣ его; онъ устремилъ проницательный взглядъ на Киршу, который весьма равнодушно, хотя и почтительно смотрѣлъ на Боярина.

—Какъ тебя зовутъ? спросилъ наконецъ Кручина.—

—Киршею, отвѣчалъ Запорожецъ.

—Давно ли ты здѣсь?—

—Съ сегодняшняго утра.—

—Куда идешь?

—На мою родину, въ Царицынъ.—

—Когда ты проходилъ дворомъ, то повспрѣчался съ слугою Боярина Милославскаго и говорилъ съ нимъ. Ты его знаешь?—

—Вчера мы ночевали вмѣстѣ на постояломъ дворѣ.—

—Онъ объявилъ, что ты Запорожецъ.—

—Да! я Запорожской Козакъ; но въ Царицынѣ у меня отецъ и мать.

—Не желаешь ли остаться здѣсь и служить мнѣ?

—Нѣтъ, Тимофѣй Федоровичь! я хочу пожить дома.—

Высокой лобъ Боярина покрылся морщинами; онъ взглянулъ угрюмо на Запорожца и, помолчавъ нѣсколько времени, продолжалъ:

—Ты облегчилъ болѣзнь моей дочери: чѣмъ могу наградить тебя?—

— Я сгубилъ моего коня, Боярине; а пѣшкомъ ходить не привыкъ.—

— Выбирай любаго на моей конюшнѣ. Я не спрашиваю тебя, какъ ты умудрился помочь Анастасьи; колдунъ ли ты, или обманщикъ—для меня все равно; но кто будетъ мнѣ порукою, что болѣзнь ея не возвратится? Ты долженъ остаться здѣсь, пока я не увѣрюсь въ совершенномъ ея выздоровленіи.—

— Нельзя, Боярине; я спѣшу домой.—

— Вздоръ! ты останешься. —

— Нѣтъ, Тимофѣй Федоровичъ! не могу.—

Боярине взглянулъ съ удивленіемъ на Киршу. Привыкнувъ къ безусловному повиновенію всѣхъ его окружающихъ, онъ не могъ надивиться дерзости простаго Козака, который, находясь совершенно въ его власти, осмѣливался ему противорѣчить. — Посмотримъ! сказалъ онъ съ презрительной улыбкою. Посмотримъ, удастся

ся ли бродягѣ переупрямить Боярина Шалонскаго!—

— Власть твоя, Тимофѣй Федоровичь! продолжалъ спокойно Кирша.— Ты воленъ насильно меня оставить; но, смотри! чтобъ послѣ не пенять.—

Глаза Боярина Кручины засверкали, какъ у тигра.—Молчи, холопъ! заревѣлъ онъ громовымъ голосомъ. Ты смѣешь грозить мнѣ!... знаешь ли ты, брадяга, что я могу всякаго колдуна, какъ бѣшеную собаку, повѣсить на первой осинѣ!—

— А развѣ отъ этаго тебѣ будетъ легче, отвѣчалъ Кирша, устремивъ смѣлой взоръ на Боярина, — когда единородная дочь твоя зачахнетъ и умретъ прежде, чѣмъ ты назовешь знаменитаго Пана Гонсѣвскаго своимъ зятемъ?—

Бояринъ побѣднѣлъ, какъ смерть; онъ пожиралъ глазами Запорожца. Нѣсколько минутъ продолжалось глубокое молчаніе, похожее на ту мер-

нную пишину, которая предшеспвуешъ ужасному громовому удару. Наконецъ спрахъ, поперяпь единспвенную дочь, а вмѣспѣ съ ней и всѣ надежды на блесшящую будущносшь, побѣдилъ въ немъ желаніе наказапь дерзкаго незнакомца. »Топъ, кпо исчѣчилъ въ нѣсколько минупъ, пакимъ чудеснымъ образомъ, дочь его, вѣроянно могъ споль же легко сдѣлапь пропивное!« эпа мысль спасла Киршу. Лице Боярина, обезображенное судорожными движеніями гнѣва, доведеннаго до высочайшей спепени, начало мало по малу принимашь свой обыкновенный мрачный, но спокойный видъ. Онъ бросилъ грозной взглядъ на всѣхъ предспоящихъ, какъ будшо бы желая напомнишь имъ, чпо дерзосшь Кирши не должна служишь для нихъ примѣромъ; попомъ, взглянувъ довольно ласково на Запорожца, сказалъ:—ну, голубчикъ! пы не робкаго десяпка! Добро, добро! если пы не

хочешь остаться, такъ спустай съ Богомъ! я не стану тебя держать.—

— Такъ-то лучше, Боярин! сказалъ Кирша. — Неволею изъ меня ничего не сдѣлаешь; а за твою ласку я скажу тебѣ то, чего силою ты вѣкъ бы изъ меня не выпытал. Анастасью Тимофѣевну испортили въ Москвѣ: и если она, прежде шести мѣсяцевъ и шести дней, опять туда пріѣдетъ: то съ нею сдѣлается еще хуже и тогда—прошу не погнѣваться! никто въ цѣломъ свѣтѣ ей не поможетъ.—

— Шесть мѣсяцовъ! вскричалъ Боярин. — Но въ будущемъ мѣсяцѣ я долженъ непремѣнно ѣхать съ нею въ Москву.—

— Не ѣзди, Тимофѣй Федоровичь!—

— Не могу; я далъ слово Пану Гонсѣвскому.—

— Возьми его назадъ.—

— Нѣтъ! я не измѣнялъ никогда моему обѣщанію.—

— Ну, воля твоя! Было бы сказано, а тамъ дѣлай что хочешь.—

— Но не знаешь ли ты какого способа?...

— Никакого, Бояринъ. Если ты прежде шести мѣсяцевъ и шести дней привезешь Боярышню въ Москву, хоть напримѣръ въ понедѣльникъ: то на той же недѣлѣ въ пятницу будешь ее отпѣвать.—

— Ты лжешь, бездѣльникъ! —

— А изъ чего мнѣ лгать, Бояринъ? гнѣвишь тебя прибыли мало; и что мнѣ до этаго, поѣдешь ли ты въ Москву, или останешься здѣсь?... Я не знать объ этомъ не буду.—

Бояринъ призадумался, а Кирша продолжалъ: — я кончилъ свое дѣло, Тимофѣй Федоровичь! теперь позволь мнѣ идти!—

— Андрюшка! сказалъ Кручина одному изъ слугъ.—Отведи его на село къ Прикащику; скажи, чтобъ онъ угостилъ его порядкомъ, оставилъ завтра отобѣдать, а потомъ далъ бы

ему любаго конл изъ моей конюшни и три золотыхъ корабленника. Да крѣпко накрѣпко накажи ему, прибавилъ Бояринъ въ полголоса,—чтобъ онъ не спускалъ его со двора и не давалъ никому, а особливо приѣзжимъ, говорилъ съ нимъ наединѣ. Этотъ колдунъ мнѣ что-то очень подозрителенъ!—

Кирша вышелъ вмѣстѣ съ слугою, и почти въ то же время на боярской дворъ въѣхали верхами человѣкъ пять Поляковъ, въ богатыхъ одеждахъ; а за ними столько же Польскихъ гусаръ, вооруженіе которыхъ, несмотря на свое великолѣпіе, показалось бы въ наше время довольно чуднымъ маскерадным нарядомъ. Всѣ гусары были въ лапахъ и шишакахъ; къ лапамъ сзади придѣланы были огромныя крылья; по обѣимъ сторонамъ шишака точно такія же, но гораздо менѣе; а за плечьми, вмѣсто плащей, развѣвались леопардовыя кожи. Каждый гусаръ былъ вооруженъ

палашомъ и длиннымъ дропикомъ, украшеннымъ цвѣтнымъ флюгеромъ!

— Вотъ и Панъ Тишкевичъ съ своими товарищами! сказалъ Боярин Кручина, взглянувъ въ окно.—Но кто ѣдетъ по лѣвую его сторону?... Мнѣ помнится, я этой красной рожи никогда не видывалъ.—

Сказавъ сіи слова, Шалонской отправился на встрѣчу къ своимъ гостямъ, а Власьевна и сѣнныя дѣвушки вошли опять въ комнату къ своей Боярышнѣ.—

ГЛАВА X.

Дворецкой и нѣсколько слугъ встрѣтили гостей на крыльцѣ; неуклюжей и толстый Полякъ, который ѣхалъ возлѣ Пана Тишкевича, не доѣзжая до крыльца, спрыгнулъ — или лучше сказать, свалился съ своей лошади — и успѣлъ прежде всѣхъ помочь Регментарю сойдти съ коня. Вѣроятно, каждой изъ читателей нашихъ знаетъ хотя по слуху извѣстнаго Санхо-Пансу; но если въ эту минушу услужливой Полякъ весьма походилъ на сего знаменитаго конюшаго: то Панъ Тишкевичь ни мало не напоминалъ собою рыцаря Плачевнаго Образа. Онъ былъ средняго роста, плечистъ и сидѣлъ молодцемъ на конѣ. Быстрыя дви-

жнія, смѣлый взглядъ, смуглое откро-
венное лице—все доказывало, что Панъ
Тишкевичъ провелъ большую часть
своей жизни въ кругу безстрашныхъ
воиновъ, живалъ подъ открытымъ
небомъ и также беззаботно ходилъ
на смертную драку, какъ на шумный
и веселый пиръ своихъ товарищей.
Трое другихъ молодцеватыхъ Поля-
ковъ отличались огромными усами
и надменнымъ видомъ, совершенно
противуположнымъ добродушію, ко-
торое изображалось на открытомъ и
благородномъ лицѣ ихъ начальника.
Боярин Кручина вспрѣтилъ гостей
въ столовой комнатѣ. При видѣ пор-
трета Польскаго Короля, съ изъ-
ясненной надписью, Поляки взглянули съ
гордой улыбкой другъ на друга; Панъ
Тишкевичъ также улыбнулся, но когда
взоры его вспрѣтились со взорами
хозяина: что-то весьма похожее
на презрѣніе изобразилось въ глазахъ
его; казалось, онъ съ трудомъ побѣ-
дилъ это чувство и не очень по-

ропился пожать, протянутую къ нему, руку Боярина Кручины. Послѣ первыхъ привѣтствій, Тишкевичъ представилъ хозяину, сначала своихъ сослуживцевъ, а потомъ толстаго Поляка, который исправлялъ при немъ съ такимъ усердіемъ должность конюшаго. —Этотъ краснощекой весельчакъ, сказалъ онъ,—Панъ Копычинскій, который, и безъ меня, былъ бы твоимъ гостемъ потому, что отправленъ къ тебѣ гонцемъ изъ Москвы съ извѣстіемъ, что Царикъ (*) убитъ.—

—Какъ! вскричалъ Кручина. Тушинскій воръ?—

—Да! Его убили въ Калугѣ, куда онъ всякой разъ прятался, какъ медвѣдь въ свою берлогу.—

—Насилу-то Калужане за умъ взялись!—

—Не Калужане, Боярин! сказалъ съ важнымъ видомъ Копычинскій; —

(*) Такъ называли Поляки втораго самозванца.—

спроси меня, я это дѣло знаю: его убилъ перекрещенный Татаринъ, Петръ Урусовъ; а Калужскіе граждане, опомнясь за него, перѣрезали всѣхъ Татаръ и провозгласили новорожденнаго его сына, подъ именемъ Іоанна Дмитріевича, Царемъ Русскимъ.—

— Безумные! вскричалъ Бояринъ.—Да не ужели для нихъ честнѣе служить внуку Сандомирскаго Воеводы, чѣмъ Державному Королю Польскому?.— Я увѣренъ, что Панъ Гонсѣвскій безъ труда усмиритъ этихъ крамольниковъ; теперь Сапѣга и Лисовскій не станутъ имъ помогать.... Но, милости просимъ, дорогіе гости! Не угодно ли выпить и закусить чего нибудь?—

Бояринъ ввелъ своихъ гостей въ другую комнату, въ которой большой круглой столъ уставленъ былъ блюдами съ холоднымъ кушаньемъ и различными водками. Когда гости закусили, разговоръ снова возобновился.—Знаешь ли, Боярикъ, сказалъ Панъ

Тишкевичъ, обтирая свои усы,—что сего дня поутру мы охотились въ твоихъ дачахъ.—

—Милости просимъ! отвѣчалъ Боярину.—Забавляйтесь, сколько душѣ вашей угодно.—

—И чуть чуть, продолжалъ Тишкевичъ, не заполевали краснаго звѣря.—

—Такъ вамъ не удалось?—

—Вотъ то-то и досадно! а такіе звѣрки не часто попадаются.—

—Такъ что-жъ, Панъ? Если хочешь, завтра мы поохотимся вмѣстѣ и я ручаюсь тебѣ....

—Не ручайся, Боярину! теперь этотъ звѣрь далеко. Мы ловили сегодня одного молодца, который пробирается съ казною въ Нижней—Новъ-Городъ.—

—Въ Нижней?... вскричалъ Кручина.

—Да, въ Нижней; повторилъ Тишкевичъ. Вотъ Панъ Копычинскій лучше это разскажетъ: онъ совсѣмъ было подцѣпилъ его.—

—Да! сказалъ Копычинскій, взды-

нувъ чарку водки.—Онъ у меня сквозь пальцовъ проскользнулъ. Я заспалъ его съ двумя провожатыми на посполомъ дворѣ, верспахъ въ десяти опсюда; съ перваго взгляда онъ показался мнѣ подозрительнымъ; вотъ, я и принялся допрашивать его порядкомъ; онъ забормопалъ, сбился въ рѣчахъ и занесъ такую околесную, чпо я тотъ же часъ его и за воротъ. Мой парень сначала было расхрабрился, заговорилъ и то и сё, да, я не кто другой! прижалъ его къ спѣнѣ, приспавилъ къ рожѣ писполепъ, крикнулъ!—прусишка испугался и покаялся мнѣ во всемъ.—

—Да, какъ же вы ихъ упустили? спросилъ съ неперпѣніемъ Бояринъ.—

—А вотъ какъ: я велѣлъ ихъ запереть въ холодную избу, поставилъ караулъ, а самъ легъ соснуть; Козаки мои—нѣхъ ихъ вшисци дьябли возмо! также вздремнули: такъ, видно, они вылѣзли въ окно; сѣли на своихъ коней, да и до лѣсу.... Чтожъ вы, Бо-

яринъ, качаешь головой! продолжалъ Копычинскій, ни мало не смущаясь.— Иль не вѣришь? дали букъ, такъ! спроси хотъ Пана Регимента́ря.—

— На меня не ссылайся, Панъ! сказалъ Тишкевичъ; я столько же знаю объ этомъ, какъ и Бояринъ; такъ въ свидѣтели не гожусь; а только, мнѣ помнится, ты разсказывалъ, что заперъ ихъ не въ избу, а въ сѣни.

— Ну, да! не все ли это равно! перервалъ Копычинскій. Дѣло въ томъ, что они ушли, а отку́да: изъ сѣней, или изъ избы, отъ этаго намъ не легче. Какъ ты прибылъ съ своимъ регимента́мъ, то они не могли быть еще далеко, и не моя вина, если твои молодцы ихъ не изловили.—

— У одного изъ нихъ убили коня, сказалъ Тишкевичъ; но за то и у меня лучшей налетъ въ регимента́ѣ лежитъ теперь съ прострѣленнымъ плечомъ.—

— Вылѣзли въ окно..... и съ оружіемъ! прошепталъ Бояринъ.—А не въ

примѣшу ли тебѣ, каковы они собою?—

—Одинъ изъ провожатыхъ, малой дородной, плотной.—

—И такъ же вылѣзъ въ окно?...

—У страха очи велики, Боярине! и въ щелку пролѣзешь, какъ смерть на носу. Другой похожъ на Козака; а самой-то главной—дѣтина молодой, русоволосой, высокаго роста, лицемъ бѣлъ... или, можетъ статься, такъ мнѣ показалось: онъ больно спрусилъ и поблѣднѣлъ, какъ смерть, когда я припугнулъ его пистолетомъ; одѣтъ очень чисто, въ малиновомъ суконномъ кафтанѣ....

—Однимъ словомъ, перервалъ Боринъ, точь въ точь, какъ этотъ молодецъ, что стоитъ позади тебя.—

Копычинскій обернулся и, отпрыгнувъ назадъ, закричалъ съ ужасомъ:—Водя онъ!... держите! схватите его!.. у него за пазухою пистолетъ!—

—Не правда, Панъ! сказалъ съ улыбкою Юрій. Теперь со мною нѣтъ пи-

сполепа; я чужимъ добромъ никого не угощаю.—

— Что все это значитъ? спросилъ Панъ Тишкевичъ; располкуйте мнѣ!...

— Прежде всего прошу познакомиться, сказалъ Кручина. Это Юрій Дмитричъ, Милославской; онъ присланъ ко мнѣ изъ Москвы, съ тайнымъ порученіемъ отъ Пана Гонсѣвскаго.—

Поляки отвѣчали довольно вѣжливо на поклонъ Милославскаго; а Панъ Тишкевичъ, оборотясь къ Копычинскому, спросилъ сердитымъ голосомъ: »Какъ онъ смѣлъ сочинить ему такую сказку?« Копычинскій не отвѣчалъ ни слова; устремя свои бездушные глаза на Юрія, онъ стоялъ какъ вкопаный и только одна лихорадочная дрожь доказывала, что несчастный хвастунъ не совсѣмъ еще превратился въ истукана.

—Я вижу, отъ него толку не добьешься, продолжалъ Тишкевичъ; потрудись, Панъ Милославскій, разсказать намъ, какъ онъ допытался отъ тебя,

что ты везешь казну въ Нижней Новъ-Городъ, какъ заперъ тебя и служителей твоихъ въ холодную избу, и какъ вы всѣ трое выскочили изъ окна, въ которое, чай, и курица не пролѣзетъ?—

Юрій разсказалъ имъ всѣ подробности своей встрѣчи съ Копычинскимъ; разумѣется, угощеніе и жареный гусь не были забыты; Панъ Тишкевичъ хохоталъ отъ добраго сердца; но другіе Поляки, казалось, не очень забавлялись разсказомъ Юрія; особливо одинъ, который, закручивая свои безконечные усы, поглядывалъ изподлобья вовсе не ласково на Милославскаго.—Чортъ возьми! вскричалъ онъ наконецъ; я не вѣрю, чтобъ какой ни есть Полякъ допустилъ надъ собою такъ ругаться.—

— И, Панъ Ротмистръ! сказалъ Тишкевичь. Не всѣ Поляки походятъ другъ на друга.—

— Еслибъ я былъ на мѣстѣ этаго мерзавца — продолжалъ сердитой

Ротмистръ, бросивъ презрительный взглядъ на Копычинскаго, который пробирался потихоньку къ дверямъ комнаты:—то, клянусь моими усами....

— Скорѣй далъ бы себѣ раздробить черепъ, перервалъ Регименшарь, чѣмъ съѣлъ бы гуся! я въ этомъ увѣренъ, такъ же какъ и въ томъ, что всякой правдивый Полякъ порадуется, когда удалый Москаль проучитъ хвастунишку и пруса, хотя бы онъ носилъ кунтушъ и назывался Полякомъ. Давай руку, Панъ Милославской! будемъ друзьями! Ты не врагъ Поляковъ, но еслибъ былъ и врагомъ нашимъ, я сказалъ бы то же самое: мы молодцевъ любимъ: съ ними и драться-то веселѣе! а ты, храбрый Панъ Копычинскій!... эга! да онъ ужъ далъ тягу!... Тѣмъ лучше! Надѣюсь, Бояринъ, ты не заставишь насъ сидѣть за однимъ столомъ съ этимъ негодяемъ; онъ, я думаю, съѣхонекъ, а если на бѣду опять проголодался: то прикажи его накормить въ застольной.

Да, потѣшь, Тимофѣй Федорычь, вели его попотчивать жаренымъ гусемъ! Кстати, Панъ, прибавилъ онъ, обращаясь снова къ Юрію. Мы, кажется, помѣнялись съ тобою конями? только на твоемъ не далеко уѣдешь: онъ и теперь еще лежитъ въ лѣсу, на большой дорогѣ... Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ онъ, не давая отвѣчать Юрію;—дѣло кончено; я плохой барышникъ—вотъ и все тутъ! Владѣй на здоровье моимъ конемъ. Не ты виноватъ, что я повѣрилъ этому хвастуну Копычинскому, который долженъ благодарить Бога за то, что не виситъ теперь между небомъ и землею; а не миновать бы ему этихъ качелей, еслибъ мои молодцы подстрѣлили самагò тебя, а не твою лошадь.—

— Позволь спросить, Панъ Регментарь, сказалъ Юрій,—что сдѣлалось съ однимъ изъ моихъ провожатыхъ, который остался пѣшимъ въ лѣсу?—

— Онъ, я думаю, и теперь еще разгуливаетъ по лѣсу.—

— Такъ онъ уцѣлѣлъ?—слава Богу!—

— Да, уцѣлѣлъ. Этотъ мошенникъ подбилъ глазъ моему слугѣ, увелъ моего коня и подстрѣлилъ лучшаго моего налетка; но я не сержусь на него. Еслибъ ему нечѣмъ было замѣнить твоей убитой лошади: то врядъ ли бы я теперь съ тобою познакомился. —

Межъ тѣмъ число гостей значительно умножилось пріѣздомъ сосѣдей Шалонскаго: большая часть изъ нихъ были помѣстные Дѣти Боярскіе, человѣкъ пять Жильцовъ и столько двое родословныхъ Дворянъ: Лесупа-Храпуновъ и Замятня-Опалевъ. Первый занималъ нѣкогда при Дворѣ Царя Федора Іоанновича значительный постъ Стряпчаго съ ключемъ (7). Наружность его не имѣла ничего замѣчательнаго: онъ былъ небольшаго роста, худощавъ и, несмотря на осанистую свою бороду и величавую

поступь, не походилъ ни мало на важнаго царедворца; онъ говорилъ безпрестанно о покойномъ Царѣ, Феодорѣ Іоанновичѣ для того, чтобъ повторять какъ можно чаще, что любимымъ его Спряпчимъ съ ключемъ, былъ Лесупа-Храпуновъ. Вторый, Замяпия-Опалевъ, бывшій при семъ Царѣ Думнымъ Дворянином, обѣщалъ съ перваго взгляда гораздо болѣе, чѣмъ отставный придворный: онъ былъ роспа высокаго, чрезвычайно дороденъ; огромная окладистая борода, покрывая дебелую грудь его, опускалась до самаго пояса; всѣ движенія его были медленны, онъ говорилъ протяжно и съ разстановкою. Служивъ при одномъ изъ самыхъ набожныхъ Царей Русскихъ, Замяпия-Опалевъ привыкъ употреблять въ разговорахъ кспапи и не кспапи изрѣченія, почерпнутыя изъ церковныхъ книгъ, буквальное изученіе которыхъ было, въ тогдашнее время, признакомъ отличнаго воспитанія и не рѣдко за

мѣняло умъ и даже природныя способности, необходимыя для Государственнаго человѣка. Борисъ Феодоровичь Годуновъ, умѣя цѣнить людей по ихъ достоинствамъ, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, уволилъ ихъ обоихъ отъ службы; съ тѣхъ поръ изъ уклончивыхъ придворныхъ, они превратились въ величайшихъ, хотя и вовсе не опасныхъ, враговъ правительства. Все, что ни дѣлалось при Дворѣ, становилось предметомъ ихъ всегдашнихъ порицаній: признаніе Лже-Димитрія Царемъ Русскимъ, междуцарствіе, впорженіе враговъ въ сердце Россіи — однимъ словомъ: всѣ бѣдствія отечества были, по ихъ мнѣнію, слѣдствіемъ оказанной имъ несправедливости. »Когдабъ блаженной памяти, Царь Феодоръ Іоанновичь здравствовалъ и Лесута-Храпуновъ былъ на своемъ мѣстѣ, говаривалъ описанной Спряпчій: по Гришка Отрепьевъ не смѣлъ бы и подумать назваться Димитріемъ.« Еслибъ Дворянинъ Опа-

левъ засѣдалъ по прежнему въ Царской Думѣ, повпорялъ безпрестанно Замятня: по не Поляки были бы въ Москвѣ, а Русскіе въ Краковѣ. »Но, прибавлялъ онъ всегда съ горькой улыбкою, блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ!« Въ царствованіе Лже-Димитрія, а потомъ Шуйскаго, оба зашпатные чиновники спарались опять попасть ко Двору; но попытки ихъ не имѣли успѣха и они рѣшились пристать къ партіи Боярина Шалонскаго, который обнадежилъ Лесупу, что съприсоединеніемъ Россіи къ Польской коронѣ, число сановниковъ при Дворѣ Короля Сигизмунда неминуемо удвоится и онъ, не только займетъ при ономъ мѣсто, равное прежней его степени; но даже, въ награду усердной службы, получитъ званіе одного изъ Дворцевыхъ Маршаловъ Его Польскаго Величества. А Замятню-Опалева увѣрилъ, что онъ непремѣнно будетъ засѣдать въ Польскомъ Сенатѣ, въ которомъ, по уни-

чтоженіи Думы, учредятся мѣста Сенаторовъ, по дѣламъ, касающимся до Россіи.—

Когда хозяинъ познакомилъ сихъ двухъ отставныхъ сановниковъ съ Поляками, Замяпня, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, произнесенныхъ со всею важностью будущаго Сенатора, спросилъ Пана Тишкевича:—Не изъ Москвы ли онъ идетъ съ регименпомъ?

— Изъ Москвы,—отвѣчалъ отрывистро Полякъ, которому надутой видъ Опалева съ перваго взгляда не понравился.

— И такъ справедливо, спросилъ въ свою очередь Лесупа-Храпуновъ, что въ Москвѣ цѣловали крестъ, не Свѣтлѣйшему Королю, Сигизмунду; а юному сыну его, Владиславу?—

— Справедливо.—

— Хороши же шамъ сидятъ головы! воскликнулъ Замяпня. »Горе тебѣ, граде, въ немъ же Царь твой юнъ!« вѣщаетъ премудрый Соломонъ; да и

чего ждать отъ Бояръ, которые засѣдали въ Думѣ при злодѣѣ Годуновѣ?—

—Для чего же ты не ѣдешь самъ въ Москву? сказалъ насмѣшливо Панъ Тишкевичъ.—Ты бы ихъ наспавилъ на путь истинный.—

—Чтобъ я спалъ якшаться съ этими малоумными! сохрани Господи! Не даромъ говоритъ Сирахъ: »касаяйся смолѣ очернится, а приобщаяйся безумнымъ, почтенъ имъ будетъ.«

—Вотъ то-то и есть! подхватилъ Лесута.—При блаженной памяти, Царѣ, Феодорѣ Іоанновичѣ были головы, а нынче.... да, что тутъ говорить! Когда я служилъ при свѣтломъ лицѣ Его, въ санѣ Спрятчаго съ ключемъ, то однажды Его Царское Величество, идя отъ заутрени, изволилъ мнѣ сказать....

—Ты разскажешь намъ это за столомъ, перервалъ хозяинъ. Милости просимъ, дорогіе гости! чѣмъ Богъ послалъ!—

Всѣ вышли снова въ столовую, въ которой, накрытый цвѣтною скатертью, столъ уставленъ былъ множествомъ различныхъ кушаньевъ. Всѣ блюда, тарелки и чаши были оловянныя; но на противъ стола, въ открытомъ поставцѣ разставлены были весьма красиво серебряные ковши, кубки, стопы, чары и братины. Противъ каждыхъ двухъ приборовъ стояли также серебряные сосуды: одинъ съ солью, другой съ перцемъ, а третій стеклянный, съ уксусомъ. Лучшимъ и роскошнѣйшимъ блюдомъ былъ жареной павлинъ—имъ и начался обѣдъ; потомъ стали подавать лапшу съ курицею, лѣнивыя щи, разныя похлебки, пирогъ съ бараниной, курникъ, подсыпанный яйцами, сырники и различныя жаркія. Множество блюдъ составляло все великолѣпіе столовъ тогдашняго времени; впрочемъ предки наши были не прихотливы и за столомъ любили только одно: наѣдаться досыта, и напиваться до-

упаду. Обѣдъ оканчивался обыкновенно закусками, между коими занимали первое мѣсто: морципаны, цукады, имбирь въ пашакѣ, шепшала и леденцы; пряники и коврижки, такъ же какъ и нынѣ, подавались послѣ обѣда у однихъ просполюдиновъ и бѣдныхъ Дворянъ.—

Когда всѣ наѣлись, началась попойка. Сколько Юрій, сидѣвшій подлѣ Пана Тишкевича, ни отказывался; но принужденъ бы былъ пить не менѣе другихъ, еслибъ, къ счастію, не могъ ссылаться на примѣръ своего сосѣда, который рѣшительно отказался пить изъ большихъ кубковъ,—и хотя хозяинъ начиналъ нѣсколько разъ хмуриться; но изъ уваженія къ Регименсгарю, оставилъ ихъ обоихъ въ покоѣ, и вымѣстилъ свою досаду на другихъ. Одинъ сѣдой Жилецъ не допилъ своего кубка—Боярынъ принудилъ его самаго вылить себѣ остатокъ меда на голову; Боярскому сыну, который отказался выпить

кружку наливки, велѣлъ насильно влить въ ротъ большой стаканъ полынной водки и хохоталъ во все горло, когда несчастный гость, задыхаясь и почти безъ чувствъ, повалился на полъ. Межъ тѣмъ и Панъ Тишкевичъ, несмотря на свою умѣренность, сталъ поговаривать веселѣе. —Бояринъ! сказалъ онъ. Еслибъ супруга твоя здравствовала: то вѣрно бы не отказалась поднести намъ по чаркѣ вина и допустила бы взглянуть на свѣтлыя свои очи; такъ не льзя ли намъ удостоиться присутствія твоей прекрасной дочери? У васъ, можетъ быть, не въ обычаѣ, чтобъ дѣвицы показывались гостямъ; но вѣдь ты, Бояринъ, почти нашъ братъ Полякъ—дозволь полюбоваться невѣстою Пана Гонсѣвскаго.—

—И выпить изъ башмачка ея, прибавилъ усастый Ротмистръ,—за здравіе знаменитаго жениха и счастливое окончаніе веселья.—

— Она не очень здорова, отвѣчалъ Кручина.

— Мы всѣ тебя объ этомъ просимъ! закричали Поляки.—

— Быть по вашему! сказалъ хозяинъ, подозвавъ къ себѣ одного служителя, который, выслушавъ приказаніе своего господина, вышелъ поспѣшно вонъ изъ комнаты.

— А скоро ли, Бояринъ, веселье? спросилъ Регименпарь.

— Я хотѣлъ было въ будущемъ мѣсяцѣ ѣхать въ Москву.—

— Не совѣтую! тамъ что-то все не ладится; того и гляди, начнется такая попойка, что и у трезвыхъ въ головѣ зашумитъ.—

— Какъ такъ! сказалъ Лесупа-Храпуновъ. Да, развѣ не вы господа въ Москвѣ?—

— Да! покамѣстъ! отвѣчалъ Тишкевичь. Взойдти-то въ нее мы взошли....

— »Въ граде крѣпкій вниде премудрый, перервалъ заикаясь Опалевъ,—и

разруши упвержденіе, на не же надѣяшася нечеспивіи!«

— Вотъ то-то и худо, что не вовсе разрушили, продолжалъ Тишкевичъ. Ну, да что объ этомъ говорить! Наше дѣло рубиться, а объ остальномъ знаютъ лучше насъ старшіе.—

— И вѣдомо такъ, сказалъ Лесупа. Когда я былъ Спряпчимъ съ ключемъ, то однажды блаженной памяти Царь, Феодоръ Іоанновичъ, идя къ обѣднѣ, изволилъ сказать мнѣ: »ты, Лесупа, малой доброй, знаешь свою спряпню; а въ чужія дѣла не мѣпаешься.« Въ другое время, какъ онъ изволилъ опслушать часы и я спалъ ему докладывать, что любимую его шапку попортила моль....

— Не о шапкѣ рѣчь, перервалъ хозяинъ; изволь допивать свой кубокъ!— Да, и ты, любезный сосѣдъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Замяшнѣ; прошу отъ другихъ не отставать. Допивай.—Вотъ такъ! люблю за обы-

чай! Теперь просимъ покорно вопъ эпаго!...

— Ни, ни, Бояринъ! опвѣчалъ Замяпня, съ прудомъ пошевеливая усами;—сказано бо есть: »не упивайтеся виномъ...«

— Да эпо не вино, а наливка!

— Ой ли! Ну, если такъ, пожалуй! Наливку пить законъ не препитъ.—

— Вѣспимо, нѣтъ! примолвилъ Лесупа.—Покойный Государь, Феодоръ Іоанновичъ всегда, отслушавъ вечерню, изволилъ выкушивать чарку винневки, которую, однажды поднося ему на золотомъ подносѣ, я сказалъ....

— Моя хоть и не на золотомъ подносѣ, перервалъ хозяинъ, а прошу прикушать!... Ну, что? какова?—

— »Не красна похвала во устахъ грѣшника,« глаголетъ премудрый Сирахъ,—сказалъ Замяпня, осуша свой кубокъ; — а нельзя достойно не восхвалить: наливка, ей же ей, преизрядная!—

Когда къ концу обѣда всѣ гости

порядкомъ подгуляли, Бояринъ Кручина велѣлъ снова наполнить серебряныя стопы и сказалъ громкимъ голосомъ:—кто любитъ Кручину Шалонскаго, тотъ за мною! за здравіе побѣдителей Смоленска!—

— Виватъ! закричали Поляки.

— Да здравствуютъ всѣ неустрашимые воины! примолвилъ Тишкевичъ, поднявъ кверху свой кубокъ.

Всѣ гости, кромѣ Юрія, осушили свои стопы.

— Пей, Юрій Дмитричъ! закричалъ Бояринъ.

— Я пью на погибель враговъ; а Смольяне — Русскіе и братья наши; отвѣчалъ спокойно Юрій.

— Твои, а не мои, возразилъ Кручина, бросивъ презрительный взглядъ на Юрія.—Бунтовщики и кромольники никогда не будутъ братьями Шалонскаго.—

— Жаль, молодецъ, сказалъ Тишкевичъ, пожавъ руку Юрія,—жаль, что ты не нашъ братъ Полякъ!—

Угрюмое чело Боярина Кручины часъ опъ часу спановилось мрачнѣе; нѣсколько минутъ продолжалось общее молчаніе; всѣ глядѣли съ удивленіемъ на дерзкаго юношу, копорый осмѣливался столь явно пропиворѣчить и не повиноваться грозному хозяину.—Посмотримъ, какъ шы не выпьешь теперь! прошепталъ наконецъ сквозь зубы Бояринъ. Онъ спросилъ позолоченной кубокъ и, выливъ въ него полбупылки мальвуазіи, вспалъ съ своего мѣспа; всѣ послѣдовали его примѣру.—Ну, дорогіе госпи! сказалъ онъ.—Этопъ кубокъ долженъ всѣхъ обойдпи. Кпо пьепъ изъ него, прибавилъ онъ, бросивъ грозный взглядъ на Юрія, топъ другъ нашъ; кпо не пьепъ, топъ врэгъ и супоспапъ! За здравіе Свѣплѣйшаго, Державнѣйшаго Сигизмунда, Короля Польскаго и Царя Русскаго! Да здравспвуепъ!—

—Вивапъ! воскликнули Поляки.

—Да здравспвуепъ! повшорили всѣ Русскіе, кромѣ Юрія.

— »И да распочатся врази его!« зарѣвѣлъ басомъ Замятня-Опалевъ. »Да прейдетъ животъ ихъ, яко слѣдъ облака, и яко мгла разрушится отъ лучь солнечныхъ!«

— Аминь! возгласилъ хозяинъ, опрокинувъ осушенный кубокъ надъ своей головою.

Юрій едва могъ скрывать свое негодованіе: кровь кипѣла въ его жилахъ, онъ мѣнялся безпрестанно въ лицѣ; правая рука его невольно искала рукоятку сабли, а лѣвая, крѣпко прижатая къ груди, казалось, хотѣла удержать сердце, готовое вырваться наружу. Когда очередь дошла до него, глаза благороднаго юноши заблистали необыкновеннымъ огнемъ; онъ окинулъ бѣглымъ взоромъ всѣхъ пирующихъ и сказалъ твердымъ голосомъ: —Бояринъ! ты предлагаешь намъ пить за здравіе Царя Русскаго, и такъ—да здравствуетъ Владиславъ, законный Царь Русской, и да погиб-

нупъ всѣ измѣнники и враги отечества!—

— Спой, Милославской! закричалъ хозяинъ. Или пей, какъ указано; или кубокъ мимо!—

— Подавай другимъ! сказалъ Юрій, отдавая кубокъ дворецкому.

— Слушай, Юрій Дмитричь! продолжалъ Боярин съ возрастающимъ бѣшенствомъ.—Мнѣ ужъ надоѣло твое упрямство; съ своимъ уставомъ въ чужой монастырь не заглядывай! пей, какъ всѣ пьютъ!—

— Я твой господь, а не рабъ, отвѣчалъ Юрій; приказывай тому, кто не можетъ тебя ослушаться.—

— Ты будешь пить, дерзкой мальчишка! прошипѣлъ какъ змѣй, дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ, Кручина. Да! клянусь честію! ты выпьешь, или захлебнешся! подайте кубокъ! гей, Томила! Удалой! сюда!—

Двое огромнаго роста слугъ, съ звѣрскими лицами подошли къ Юрію.

— Боринъ! сказалъ Милославской,

взглянувъ презрительно на служителей, которые, казалось, не слишкомъ охотно повиновались своему господину.—Я безъ оружія, въ твоемъ домѣ.... и если ты хочешь прослыть разбойникомъ, то можешь легко меня обидѣть; но не забудь, Бояринъ! обидѣвъ Милославскаго, берегись оставить его живаго!—

—Въ послѣдней разъ спрашиваю тебя, продолжалъ едва внятнымъ голосомъ Шалонской: хочешь ли ты велю пить за здравіе Сигизмунда, такъ какъ пьемъ мы всѣ?—

—Пѣшь!—

—Пей, говорю я тебѣ! повторилъ Кручина, устремивъ на Юрія, какъ раскаленной уголь, сверкающіе глаза.

—Милославскіе не измѣняли никогда ни присягѣ, ни отечеству, ни слову своему. Не пью!—

—Такъ вылейте же ему весь кубокъ въ горло! заревѣлъ неистовымъ голосомъ хозяинъ.—

—Спойте! вскричалъ Панъ Тишке-

вичь. — Спыдись, Бояринъ! Онъ твой госпь, *дворянинъ; если ты позабылъ* это; то я не допущу его обидѣть. *Прочь, негодяи!* прибавилъ онъ, схватясь за свою саблю; или.... клянусь честію Польскаго солдата! ваши дурацкія башки сей же часъ вылетятъ въ окно!—

Оробѣвшіе слуги отступили назадъ, а Бояринъ, задыхаясь отъ злобы, *въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ* не могъ вымолвить ни слова. Наконецъ, оборотясь къ Поляку, сказалъ прерывающимся голосомъ: —не погнѣйся, Панъ Тишкевичь, если я напомню тебѣ, что ты здѣсь не у себя въ региментѣ; а въ моемъ дому, *гдѣ кромѣ меня никто не воленъ хозяйничать.*—

— Не взыщи, Бояринъ! я привыкъ хозяйничать вездѣ, гдѣ настоящей хозяинъ не помнитъ, что дѣлаетъ. Мы Поляки можемъ и должны желать, чтобъ нашъ Король былъ Царемъ *Русскимъ—мы присягали Сиги-*

змунду; но Милославской цѣловалъ крестъ не Ему, а Владиславу. Что будетъ, то Богъ вѣстъ; а теперь онъ дѣлаетъ то, что сдѣлалъ бы и я на его мѣстѣ.—

Казалось, Бояринъ Кручина успѣлъ нѣсколько поразмыслить и догадаться, что зашелъ слишкомъ далеко; помолчавъ нѣсколько времени, онъ сказалъ довольно спокойно Тишкевичу: —Дивлюсь, Панъ, какъ горячо ты защищаешь недруга твоего Государя.—

—Да, Бояринъ! я грудью стану за друга и недруга, если онъ молодецъ и смѣло идетъ на неровной бой; а не заступлюсь за пруса и подлеца, каковъ Панъ Копычинскій, хотябъ онъ былъ роднымъ моимъ братомъ.—

—Но не уже ли ты повѣрилъ, что я въ самомъ дѣлѣ рѣшусь обидѣть моего гостя? И, Панъ Тишкевичь! Я хотѣлъ только попугать его, а по мнѣ, пожалуй пусть пьетъ хоть за здравіе Татарскаго Хана: отъ его

словъ никого не убудетъ. Подайте ему кубокъ!—

Юрій взялъ кубокъ и, оборотясь къ *хозяину, повторилъ снова:*—*да здравствуетъ* законный Царь Русской, и да погибнутъ всѣ враги и предатели отечества!—

— Аминь! раздался громкой голосъ за дверьми столовой.

— Что это значитъ? закричалъ Кручина. *Кто осмѣлился?...* подайте его сюда!—

Двери отворились и человѣкъ среднихъ лѣтъ, босикомъ, въ рубищѣ, подпоясанной веревкою, съ распрепанными волосами и всклокоченной бородою, въ два прыжка очутился по *среди комнаты.* Несмотря на нищенскую его одежду и странныя ухватки, сей часъ можно было догадаться, что онъ не съумасшедшей: глаза его блистали умомъ, а на благообразномъ лицѣ выражалась необыкновенная кротость и спокойствіе души.—

— Ба, ба, ба! Митя! вскричалъ Замятня-Опалевъ, который вмѣстѣ съ Лесупой-Храпуновымъ, во все продолженіе предъидущей сцены, наблюдали осторожное молчаніе.—Какъ это Богъ тебя принесъ? Я думалъ, что ты въ Москвѣ.—

— Нѣтъ, Гаврилычь! отвѣчалъ юродивый;—тамъ душно, а Митя любитъ просторъ. То ли дѣло въ чистомъ полѣ! молись на всѣ четыре стороны, никто не помѣшаетъ.—

— За чѣмъ впустили этаго дурака! сказалъ Кручина.

— Кто онъ таковъ? спросилъ Тишкевичъ.

— Тунеядецъ, міроѣдъ, который, Богъ знаетъ — почему, прослылъ юродивымъ.—

— Не выгоняй его, Бояринъ! я никогда не видывалъ вашихъ юродивыхъ: послушаемъ, что онъ будетъ говорить.—

— Пожалуй; только у меня есть дураки гораздо его забавнѣе. Ей ты,

блаженной! за чѣмъ ко мнѣ пожаловалъ?—

— Соскучился по тебѣ, Федорычь, отвѣчалъ Митя. Эхъ! жаль мнѣ тебя! видитъ Богъ, жаль!... Худо, Федорычь, худо!... Митя шелъ селомъ, да плакалъ; мужички испитые, церковь на боку.... а ты себѣ на умѣ! попиваешь, да бражничаешь съ пріятелями. А вотъ какъ все пріѣшь, да выпьешь; чѣмъ-то станешь угощать нежданую гостью?... Хватъ, хватъ! анъ въ погребѣ и вина нѣтъ! худо, Федорычь, худо!—

— Что ты врешь, дуракъ!

— Такъ, Федорычь! Митя болтаетъ, что ему вздумается, а смерть придетъ, какъ ей Богъ велитъ... Ты думаешь со двора, а голубушка на дворъ—не успѣешь стола накрыть.... Здравствуй, Дмитричь! продолжалъ онъ, подойдя къ Юрію. И ты здѣсь попиваешь?... ай, да молодецъ!... Смотри, не охмѣлѣй!—

— Мнѣ помнится, Митя, я видалъ

шебя у покойнаго батюшки, сказалъ ласково Юрій.

— Да, да, Дмипричь! жаль шёску! раненько умеръ; при немъ не залетапь бы къ коршунамъ ясному соколу. Жаль мнѣ тебя, голубчикъ, жаль! связалъ себя по рукамъ, по ногамъ!... да, Богъ милостивъ! не вѣкъ въ кандалахъ ходить.... побывай у Сергія! легче будетъ!

— Ей, ты, Митя! сказалъ Тишке-вичь, — полно говорить съ другими! поговори со мной!—

— А что мнѣ говорить съ тобою? вишь ты какой усастой! боюсь!—

— Не бойся! на-ка вотъ тебѣ! продолжалъ Полякъ, подавая ему серебряную монету.

— Спасибо!... на что мнѣ!... я вѣдь на своей сторонѣ, съ голоду не умру; побереги для себя, ты человѣкъ заѣзжей.—

— Возьми! у меня и безъ епой много.—

— Ой ли? смотри, чтобъ доспало!... погоспишь, погоспишь, да надо жѐ въ дорогу.... Не близко мѣсто, не скоро до́ дому дойдешь.... да еще неравно и проводы будутъ.... береги денежку на черной день!—

— Я черныхъ дней не боюсь, Митя.—

— И я, братъ, въ тебя! Не боюсь ничего; пришелъ незваный, да и всѐ пупъ!... а какъ хозяинъ погонитъ, такъ давай Богъ ноги!—

— И давно пора! сказалъ Кручина, которому весьма не нравились двусмысленныя слова юродиваго. — Убирайся-ка вонъ, покуда цѣлъ!—

— Пойду, пойду, Федорычь! я не въ другихъ—не стану дожидаться, чтобъ меня въ шею прополкали. А жаль мнѣ тебя, голубчикъ, право жаль! по-по вдовье дѣло!... некому тебя ни прибрать, ни прихолить!... Смотри-ка, сердечной, какъ ны замаранъ!... чернехонекъ!... мѣстечка бѣленькаго не осталось!... Эхъ, Федорычь, Федо-

рычь!... Не вѣкъ жить неумойкою, пора прибраться!... захватитъ гостья немытаго, плохо будетъ!—

— Я не хочу понимать дерзкихъ рѣчей твоихъ, безумной! пошелъ вонъ!

— Послушай-ка, Гаврилычь! продолжалъ юродивый, обращаясь къ Замятнѣ.—Ты книжной человѣкъ, гдѣ бишь это говорится: »сѣявый злая, пожнетъ злая?«

— Въ притчахъ Соломоновыхъ, отвѣчалъ важно Замятня;—онъ же, премудрый Соломонъ, глаголетъ: »не сѣй на браздахъ неправды, не имаши пожати ю съ седмерицею.«

— Слышишь ли, Федорычь, что говорятъ умные люди? а мы съ тобой дураки—не понимаемъ, какъ не понимаемъ.—

— Вонъ отсюда, бродяга! или я размозжу тебѣ голову!—

— Бей, Федорычь, бей! А Митя все-таки свое будетъ говорить.... бѣдненькой охъ! а за бѣдненькимъ Богъ;

А какъ Федорычу придется охать, по-по худо будетъ!... онъ заохаетъ, а мужички его вдвое.... Онъ закричитъ: »Господи, помилуй!..« а въ тысячу голосовъ завопятъ: »онъ самъ никого не миловалъ...« Такъ знаешь ли что, Федорычь! изъ-за другихъ-то тебя вовсе не слышно будетъ.... жаль мнѣ тебя, жаль!—

—Молчи, змѣя! вскричалъ Бояринъ, вскочивъ изъ-за стола. Онъ замахнулся на юродиваго, который, сложа крестомъ руки, смотрѣлъ на него съ видомъ величайшей кротости и душевнаго соболѣзнованія; вдругъ двери во внутренніе покои растворились и кто-то громко вскрикнулъ. Бояринъ вздрогнулъ, съ испуганнымъ видомъ поспѣшилъ въ другую комнату, слуги начали суетиться и всѣ гости повскакали съ своихъ мѣстъ. Юрій сидѣлъ противъ самыхъ дверей; онъ видѣлъ, что пышно одѣтая дѣвица, покрытая съ головы до ногъ богатой фатою, упала безъ чувствъ на руки

къ старухѣ, которая шла позади ея. Въ минуту общаго смятенія, юродивой подбѣжалъ къ Юрію. — Смотри, Дмитричь! сказалъ онъ; крѣпись!... Терпи! стерпится, слюбится! ты постоишь за правду, а пѣска-та, вонъ тамъ! и за говоритъ: »ай, да сынокъ! утѣшилъ мою душеньку!...« Прощай, покамѣстъ!... Митя будетъ молиться Богу, молись и ты!... Онъ не въ насъ! хоть и высоко, а все слышитъ!... А у Троицы-то, Дмитричь, у Троицы.... раздолье!—сѣть гдѣ помолиться.... Не забудь!... Сказавъ сіи слова, онъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Юрій едва слышалъ, что говорилъ ему юродивой; онъ не понималъ самъ, что съ нимъ дѣлалось: голосъ упавшей въ обморокъ дѣвицы, вѣроятно, дочери Боярина Кручины, проникъ до глубины его сердца; что-то знакомое, близкое душѣ его, отозвалось въ семъ крикѣ, который, казалось Юрію, походилъ болѣе на радостное восклицаніе, чѣмъ на вопль горести.

Онъ не смѣлъ мыслить, не смѣлъ надѣяться; но противъ воли Москва, Кремль, Спасъ на Бору и прекрасная незнакомка представились его воображенію. Болѣе получаса Бояринъ не показывался и когда онъ вошелъ обратно въ столовую комнату: то, несмотря на то, что весьма скоро притворилъ дверь въ сосѣдственной покой, Юрій успѣлъ разглядѣть, что въ ономъ никого не было, кромѣ одного высокаго ростомъ служителя, спѣшившаго уйдти въ противуположныя двери. Милославскому показалось, что сей служитель походитъ на человѣка, замѣченнаго имъ поутру въ боярскомъ саду.—

— Дочь моя, сказалъ Шалонской Пану Тишкевичу,—весьма жалѣетъ, что не можетъ тебя видѣть: она не совсѣмъ еще здорова и очень слаба; но надѣюсь, что скоро....

—Заалѣетъ опять, какъ маковъ цвѣтъ! перервалъ Лесута-Храпуновъ. — Нечего сказать, всякой позавидуетъ Па-

ну Гонсѣвскому, когда Анастасья Тимофѣевна будетъ его супругою.—

—»Жена добліи веселитъ мужа своего, примолвилъ Замятня,—и лѣпа его исполнитъ миромъ.«

—Да будетъ по глаголу твоему, сосѣдъ! сказалъ съ улыбкою Кручина.—Юрій Дмитричь! продолжалъ онъ, подойдя къ Милославскому;—ты что-то призадумался; помиримся! Я и самъ виню себя, что не вспамни погорячился; ты цѣловалъ крестъ сыну, а говоровъ присягнуть отцу—оба мы желаемъ блага нашему отечеству: такъ ссориться намъ не за что, а чему быть, тому не миновать.—

Юрій въ знакъ примиренія подалъ ему руку.—Ну, дорогіе гости! продолжалъ Бояринъ, теперь милости просимъ повеселиться. Гей, наливайте кубки! подносите вареццъ (*)! да, пѣсельниковъ! живо!—

(*) Горячей напитокъ, родъ пунша, въ составъ котораго входили: пиво, медъ, вино и прянос ко-

Толпа дворовыхъ, одѣтыхъ по большой части въ охотничьи платья, Польскаго покроя, взошли въ комнату. Инструментальную часть хора составляли: гудокъ, балалайка, рожокъ, мѣдные тазы и сковороды. По знаку хозяина, раздались удалыя Волжскія пѣсни и, черезъ нѣсколько минутъ, столовая комната превратилась въ настоящей цыганской табаръ. Всѣ приличія были забыты: пьяные господа, обнимали пьяныхъ слугъ; нѣкоторые изъ господей ревѣли на разладъ вмѣстѣ съ пѣсельниками; другіе, у которыхъ ноги были вверже языка, приплясывали и кривлялись, какъ ярмарочные скоморохи, и даже важный Замятня-Опалевъ нѣсколько разъ приподнимался, чтобъ проплясать голубца; но видя, что всѣ его усилія напрасны, пробормоталъ: »сердце мое смятеся и оставави мя сила моя!« Панъ

рельи. Въ Малороссіи и до сихъ поръ еще въ употребленіи сей національной пушкъ, подъ именемъ варенухи.—

Тишкевичь, хотя не принималъ участія въ сихъ отвратительныхъ забавахъ; но, казалось, не скучалъ и смѣялся отъ добраго сердца, смотря на безумныя потѣхи другихъ. Напротивъ Юрій, привыкшій съ младенчества къ благочестію въ домѣ отца своего, ожидалъ только удобной минуты, чтобы уйдти въ свою комнату; онъ желалъ этаго тѣмъ болѣе, что день клонился уже къ вечеру, а ему должно было отправиться чѣмъ свѣтъ въ дорогу.—

Межъ тѣмъ громкія восклицанія возвѣстили появленіе плясуновъ и плясуньевъ. Безстыдство и развратъ, во всей безобразной наготѣ своей, представились тогда изумленнымъ взорамъ Юрія. Онъ не смѣлъ никогда и помыслить, чтобъ человѣкъ, созданный по образу и подобію Божію, могъ унизиться до такой степени. Всѣ гости походили на бѣснующихся; ихъ буйное весельe, неистовые вопли, обезображенныя виномъ лица, все со-

гласовалось съ оппрапительнымъ крикомъ полупьянаго хора и гнуснымъ содержаніемъ развратныхъ пѣсенъ. Боярину Кручинѣ показалось, что одинъ изъ плясуновъ прыгаетъ хуже обыкновеннаго.—Еге, Андрюшка! закричалъ онъ;—да ты никакъ сталъ умничать! Погоди, голубчикъ! у меня прибавишь провору! Гей, Томила! Удалой! въ плети его!—Приказаніе въ тужъ минуту было исполнено.—Что, брать! сказалъ съ громкимъ хохотомъ Кручина несчастному плясуну, котораго жалобный крикъ сливался съ веселыми восклицаніями пирующихъ. — Никакъ подъ эту пѣсенку ты живѣе поплясываешь! Канай его!—Юрій хотѣлъ было умилостивить Боярина; но онъ не сталъ его слушать, а Замятня-Опалевъ закричалъ:—*не мѣшайся*, молодецъ, не въ свои дѣла! писано есть: »непокоривому рабу сокруши ребра«—и Сирахъ глаголетъ: »пища и жезлiе и бремя ослу; хлѣбъ и наказаніе и дѣло рабу.«

Лесупа, радуясь, что можетъ также похвастаться своей ученостью: »не буди излишенъ надъ всякою плотію, и безъ суда не соншвори ни чесо же.« Это часто изволилъ мнѣ говаривать блаженной памяти Царь, Феодоръ Іоанновичь; какъ теперь помню, однажды, опсповявъ всенощную, Его Царское Величество....

— Вѣрно пошелъ спать, перервалъ Тишкевичь; кажется и намъ пора. Прощай, Бояринъ! пусть мои повариши веселятся у тебя хоть всю ночь; а я привыкъ вставать рано, такъ мнѣ пора на покой!—

Хозяинъ не спалъ удерживать Регименпаря и Милославскаго, который также съ нимъ распрощался. Комната, гдѣ до обѣда отдыхалъ Юрій, назначена была Полякамъ; а ему отвели покой въ отдаленномъ домикѣ, на другомъ концѣ двора; онъ нашелъ въ немъ своего слугу, который, по видимому, угощенъ былъ не

хуже своего господина и едва спо-
ялъ на ногахъ. Милославской, помо-
лясь Богу, раздѣлся безъ помощи
Алексѣя и прилегъ на мягкую пери-
ну; но сонъ бѣжалъ отъ глазъ его;
впечатлѣніе, произведенное на Юрія
появленіемъ Боярской дочери, не со-
всѣмъ еще изгладилось; мысль, что,
можетъ быть, онъ провелъ весь день
подъ одной кровлею съ своей прекра-
сной незнакомкой, наполняла его ду-
шу какимъ-то грустнымъ, не изъя-
снимымъ чувствомъ. Но вскорѣ са-
мая проспая мысль уничтожила всѣ
его догадки: онъ много разъ видалъ
свою незнакомку, но ни когда не слы-
шалъ ея голоса, слѣдовательно еслибъ
она была и дочерью Боярина Кручи-
ны: то, не увидавъ ее въ лице, онъ
не могъ узнать ее по одному толь-
ко голосу; а сверхъ того ему удѣли-
тельнѣе было думать, что онъ ошиб-
ся, чѣмъ узнать, что его незнакомка
дочь Боярина Кручины и невѣста
Пана Гонсѣвскаго. Мало по малу успо-

коилось волненіе въ крови его, воображеніе охладѣло, и Юрій наконецъ заснулъ крѣпкимъ и спокойнымъ сномъ.

КОНЕЦЪ
ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Государственная
БИБЛІОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
5219-63